

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

**А. С. МАКАРЕНКО
И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

Киров
2021

УДК 371.47
ББК Ч403(2)5
П551

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Булдакова, доктор педагогических наук, профессор и зав. кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

М. А. Захарищева, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко

Помелов, В. Б.

П551 А. С. Макаренко и его педагогическое наследие : монография / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2021. – 179 с. – ISBN 978-5-98228-237-8

В монографии раскрываются основные этапы жизни и деятельности великого отечественного педагога Антона Семёновича Макаренко (1888–1939), а также некоторых его коллег, воспитанников, последователей и исследователей его научного наследия.

Издание адресовано специалистам в области истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей образования и педагогической мысли.

УДК 371.47
ББК Ч403(2)5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Макаренко: ещё не легенда.....	8
I.I. Детство	8
I.II. Юность. Годы работы в школе	17
I.III. Колония имени М. Горького.....	28
1.4. Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского	53
1.5. Писатель А. С. Макаренко.....	67
I.VI. «Прощай, отец...»	78
II. Бессмертие.....	87
II.I. Первый наставник (А. К. Волнин).....	87
II.II. Коллеги (В. Н. Терский, Н. Э. Фере)	94
II.III. Воспитанники (С. А. Калабалин, Л. В. Конисевич, А. Г. Явлинский, В. Т. Цымбал, И. Д. Токарев).....	105
II.IV. Воспитательная система П. В. Поталака	115
II.V. Макаренко или Сухомлинский?.....	126
II.VI. Педагоги-новаторы 1980-х гг.....	142
II.VII. Последователи (Г. М. Кубраков, А. А. Католиков).....	156
II.VIII. Макаренковедение (И. Ф. Козлов, В. В. Кумарин, В. М. Опалихин, А. А. Фролов)	162
Заключение	169
Библиографический список	171

*В каком году мы с вами б ни родились,
Родились мы в семнадцатом году
Е. А. Евтушенко*

ВВЕДЕНИЕ

В 1988 г., в год 100-летия со дня рождения Антона Семёновича Макаренко, было обнародовано решение ЮНЕСКО, согласно которому он отнесён к четырём педагогам, наряду с итальянкой Марией Монтессори, американцем Джоном Дьюи и немцем Георгом Кершенштейнером, определившим своей деятельностью способ педагогического мышления в XX веке. Педагогической общественностью всего мира этот выбор означал не что иное как отнесение указанных личностей к числу самых великих педагогов.

Отечественная и зарубежная педагогическая литература о научно-педагогическом и литературном творчестве, о практической деятельности А. С. Макаренко насчитывает огромное количество монографий, диссертаций, разного рода научно-популярных изданий, статей в журналах, газетах и научных сборниках, причём не только педагогической, но также общественной, социально-политической, литературной, культурологической и даже военно-спортивной и оздоровительной направленности.

Регулярно проводятся научные конференции, посвящённые жизни и творчеству А. С. Макаренко. В ряде стран работают целые научно-исследовательские коллективы, ставящие перед собой задачу изучения его наследия. В СССР были поставлены два художественных фильма по его произведениям, вышло также большое количество документальных фильмов.

Несмотря на всю эту работу, творчество великого педагога остаётся, тем не менее, недостаточно изученным. В его биографии по-прежнему остаётся много «белых пятен». Главное, что не даёт покоя исследователям, это то, что, несмотря на, казалось бы, всеобщее признание, педагогическая система Макаренко *якобы* так и не получила распространение в СССР (РФ) и других странах.

Некоторые исследователи пытаются убедить педагогическую общественность в том, что, дескать, школьных учреждений, где бы она применялась в так называемом чистом виде, просто нет.

Ещё бы, внешним выражением макаренковской системы являлось, как всем хорошо известно, сочетание учёбы детей с производительным трудом. Но в настоящее время такое «сочетание» вовсе не

предусмотрено никакими образовательными стандартами, действующими в Российской Федерации. Более того, даже небольшие клочки земли, на которых ранее располагались пришкольные садово-огородные участки, и где учащиеся могли получить хотя бы первоначальные трудовые навыки, в настоящее время повсеместно ликвидируются, прежде всего, разумеется, в крупных городах с целью использования этих территорий для других, «более важных» нужд.

Сторонникам системы Макаренко «в чистом виде» трудно от решиться от мысли о том, что великий педагог занимался детьми *теми видами производительного труда, которые были актуальны и востребованы в то, теперь уже весьма далёкое, время*. Воспитанники Макаренко выращивали хлеб и крупный рогатый скот, мастерили столы и стулья, наконец, собирали дрели и фотоаппараты. Но актуально ли всё это сейчас применительно к детскому ученическому коллективу? Не уверен.

Проблема претворения в жизнь системы Макаренко занимает автора предлагаемой вниманию читателя монографии более сорока лет. И на протяжении всех этих лет наше мнение относительно характера воплощения системы Макаренко в жизнь неоднократно изменялось. Не по конъюнктурным соображениям, нет, а исключительно в силу того, что изменялась сама жизнь и все сопутствующие ей реалии, как духовные, так и материальные.

Нам представляется очевидным то, что реалии современной жизни просто так подсказывают правильное решение проблемы рационального использования педагогического наследия А. С. Макаренко.

Так, например, известно, что во многих учебных заведениях всё более широкое распространение получают разного рода научно-исследовательские лаборатории, создаются коллективы единомышленников, работающих над решением достаточно важных задач, имеющих практическое применение, а порой и научное значение.

Современные школьники и студенты *не собирают дрели*, подобно коммунарам тридцатых годов, но они, тем же макаренковским бригадным методом создают компьютерный «софт» и «3D»-модели, совершенствуют робототехнику и разного рода электронные устройства и гаджеты.

И такого рода примеры множатся день ото дня. Это и есть «современное прочтение», иными словами, реализация идей Макаренко в наши дни. По крайней мере, так это представляется автору данной монографии.

В предлагаемой вниманию читателя монографии автор сосредоточивает своё внимание на решении двух главных задач.

Первая задача заключается в том, чтобы последовательно изложить биографические данные А. С. Макаренко. Необходимость решения этой задачи определяется тем, что в разнообразных источниках, – прежде всего, в интернете, – приводится огромное количество ошибок, неточностей, «фантазий», домыслов, сплетен и тому подобного «мусора», в котором читателю порой трудно бывает ориентироваться. Эту задачу «отделения зёрна от плевел» и взял на себя автор монографии. Её решению посвящена первая часть книги.

При этом автор стремился к тому, чтобы изложение биографии Макаренко было не только максимально фактологичным и точным, но также и занимательным, интересным для чтения не только специалисту-педагогу, но и неподготовленному в этом отношении читателю.

Вторая задача состоит в том, чтобы познакомить читателя с теми людьми, которые окружали Макаренко в годы его педагогической деятельности, были его верными соратниками. Мы имеем в виду педагогов, трудившихся вместе с ним, а также некоторых воспитанников, судьбы которых стали также предметом нашего изучения.

В монографии представлены биографические портреты педагогов, которых можно считать своего рода последователями Макаренко. Это, например, материал о П. В. Поталаке и возглавлявшемся им учебно-воспитательном заведении «Новая жизнь», о педагогах-новаторах 1980-х гг., которые, несомненно, были духовными продолжателями дела А. С. Макаренко.

Автор также рассказывает о наставнике Антона Семёновича по учёбе в Полтаве А. К. Волнине; приводится его биография, тщательно собиравшаяся автором монографии на протяжении ряда лет.

Наконец, автор посчитал необходимым включить в свою книгу главу о В. А. Сухомлинском. При этом мы стремились показать как духовное единство наследия двух великих отечественных педагогов, так и развитие идей Макаренко в творчестве Сухомлинского, а также то, чем различались их педагогические позиции.

Каждой из названных задач посвящена отдельная часть монографии. Решение этих двух задач и составляет исследовательскую цель монографии. Научная новизна монографии заключается во введении в научный оборот значительного количества новых фактов, анализ их с современных научных позиций. Теоретическая значимость монографии состоит в том, что полноценное раскрытие обще-

ственно-педагогической, научно-теоретической и литературной работы А. С. Макаренко позволяет выделить в её содержании ценностный (аксиологический) потенциал, способный обогатить современную историко-педагогическую науку. Практическая значимость монографии состоит в том, что её содержание может оказать помощь исследователям творчества великого педагога.

Содержащиеся в содержании монографии факты могут быть с успехом использованы в процессе преподавания ряда гуманитарных дисциплин в учебных заведениях различного уровня.

Предлагаемая вниманию читателя монография является *десятым, заключительным* томом авторской серии доктора педагогических наук, профессора из г. Кирова Владимира Борисовича Помелова.

I. МАКАРЕНКО: ЕЩЁ НЕ ЛЕГЕНДА

I.1. Детство

1 (13) марта 1888 года, в небольшом городе Белополье Сумского уезда Харьковской губернии, (ныне административный центр Белопольского района Сумской области Республики Украина), в семье Семёна Григорьевича Макаренко, старшего маляра Белопольского железнодорожного депо Харьковской железной дороги, и его жены Татьяны Михайловны, родился сын Антон, которому было суждено стать звездой первой величины мировой педагогики.

Родители Антона познакомились и поженились в 1875 г. в посаде Крюков, близком пригороде Кременчуга. (Теперь Крюков – один из двух районов города Кременчуг Полтавской области Республики Украина). В те годы в Крюкове уже были небольшие мастерские по ремонту вагонов, и именно в них Семён Григорьевич начал свою рабочую биографию.

В семье говорили на русском языке. Биограф А. С. Макаренко Гётц Хиллиг посвятил вопросу национального происхождения и национального самосознания А. С. Макаренко отдельное исследование под названием «К вопросу национального самосознания А. С. Макаренко». В нём подтверждается утверждение В. С. Макаренко о русском самосознании Антона Семёновича и семьи в целом. Г. Хиллиг отмечает, что все произведения и личную переписку А. С. Макаренко вёл на русском языке.

В то же время, он знал и любил украинский язык, часто и уместно включал цитаты украинской речи в диалоги действующих лиц своих произведений. А. С. Макаренко также понимал и мог объясняться по-польски, о чём упоминает также его воспитанник Л. В. Конисевич в своей книге мемуаров «Нас воспитал Макаренко» в главе о приезде польской делегации [37].

Семён Григорьевич Макаренко родился в Харькове в 1850 г., где, как он сам вспоминал, «говорили на самом красивом русском языке». Трудное детство наложило на его характер свою печать, – он всегда был немного замкнутым, скорее молчаливым, с небольшим налётом грусти» [61, с. 107]. Он скончался 27 февраля 1916 г.

Сотрудники музея А. С. Макаренко в Кременчуге, руководствуясь планом Крюкова, выполненным В. С. Макаренко в 1972 г., во время его второго пребывания в Марбурге, установили место нахож-

дения могилы С. Г. Макаренко. В эту могилу перенесены теперь и останки его жены, скончавшейся в 1931 г. в Харькове.

Татьяна Михайловна Макаренко, в девичестве Дергачёва, родилась в 1860 г. Она была родом из Орловской губернии, происходила из семьи обедневших дворян. У неё были две сестры и два брата. Её отец в молодости служил простым солдатом, а потом устроился чиновником в Крюковское интендантство.

Он, несомненно, обладал немалой хозяйственной сметливостью, поскольку, не располагая какими-либо существенными материальными средствами, построил в Крюкове, на Поселянской улице большой, солидный дом, сохранившийся до наших дней. Этот дом, можно сказать, чудом уцелел после двух мировых войн. В послевоенные годы в нём разместился музей А. С. Макаренко [61, с. 100].

Первый ребёнок в семье Макаренко, дочь Александра, появилась на свет 13 апреля 1878 г. Дочь Серафима, родилась, предположительно, в 1879 г., но она скончалась спустя несколько месяцев в том же году.

В Белополье семья переехала приблизительно в период между 1881 и 1885 гг. Необходимость переезда диктовалась тем, что расположенная там железнодорожная станция становилась всё более крупной, и там было легче найти работу главе семьи, хотя по сравнению с Крюковым Белополье было настоящим захолустьем.

Семья снимала в Белополье небольшую квартирку у гражданина по фамилии Муха. Здесь, в Белополье, родились Антон (1888), Наталия (1891–1899) и Виталий (20 апреля / 2 мая 1895 – 22 июля 1983).

Антон появился на свет раньше срока на три недели. Не исключено, что именно это обстоятельство было причиной его болезненного состояния в детские годы. Рано утром Татьяна Михайловна пошла к колодцу «по воду»; поскользнулась и упала. К 10 часам у неё начались схватки, а в 12 часов на свет появился Антон.

«Будущее педагогическое начало», то есть быстрая, ясная и правильная речь, обнаружилось у мальчика очень рано, а вот его физическое развитие очень отставало. Он поздно начал ходить. Когда ему было полтора года, приятели отца даже смастерили для малыша деревянные «ходульки» на рамках, чтобы он мог хоть как-то передвигаться [61, с. 101].

Антон рос болезненным, хрупким мальчиком. У него длительное время не зарастало темечко. Много беспокойства доставляла золотуха, и её неприятные последствия в виде флюсов, карбункулов, «печечка», ангины и других простудных заболеваний.

Всю жизнь Макаренко страдал от хронического насморка. Нос у него всегда был слегка распухший и красноватый, а в сырую и холодную погоду делался густо пунцовым, что его ужасно печалило. «Мой нос Бог семерым нёс, а мне одному достался. Предстоит прожить всю жизнь с таким носом, – задача не из легких», – иронизировал сам Антон Семёнович.

Антон легко простужался от малейшего ветерка, сквозняка. В детстве его постоянно кутали в тёплую одежду, но это не закаливало организм, а только ослабляло его. Для лечения же в распоряжении матери были лишь рыбий жир и йодоформ, вдыхание горячего пара над кастрюлей и прикладывание горячего картофеля к больным местам. В квартире постоянно стоял тяжёлый запах лекарств. Младенческие и детские годы Антона представляли собой почти непрерывную цепь физических страданий, – вспоминал брат Виталий. – Не успевал прорвать флюс, как на глазу выскакивал печеячмень, проходил печеячмень – начинался карбункул... Антон ходил всё время с перекошенной физиономией, с повязкой на щеке или на шее, с ушами, заткнутыми ватой; он постоянно сидел над кастрюлей горячей воды [61, с. 101–102].

Для того, чтобы скрыть следы от бесчисленных карбункулов, Антон Семёнович впоследствии постоянно носил одежду с высоким воротником и «русские» рубашки, закрывавшие шею. Нет ни одной фотографии, на которой Макаренко был бы легко одет.

Настоящей трагедией для семьи стала болезнь Наталии, которая в 1893 г., в двухлетнем возрасте, неудачно упала с кровати; её парализовало, у девочки отнялись ноги. Мать и сестра Саша, как могли, ухаживали за несчастной, но Наталия всё-таки скончалась в 1899 г.

В доме Мухи семья жила недолго. На окраине Белополья родители сняли часть дома дорожного мастера Скальковского. Мальчишкам здесь было раздолье. В обширном дворе всем хватало места для игр. По одну сторону дома располагались хлебные поля, по другую – дремучий дубовый лес, куда дети бегали собирать желуди и грибы. Однако здесь семья Макаренко прожила недолго, с полгода, а затем перебралась на квартиру зажиточного мещанина Авраменко. Здесь они и проживали до своего возвращения в Крюков.

Для подвижного и непоседливого Виталия Макаренко жить здесь было ещё интересней: большой сад, лошади, коровы и коза, птичий двор, певчие птицы (щеглы, чижи, канарейки), голубятня, кошки и собаки... Увы, Антоша не принимал участия в детских заба-

вах; ему напрочь было запрещено и близко подходить к животным. А вдруг инфекция!

Антон был тихим, спокойным, дисциплинированным мальчиком. Он предпочитал проводить время с книгами, которых в доме Макаренко было достаточно. Несмотря на то, что Семён Григорьевич был, как принято говорить, простым рабочим, он очень любил читать, и привил эту привычку детям. В семье была приличная по размерам и подбору книг домашняя библиотека. Макаренко были одной из очень немногих в Белополье семей, куда почтальон приносил не только письма, но и специально выписываемые семьёй издания, – ежедневную газету «Биржевые ведомости» (!), а также «толстый» иллюстрированный журнал «Нива».

Этот журнал был едва ли не самым популярным изданием в до-революционной России. В нём публиковались новинки художественной литературы. Кроме того, в качестве приложений к журналу ежегодно печатались полные собрания сочинений отечественных и зарубежных писателей. Семейная библиотека содержалась в идеальном порядке и включала в себя многотомные издания А. П. Чехова, Н. Г. Данилевского, А. И. Куприна, Сельмы Лагерлёф, Ги де Мопассана, Мигеля Сервантеса де Сааведры, Бьернстерне Бьернсона и других тогдашних «властителей дум». Старшего сына Антона отец научил читать в 5 лет.

Семья Макаренко, как и большинство семей в те годы, была патриархальной. Отец утром и вечером совершал перед иконой краткую молитву. В Белополье он даже был церковным старостой.

Характеры у родителей были разные. Отец был воплощением спокойствия. Мать была большой шутницей; она подмечала у людей смешные стороны в их поведении. Татьяна Михайловна практически не знала украинской «мовы», но когда она шутила, то переходила на украинский язык.

Замкнутость и неуверенность в себе, а также сильная близорукость, вынуждавшая Антона носить очки, сделали мальчика непопулярным среди ровесников. Над ним, «очкариком», часто и жестоко издевались соседские мальчишки. Зато он «брал реванш», когда дело доходило до книжных занятий. По вечерам зажигалась керосиновая лампа. За стол усаживались Антон и Виталий, а также сын хозяина дома Коля.

При обучении грамоте будущий педагог с целью, так сказать, контроля знаний использовал следующий педагогический приём: на

страницу букваря накладывался лист бумаги с небольшой прорезью для одной буквы, которую обучаемый должен был назвать. Методический смысл такого приёма состоял в том, что если бы обучаемый видел весь лист целиком, ему было бы легче узнать нужную букву, ориентируясь на соседние с ней. Но в этом случае не будет никакого «контроля знаний»! Похоже, уже тогда у маленького Антона проявился интерес к педагогической работе.

В 1895 году родители отдали ребёнка в двухклассное начальное железнодорожное училище, учёба в котором давалась Антону легко. Однако образ всезнайки, увы, не прибавил ему авторитета в глазах сверстников.

В декабре 1900 г. Семён Григорьевич, вместе с некоторыми своими товарищами по работе, был переведён обратно в Крюков, где потребовалось много рабочих. Железнодорожные сооружения там значительно расширились; были построены огромные ремонтные мастерские, электростанция, водонапорная башня и другие сооружения. В Крюков семья переехала в январе 1901 г. Здесь дети могли продолжить образование; Белополье хотя и считался городом, но там была только начальная школа.

Посад (или посёлок) Крюков, в котором в те годы насчитывалось до десяти тысяч жителей, располагался на правом берегу Днепра, и с Кременчугом его связывал километровый мост. В автобиографической повести «Честь» Макаренко воссоздал облик тогдашнего Кременчуга, вплоть до таких мелких подробностей как наличие в городе электрического трамвая. Посад Крюков выведен в повести под названием *Кострома*. Железнодорожники представляли собой достаточно зажиточную прослойку населения Крюкова. Селились они поближе к мастерским, многие обзаводились собственными домами. Считалось, что они находятся в привилегированном положении по сравнению с остальным населением посёлка. У них были свои аптека и больница, врач, два фельдшера, – и всё бесплатно! А кроме того, – клуб и баня.

Рядом Кременчуг, оживлённый торговый город. Там квартировали два пехотных полка и артиллерийская бригада. Ещё были три средних учебных заведения, три театра (драмы, оперетты, миниатюр), и самая завлекательная новинка того времени, – кинематограф.

Кременчуг постоянно посещали известные артисты Фёдор Шаляпин и Анна Павлова, а также ныне почти забытые, а тогда пользовавшиеся шумным успехом виртуозы-скрипачи чех Ян Кубелик

(1880–1940) и поляк Бронислав Губерман (1882–1947), итальянский оперный певец, приверженец школы «сладкого пения», баритон Маттиа Баттистини (1856–1928). Иногда приезжала Киевская или Харьковская опера.

Дважды в год давала концерты симфонический оркестр Дмитрия Владимировича Ахшарумова (1864–1938), а также струнный оркестр Василия Васильевича Андреева (1861–1918) и многие другие коллективы. Большое впечатление оставляли драматические спектакли труппы, возглавлявшейся Павлом Николаевичем Орленёвым (Орловым) (1869–1932), в будущем народным артистом РСФСР. Для Антона и Виталия большим событием стало посещение симфонического концерта. С благоговением и восторгом дети прослушали «Стеньку Разина» Александра Константиновича Глазунова, «Пер Гюнта» Эдварда Грига, 40-ю симфонию Вольфганга Амадея Моцарта и 4-ю симфонию Роберта Шумана.

Виталий даже дал себе слово стать скрипачом, и в 1907 г. действительно купил свою первую скрипку. Яна Кубелика из него не вышло, но играл он, по собственному признанию, вполне прилично, и в первые годы эмиграции, сначала в Константинополе, а потом и в Париже зарабатывал на жизнь игрой в ресторанах, кинематографах, на балах и вечеринках.

В Крюкове семья поселилась сначала в доме мещанина Лосева, где прожила несколько месяцев. Это был очень старый домик, с двумя комнатами и кухней. Располагался он в конце длинного, грязного переулка. Мальчишек привлекал полный черемухи, сирени и шиповника огромный, запущенный сад, тянувшийся до Екатеринославской улицы. С другой стороны за высоким, мрачным, деревянным забором виднелся чугунно-литейный завод местного фабриканта Лабинского.

Рядом был огромный заливной луг, тянувшийся до самого Днепра, весь заросший незабудками и лютиками. Здесь, в небольших озерах, оставшихся после весеннего разлива, сновали чёрные головастики и стайки крошечных стройных рыбёшек. Во время разлива Днепра вода едва не доходила до дома [61, с. 104].

С середины 1901 г. по 1905 г. семья Макаренко снимала трехкомнатную квартиру с кухней в большом доме богатого подрядчика Миронова. Виталий Макаренко не без иронии называл этот дом и эту семью «целым миром, ... настоящей республикой в Крюковском государстве».

Но какой же это был некультурный, тёмный и отсталый, до ужаса серый и скучный мир! Миронова Виталий впоследствии вспоми-

нал как скупого и жадного мещанина, лицо которого полностью заросло бородой; она начиналась сразу же под глазами и росла даже в ушах и носу.

В семье Мироновых было десять детей. Старшей была дочь Пелагея, – Поля, как её все называли. В то время ей было 15–16 лет. Она была крупного телосложения. А вот читать и писать умела едва-едва, как, впрочем, и все Мироновы. Она не раз вступалась за Антона в мальчишеских стычках, и стала для него первой любовью; он даже собирался жениться на ней в 1905–1906 гг.

Дом Миронова был разделён на семь или восемь квартир, которые сдавались квартирантам. Во дворе было всегда много детей. Тут же был и птичий двор; бродили куры, утки, гуси и индейки. В лужах возлежали поросята.

Воду привозил из Днепра водовоз; он брал по одной копейке за ведро. При тогдашней бедности все жили честно, – не было ни воровства, ни грабежей.

На местном базаре всегда было много нищих, бродяг, старцев, подозрительных «монахов» с красными носами, гадалок, итальянцев с кукольным театром, где главным героем был Петруччио; русские дети называли его Петрушкой.

Продавцы-татары «специализировались» на хлопчатобумажной ткани с начёсом с одной или с обеих сторон. Такую ткань именовали бумазеей. Китайцы продавали чесучу, – ткань из дикого шёлка, на которой был нанесён тиснёный рисунок...

Летом, по вечерам во дворе собиралась молодёжь: соседи, жившие у Миронова молодые рабочие, и старшие дети самого Миронова, – Поля, Миша и Пантюша. Пели песни, играли в городки, в мяч, горелки и жмурки. Антон тоже стремился участвовать во всех этих играх, но он был очень неловок, неуклюж и страшно близорук. Однажды во время игры в городки тяжёлая палка вырвалась у него из рук и угодила в голень Миши Миронова. Тот взвыл от боли и вида крови: «Чёрт носатый! Четвероглазый, а ничего не видишь (Антон носил уже очки). Не давать ему больше палок, иначе он нас здесь всех поубивает».

Постепенно Антон стал мишенью для не всегда безобидных шуток и издевательств. Мальчишки незаметно привязывали к его ноге полено или старую кастрюлю, а однажды, – даже дохлую кошку. Не раз ему что-нибудь цепляли на спину, особенно когда он уходил в город, «на люди».

Или ещё одно воспоминание брата Виталия: собирали букет бессмертников, посыпали мелким перцем и подносили со словами: «Антон, понюхай, какая роскошь». Антон нюхал, долго потом чихал и вытирал слёзы. Однажды во время игры в горелки ему устроили подножку. Он тяжело упал, разбил нос, губы и очки. В другой раз озорники вырыли метровую яму, прикрыли её лозой и присыпали песком. Потом пригласили Антона погулять, искусно повели его прямо на яму. Он провалился, вывихнул себе ногу и долго потом хронал.

Летом детвора с утра до вечера пропадала на Днепре. Но и здесь Антоше доставалось: пока он купался, мальчишки завязывали узлом его штаны, а потом вымачивали их в воде, – это называлось у них почему-то «навязать сухарей». Физически слабому Антону порой не удавалось их развязать, и он нёс их в руках домой [61, с. 105].

Виталию было заметно, что Антон очень страдал от всех этих грубых шуток. Он становился грустным, стремился оставаться один, и постепенно совершенно отошёл от этих игр и этой компании. Одна Поля становилась на его защиту: возмущалась, называла участников шуток хулиганами и босяками; она по-матерински ухаживала за Антоном, когда он был ранен, и, безусловно, как считал Виталий, их позднейшие идиллия и любовь выросли на этой почве.

Макаренко дали кличку «граф Антошка Подметайло», которая осталась за ним до тех пор, пока семья не переехала в собственный дом. Тогда мальчик и избавился от неприятного соседства с зловерными мальчишками.

Словом, мироновская компания приносила Антону одни неприятности. Поэтому в 1903–1904 гг. он сдружился с учеником городского училища Цаловым. (Возможно, его фамилия была Салов).

Их сближало то, что оба они отлично учились; у обоих отцы служили на железной дороге. По воскресеньям Антон, бывало, уходил к товарищу на целый день. Тот твёрдо решил посвятить себя революционной борьбе, и уговаривал Антона примкнуть к нему.

Но Антон Макаренко решительно отказался, заявив Цалову, что не верит в оздоравливающую силу кровавых революций. Все они развиваются по одному сценарию: сначала кровавая баня, затем анархия и хаос, и, как результат, самая дикая диктатура.

Антон к тому времени сильно увлекался историей. Впоследствии он писал, что произведения Ключевского, Карамзина и Костомарова он знал очень подробно. А ведь это тысячи страниц сложного

текста! Так что он, безусловно, уже тогда, на примере других эпох, отчётливо понимал, к чему приводят подобные социальные эксперименты. Но дать аргументированный ответ на предложение друга он в те годы ещё не мог, и поэтому сослался на то, что он, де, совсем не способен распевать «Марсельезу» на баррикадах с красным флагом в руках, и, тем более, метать бомбы в кареты министров.

Тем не менее, Цалов постоянно снабжал своего друга социал-революционной литературой. Антон приносил её домой под рубашкой и читал тайком от отца. Семён Григорьевич Макаренко ненавидел революцию и революционеров, не будучи при этом и монархистом. «Ты же знаешь нашего *батька*, – говорил Антон Виталию в 1916 г., когда тот находился в госпитале в Полтаве после ранения. – Я думаю, что если бы он узнал об этом, то он просто меня бы выгнал из дому» [61, с. 106].

По окончании городского училища Цалов работал где-то на железной дороге два года, а в 1906 г. уехал в Санкт-Петербург, прислал оттуда родным два письма, а затем как в воду канул. Антон изредка навещал его родных, но от него не было никаких вестей.

Антон знал, что Цалов любил своих родных, поэтому он был уверен в преждевременной гибели друга. «А жаль! Из всех людей, которых я встречал на моём жизненном пути, это единственный настоящий Человек. Человек с большой буквы», вспоминал Антон Макаренко многие годы спустя [61, с. 105–106].

8 февраля 1902 г. сестра Саша вышла замуж за железнодорожника, которого звали Козьма Иосифович Загнойко. Он работал помощником машиниста на станции Знаменка, расположенной в 85 км от Крюкова. После церкви праздник затянулся до поздней ночи, было много гостей. В кухне играл неизменный еврейский оркестр. Гости танцевали; было очень шумно и очень тесно. Под окнами стояла толпа. Было уже очень поздно, когда какой-то хулиган разбил камнем стекло в окне. Отец схватил револьвер, выбежал на улицу и раза три выстрелил в воздух. Этим инцидент был исчерпан.

В семье Козьмы и Александры Загнойко были сын Борис и три дочери: Татьяна (28.12.1904–1998), Елена (1907–?), Зоя (1916–?). Сама Александра Семёновна Загнойко, сестра Антона Семёновича, скончалась в 1942 г.

Годы русско-японской войны (1904–1905 гг.) были страдной порой для Семёна Григорьевича. Он всё время был на работе; бригада, в которой он работал, оборудовала санитарные поезда, которых требовалось немало.

Правда, он и получал в те годы по 130–140 рублей в месяц вместо обычных 60 рублей. Это позволило ему скопить деньги на приобретение участка земли и строительство своего собственного дома. Во дворе был устроен артезианский колодец с насосом, разбиты сад и огород. Всё это обошлось семье в 1200 рублей [61, с. 106].

I. II. Юность. Годы работы в школе

В августе 1903 г. Виталий Макаренко поступил на учёбу в Кременчугское 4-классное городское училище. Антон Макаренко уже учился там. В соответствии с Положением от 1872 г. это было училище с 6-летним сроком обучения, но Антон, как имевший предварительную начальную подготовку, закончил его досрочно, в 1904 г., причём с отличием и похвальными грамотами.

В августе того же года он стал слушателем одногодичных педагогических курсов при Кременчугском городском училище, после окончания которых получил право работать учителем.

Как имеющего начальное педагогическое образование, Антона допустили к работе учителем русского языка, рисования и черчения в Крюковском двухклассном железнодорожном училище министерства народного просвещения.

Здесь он проработал достаточно длительный срок, с 1 сентября 1905 г. по 24 сентября 1911 г. Среди его учеников был, кстати, и его младший брат Виталий, который позднее, в 1908 г. поступил в реальное училище.

Антон зарекомендовал себя как активный общественник. В 1905 г. он принял участие в организации съезда учителей железнодорожных школ, подведомственных Южным железным дорогам. На съезде он выступил с речью, участвовал в составлении резолюций по основным докладам.

Кстати, идея строить и содержать школы за счёт железнодорожного ведомства пришлась по вкусу и советской власти. При каждом отделении железной дороги был специальный отдел, который занимался устройством «своих», т.е. ведомственных, школ и детских садов.

В педагогической литературе крайне редко упоминаются имена коллег А. С. Макаренко. У читающих его книги может даже сложиться впечатление, что великий педагог действовал едва ли не в одиночку. Однако это далеко не так. Педагогов в учреждениях, которыми в разные годы руководил А. С. Макаренко, было достаточно количе-

ство, как говорится, согласно штата, и некоторые из них работали с ним длительное время, переходя из одного коллектива в другой вместе со своим руководителем.

Здесь мы расскажем о Елизавете Фёдоровне Григорович (урожд. Архангельской), 1880 г. рождения, которая в колонии им. М. Горького работала воспитателем, учителем, фельдшером и секретарём педсовета.

Она была дочерью священника и вышла замуж также за священника, Дмитрия Ивановича Григоровича, преподававшего Закон Божий в Крюковской школе.

Антон Макаренко и Елизавета Григорович познакомились и полюбили друг друга в 1905 г. в Крюкове, и в течение двух десятилетий фактически находились в гражданском браке.

В. С. Макаренко вспоминал: «Он (Антон. – В. П.) влюблялся каждые 6 месяцев, и не как-нибудь платонически, а обязательно требуя взаимности»; его увлечения в 1903–1918 гг. – 9 человек... Влюблённым суждено было жить все время в разлуке. Сначала Елизавета Фёдоровна была на курсах в Киеве, потом получила место учительницы, но в Полтаве, Антон оставался в Крюкове. Не знаю, получал ли он от неё много писем, но он ей писал каждый день, – на самой лучшей веленовой бумаге, – и отсылал в самых дорогих конвертах «люкс». Иногда он просил меня отнести письмо на станцию и бросить в ящик почтового вагона. На конверте адресу предшествовали две буквы: «Я. С.». Я ломал голову, что это могло значить, но не смел у него спросить об этом прямо. Гораздо позже, в 1915 г., в Полтаве, он объяснил мне, что это были начальные буквы двух слов «Ясному солнышку» [62, с. 95].

Знакомство Елизаветы и Антона произошло при следующих обстоятельствах. В юности Макаренко плохо ладил со сверстниками и даже помышлял о самоубийстве. Он постоянно влюблялся в недоступных красавиц, и каждый раз тяжело и долго переживал отказ с их стороны. Дело всегда кончалось разочарованием и горем. Все это развило в нём нервозность и мизантропию.

«Он всегда был сосредоточен, замкнут, серьёзен, порою даже грустен и молчалив, – вспоминал брат. – Это было его нормальное состояние. Его моральное кредо было следующее. Бога нет. Жизнь бессмысленна, абсурдна и до ужаса жестока. Родить детей – преступно. Он клялся, что никогда не женится, и никогда не будет иметь детей. Ведь никто так не портит нравственно детей, как семья, где ни

отец, ни мать не имеют никакого понятия о воспитании, что не мешает отцу на каждом шагу кричать о том, что он – глава семьи. К тому же, все они ругатели и матерщинники». Дошло до того, что Антон стал заговаривать о самоубийстве... От этих опасных настроений Антона взялся избавить местный батюшка Дмитрий Григорович. «Вы разочарованы в жизни потому, что утратили веру в Бога, в высокое назначение человека на земле, – стремиться к абсолютному совершенству, – поучал он Антона. – А что касается самоубийства, то это уже совсем глупо. Вам всего 17 лет, в жизни столько ещё всего будет. Приходите к нам, матушка будет рада вас видеть, я уже говорил ей о вас, она вас успокоит, она женщина и сумеет найти нужные слова» [62, с. 91].

Видимо, Елизавета Фёдоровна действительно сумела найти нужные слова. Но кончилось это совсем не так, как рассчитывал её муж. Попадья ушла к Антону, юноше, который был на восемь лет моложе её. Разразился страшный скандал на весь посад Крюков. Отец прогнал Антона из дому, и он был вынужден снимать жильё на стороне, но влюблённую пару это не остановило.

Выбор для Макаренко, вечно увлекавшегося красавицами, казался необычным. Но Елизавета Фёдоровна сумела полюбить Антона, а его одинокая душа истосковалась по теплу. Она прощала ему даже его постоянную влюбчивость, потому что Макаренко и при ней по-прежнему влюблялся в других женщин каждые полгода, отчаянно, страстно и... безответно. Брат Виталий вспоминал, что Елизавета Фёдоровна смотрела на это, как на шутку, сквозь пальцы. Впрочем, может быть, в душе она и ревновала, но никогда этого не показывала.

Виталий до конца не мог понять их отношений; скорее, это были хорошие друзья, чем любовники. Но что его всегда поражало, так это то, что в её присутствии Антон, обыкновенно решительный и требовательный, делался послушным, как телёнок». [62, с. 92].

Поначалу именно Елизавете Фёдоровне предлагали стать заведующей колонией, поскольку она имела солидное и разностороннее образование. Она окончила епархиальную школу, фельдшерскую 4-х летнюю школу (1917) и «полукурсовку» (то есть 2 курса) медицинского института, Киевский педагогический фрёбелевский институт и Полтавский институт народного образования [74, с. 158].

Их роман продолжался 20 лет, но браком не закончился, поскольку священникам разводиться не полагалось. Отношения Макаренко и Григорович прервались по инициативе Антона. В письме к

брату он вдруг заявил, что «у неё полезли наружу атавизмы старой поповской семьи, – скупость, жадность и оскорбительная мелочность. Она обзавелась десятком кошек, и у нас во всех комнатах стоит удущающий запах, вернее, вонь...» [62, с. 92].

Но это случилось много позже. А пока Елизавета Фёдоровна жила и училась в Киеве, потом получила место учительницы в Полтаве. Антон Семёнович навещал её; сам он продолжал работать в Крюковском училище. Впрочем, отсюда ему пришлось вскоре уйти.

Но уход Макаренко из Крюковского училища, имел всё-таки другую причину, и не был связан с его отношениями с Елизаветой Фёдоровной. А. С. Макаренко открыто обвинил во взяточничестве нового заведующего училищем К. Ф. Карбоненко. В итоге, дело даже дошло до суда. После всех разбирательств работать в Крюкове Антону фактически не давали.

В 1911 г. по собственному прошению он был переведён в железнодорожное учебное заведение при станции Долинской. Сам Антон Семёнович писал позднее, в анкетах советского периода, что ушёл из Крюковского училища по причине ссоры с его заведующим-«черносотенцем».

С 24 сентября 1911 г. по 4 октября 1914 г. А. С. Макаренко работал воспитателем в ученическом общежитии двухклассного железнодорожного училища Министерства народного просвещения на станции Долинская Южных железных дорог Херсонской губернии. Здесь его коллегой был М. Г. Компанцев, ранее работавший заведующим в Крюковском училище.

В Крюков Антон Макаренко сейчас приезжал только на лето. Несколько раз его навещал Виталий. Он описывал Долинскую как совершенно глухой полустанок, где не было практически ничего, кроме домов самих жителей, двух-трёх лавок и крошечного вокзала. Многие ученики, проживавшие вдоль полотна железной дороги, – дети обходчиков, ремонтников, сторожей и т.д., – съезжались на учёбу на так называемом ученическом поезде, ходившем «по линии» раз в неделю. В течение учебной недели они проживали в общежитии, а на выходные разъезжались к родителям. Макаренко поселился в небольшой комнатке при общежитии.

Виталий Макаренко вспоминал: «Сколько я ни помню Антона, я вижу его постоянно с какой-нибудь книгой. Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограничена. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в

Крюкове был самым образованным человеком на все 10000 населения... Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно...

Почти каждые два дня он приносил какую-нибудь книгу, новый альманах, новый сборник, которые в то время выпускались на книжный рынок десятками. Главными издателями, которые Антон никогда не пропускал, были сборники «Знание», «Шиповник», «Альциона». Книги по художественной литературе он частью покупал, остальные получал из библиотеки Южных железных дорог в Харькове, очень большой, которая высылала книги всей линии. Я тоже был абонирован в этой библиотеке.

Книги по истории и вообще научные Антон брал в Кременчугской городской библиотеке; в Крюкове никакой библиотеки не было. Антон выписывал толстый журнал «Русское богатство», московскую газету «Русское слово» и санкт-петербургский сатирический журнал «Сатирикон».

Кроме того, он покупал роскошные иллюстрированные журналы «Столица и усадьба» и «Мир искусства», издаваемый С. Дягилевым. Но все эти книги после прочтения куда-то уходили, и вся библиотека Антона состояла из восьми томов Ключевского «Курс русской истории», и двадцати двух томов «Большой энциклопедии», которую он купил в кредит в 1913 году» [61, с. 110].

Антон, тем временем, всё более сознавал, что у него недостаточно педагогических знаний, и поэтому он подал прошение о поступлении в только что открывшийся в тот год Полтавский учительский институт. 1 августа 1914 г., после соответствующих вступительных испытаний, он был в него зачислен.

Для него наступил трёхлетний период интенсивных занятий, и, в то же время, бедной студенческой жизни. Он получал государственную стипендию размером в 15 рублей. У института не было общежития, и ему, как и другим учащимся, приходилось снимать жильё. На это уходила треть стипендии. Отец высылал ежемесячно 10 рублей. Иногда Елизавета Фёдоровна давала ему пять-десять рублей.

Сама она жила в это время в той же Полтаве, и при этом снимала целый семикомнатный (!) дом вместе со своими подругами, – сёстрами Верой и Катей Костецкими. Одна из комнат была отведена специально для рояля Елизаветы Фёдоровны.

Виталий вспоминал, что в ноябре 1914 г. он приехал к брату на десять дней. В комнате Антона было так холодно, что в кувшине за-

мёрзала вода. Виталий пытался согреться тем, что сжигал в тазу старые газеты. Неудивительно, что все вечера они проводили у Елизаветы Фёдоровны и её подруг. После ужина и «музицирования» братья возвращались в «антошину трущобу», где старались возможно скорее залезть под одеяло [62, с. 97].

Чудно!

Прямо из студентов, 20 сентября 1916 г. (по воспоминаниям Виталия – в конце декабря) Антон был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки, и был направлен в казармы, в Киев.

Числился он в 147-й пехотной Воронежской дружине, находившейся в то время на переформировании. Хотя ему и не пришлось принимать участие в боевых действиях, тем не менее, непривычная обстановка и грубые нравы, которые нередко присущи собранным в одном месте бездельничавшим новобранцам, действовали поистине угнетающе на него, гражданского «штафирку», привыкшего к совсем другим отношениям со своими коллегами-учителями. Он написал отчаянное письмо младшему брату.

Виталий и Елизавета Фёдоровна отправились «спасать Тосю». Они навестили его, привезли гостинцы. Виталий Семёнович встретился с ротным командиром и убедился в том, что всё, в общем-то, в порядке: целый день призывники предоставлены сами себе. Нет даже строевых занятий. Питание нормальное, особенно, если иметь в виду, что шла война, и любые продукты были в дефиците.

О том, что Антон в казармах не голодал, говорит такой факт. Когда он увидел приехавших к нему близких людей, он бросил прямо в грязь два котелка с пищей, которые нёс из столовой.

Сам Виталий уже достаточно повоевал, был четырежды ранен, и постарался донести до брата мысль о том, что «валанданье» в казармах, – просто счастье по сравнению с тем, что творится на фронте. 19 марта 1917 г., сразу после февральской революции, он был демобилизован, так и не побывав на фронте. В апреле 1917 г. Антона Макаренко сняли с военного учёта из-за близорукости [62, с. 98].

Антон вернулся в Полтаву и продолжил учёбу. 15 июня 1917 г. Макаренко окончил Полтавский учительский институт с золотой медалью. Тема его дипломного сочинения, – «Кризис современной педагогики», – соответствовала его тогдашним умонастроениям.

По окончании института Макаренко устроился в Полтавское высшее начальное училище, в котором он работал до декабря 1917 г.

Затем вернулся в родное Крюковское железнодорожное училище, которое тогда было преобразовано в высшее начальное железнодорожное училище на станции Крюков Южных железных дорог («при Крюковских вагонных мастерских»), причём в качестве заведующего; официально его должность называлась *инспектор*.

В дальнейшем, с целью экономии средств в условиях гражданской войны к училищу были присоединены высшее начальное и начальное училище. Макаренко также был назначен членом коллегии Крюковского отдела народного образования.

Здесь Антон Семёнович проработал до осени 1919 г.

Его младший брат Виталий выбрал воинскую стезю. Он окончил Чугуевское военное училище, служил прапорщиком во время первой мировой войны (в 1915–1917 гг.), был участником Брусиловского прорыва. После ранения и контузии он в 1917–1919 гг. работал командантом, учителем физкультуры и военного дела училища, которым руководил А. С. Макаренко. Виталий Макаренко ввёл в училище военизированные элементы в преподавании физкультуры и во внешкольные занятия. Тем самым, он создал предпосылки для частичной военизации, как это практиковалось его старшим братом позднее в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Всё это было чуждо советской системе образования в те годы, и вызывало возмущение у наркомпросовских чиновников, знакомившихся с работой Антона Семёновича в колонии и коммуне в последующие годы.

В детстве Антон был самым слабым из окружавших его детей, был предметом всяческих насмешек, а во взрослой жизни подчинял своей воле закоренелых преступников, и запросто дружил с известными на всю страну чекистами, которых пуще смерти опасались обычные граждане. Он боялся фронтовой лямки, а спустя всего лишь несколько лет после своей собственной «мобилизации» вводил в возглавлявшихся им детских учреждениях, где только оказывалось возможным, элементы военизации и армейской жизни. Так, вход в коммуну охранял дежурный с винтовкой. Талантливым «выдумщиком» В. Н. Терским постоянно придумывались подвижные игры с патриотическим содержанием, требовавшие выдержки, усиленной спортивной подготовки и постоянной готовности к действию, и Макаренко всё это одобрял и поощрял.

Всё-таки в личности Макаренко много загадочного, такого, что не поддаётся логическому объяснению. Но на то он и был *великим*

педагогом. А личность *великих* и их действия и поступки измеряются по какой-то другой шкале, обычно недоступной для понимания простыми смертными.

В училище с семилетним курсом обучения А. С. Макаренко создал ученический и родительский комитеты, учебные кабинеты, организовал работу по месту жительства учащихся, приобрёл инструменты для духового оркестра. В тёплое время, по воскресеньям, братья Макаренко выводили воспитанников в пригородный Деевский лес, где, помимо отдыха, дети собирали гербарии и коллекции, а учителя проводили уроки на природе по географии и биологии.

В 1919 г. Антон Макаренко создал при школе первую в России трудовую сельскохозяйственную коммуну, которую сами ученики называли *дружиной*. В запущенном фруктовом саду школьники выращивали овощи и фрукты, пытались ухаживать за пасекой. Учащиеся составляли бригады огородников, садоводов, пчеловодов и сторожей.

С утра до вечера они пололи, поливали, – воду носили ведрами из соседнего пруда, собирали урожай. Всё это чередовалось с отдыхом и играми. На ночь в палатке оставались не только сторожа, но и все желающие. Утром Макаренко ставил задачу, а вечером проводилась линейка по подведению итогов труда и досуга за день. В зависимости от принадлежности к бригаде на рукавах учащихся были рисунки-эмблемы: морковь, капуста, помидор, груша, пчела и др.

По месту жительства учащиеся были объединены в разновозрастные отряды, которые занимались контролем выполнения домашних заданий и организацией досуга. Раз в месяц вместе с председателями ученического комитета и с представителями родительского комитета, А. С. Макаренко проверял работу отрядов на местах.

На следующий день издавался приказ по итогам проверки. Большую помощь в организации внеклассной работы оказывали родители, считавшие своим долгом помогать школе, в которой учились их дети.

Без преувеличения А. С. Макаренко можно считать основоположником того направления в воспитательной работе, которое впоследствии, начиная с 1954 г., проявилось в деятельности ученических производственных бригад и школьных лагерей труда и отдыха. Всему этому было положено начало как раз Антоном Семёновичем Макаренко, также, впрочем, как и работе по привлечению родителей к школьным заботам, организации ученического комитета и др.

Правда, В. С. Макаренко весьма скептически оценивал результаты деятельности дружины. Он пишет, что к концу августа остались всего лишь 25–30 «верных ... учеников», а выращенные овощи раздали приглашённым родителям и учителям [62, с. 101].

Воздадим должное и Виталию Семёновичу: его идея внедрения элементов военизации в школьную работу в дальнейшем нашла своё плодотворное продолжение в разнообразных формах пионерской и комсомольской работы, в виде игры «Зарница» и других военно-патриотических начинаниях.

Позже А. С. Макаренко напишет, что когда в Крюков пришли деникинцы, они разрушили школу; не здание разрушили даже, а ту систему воспитательной работы, которую он построил.

Братья Макаренко в эти годы были совсем молодыми людьми, и их внимание привлекли первые «синематографы», которые в России именовались «электробиографами». Обычно они были «переездными», в них демонстрировались «самодвижущиеся картинки».

Со временем стали появляться и стационарные кинотеатры. В Крюкове первый такой «очаг культуры» открылся, по мнению В. С. Макаренко, в 1909 г., по другим данным, – в 1913 г. Он имел название «Корсо», и располагался на Херсонской улице. При театре действовал струнный квартет, участником которого был Виталий Макаренко, выступавший в роли скрипача. В здании также размещался буфет и аквариум с рыбками.

После революции помещения «Корсо» были переданы под рабочий клуб Крюковских вагоноремонтных мастерских. В стенах «Корсо» нашла приют любительская театральная труппа, созданная по инициативе Виталия Семёновича в 1917 г. В новообразованной труппе состоял также Антон Макаренко. (До этого в Крюкове действовал лишь летний театр в саду общества трезвости).

По воспоминаниям соратника Макаренко Бориса Феофановича Гороновича, «труппа» была создана с благотворительной целью, – для мобилизации средств на оборудование школы, для покупки инструментов духового оркестра, и «чтобы Крюков просвещать».

По инициативе Виталия Макаренко кружок был назван в честь Владимира Галактионовича Короленко. Труппа написала писателю письмо с просьбой разрешить использовать его имя и эта просьба была удовлетворена.

Начинающие актёры театра столкнулись с трудностями. В воспоминаниях Виталия Семёновича говорится: «Был театр, где была

сцена, но это всё. Была одна-единственная декорация, но не было ни мебели, ни бутафории, ни реквизита, ни, главное, костюмов».

Однако первый спектакль в конце января 1918 г. прошёл с успехом. На улицах Крюкова появились «большие красные афиши», а зал был полон публики. В 1918 г. были поставлены спектакли «Касатка» и «Кукушкины слёзы» А. Н. Толстого, «Дядя Ваня», «Юбилей», «Медведь», «Предложение», «Трагик поневоле» и «Вишнёвый сад» А. П. Чехова, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Осенние скрипки» Ильи Дмитриевича Сургучёва, «Отец» Августа Стриндберга и др. Изначально пьесы ставились около двух раз в месяц, затем – еженедельно.

Но в 1919 г. братьям Макаренко стало не до театра...

С августа 1919 г. Виталий Макаренко служит в звании поручика в управлении контрразведки в армии А. И. Деникина; затем он командир пулеметной роты уже в армии П. Н. Врангеля. Приговорённый «красными» к расстрелу, он чудом избежал смерти, – бежал буквально с места казни.

Ему удалось эмигрировать в ноябре 1920 г. в Турцию. Затем он перебрался в Болгарию, и, наконец, в 1923 г. поселился во Франции. Там Виталий сначала устроился чернорабочим на металлургический завод, затем работал на судоремонтном предприятии, а позже стал фотографом, и со временем даже открыл собственное фотоателье.

7 августа 1920 года у него родилась дочь Олимпиада, которую ему не суждено было увидеть. Его жена Анна Петровна Бриллиантова (?–1953), как жена белого офицера-эмигранта, была лишена в Советской России всех гражданских прав, и была вынуждена передать девочку на воспитание Антону Семёновичу. Олимпиада воспитывалась в колонии и коммуне наравне с другими детьми. Первый сын Виталия и Анны Георгий (1918–1921) не выдержал мучений гражданской войны.

Братья находились в переписке с конца 1922 г. по осень 1929 г. Затем это стало опасно, и Антон Семёнович прекратил отвечать на письма Виталия. Письма брата по известным причинам Антон Семёнович сохранять не мог.

В свою очередь, Виталий письма брата какое-то время бережно хранил, но, в итоге, они сгорели во время пожара в 1948 г. По просьбе Г. Хиллига он по памяти восстановил одно из писем Антона Семёновича. Ниже приводятся некоторые фрагменты из него: «...Ты был прав! Я живу в Трибах среди тёмных дикарей. Приведу один пример. Со времени основания Русского государства мы никогда не имели культурных дорог. Весной и осенью мы месим грязь, которая доходит

колёсами до ступиц. И вот власти решили построить нам хорошую дорогу из Полтавы в Харьков, которая проходит мимо Триб и колонии им. М. Горького. Необходимые материалы: доски, брёвна, цемент и пр. Вообще сделали всё необходимое: чтобы облегчить для крестьян поездки в город. Вообрази! Их привезли, допустим, сегодня. На другой день не осталось ничего, – всё было раскрадено...

... Мама живёт у меня. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей. Она постарела, но ещё очень бодрa и сейчас читает уже 3-й том «Войны и мира» Толстого...

... После твоего ухода наш дом был разграблен, что называется, до нитки. Не только унесли мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае...

Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мешан, и до ужаса мало энтузиастов...

... Я думаю, что тебе рано ещё возвращаться на родину. Разбушевавшееся море ещё не совсем успокоилось...» [62, с. 104].

В. С. Макаренко скончался 22 июля 1983 г. в возрасте 88 лет, в доме для престарелых в городе Йер, недалеко от Тулона.

Олимпиада Макаренко скончалась в 2001 г., намного пережив своего мужа, поэта-песенника Сергея Александровича Васильева (1911–1975). До девяти лет сын Олимпиады, Антон Васильев (род. 15.06.1953), был уверен в том, что знаменитый педагог Макаренко, – его родной дед, в честь которого он и был назван. Но потом он узнал, что на самом деле он приходится ему внучатым племянником.

Лишь в 1962 г. родственники получили известие о том, что Виталий Макаренко жив. В течение многих лет он пытался разыскать их, но все его попытки были тщетны. Антону Васильеву удалось приехать во Францию только в 1988 г., спустя 5 лет после смерти его родного деда.

Антон стал известным режиссёром. Между прочим, он был одним из первых, кто в начале 1980-х гг. выступил против безумного плана поворота крупных северных российских рек на юг. Эта его общественная деятельность сильно повредила профессиональной карьере Антона Сергеевича, ведь этот проект уже был поддержан «кремлёвскими старцами» и обрёл силу закона. И лишь становившееся в 1980-е гг. всё более катастрофическим состояние советской экономики не позволило осуществить это идиотское начинание.

Старшая дочь Олимпиады и Сергея Васильевых Галина родилась 1 марта 1938 г. В молодости она мечтала стать актрисой, в 1959 г. сня-

лась в известной кинокартине «Ссора в Лукашах» в роли доярки Кати. Фильм стал лидером кинопроката в тот год, и о молодой актрисе заговорили в соответствующих «кругах».

Но артистическая деятельность не получила развития. Начинающая актриса предпочла стать журналисткой. Она работала в журнале «Советская женщина», стала кандидатом филологических наук. Опубликовала книгу об отце «Певец России» (М. : Прогресс-Плеяда, 2011) с его стихами, песнями, литературными пародиями коллег-поэтов, с рисунками легендарного художника-карикатуриста Бориса Ефимова, прожившего более ста лет, и со своим послесловием под названием «Глазами дочери».

Дочь Олимпиады Витальевны и Сергея Александровича Екатерина Сергеевна Васильева (род. 15.08.1945 г.) – известная актриса театра и кино, народная артистка РСФСР. У неё есть сын Дмитрий от бывшего мужа, известного драматурга Михаила Рощина.

...В августе 1919 г., после занятия Крюкова войсками А. И. Деникина Антон Макаренко переезжает в Полтаву. Здесь он с 9 сентября 1919 г. по 3 сентября 1920 г. заведует 2-м начальным городским училищем имени Куракина. В 1919–1920 гг. он избирается членом губернского правления союза работников просвещения города Полтава и членом правления городского профсоюза учителей русских школ.

Некоторое время он выполняет обязанности заместителя начальника отдела трудовых колоний при Полтавском губернском отделе народного образования; конкретно он заведует секцией детских колоний. В августе 1920 г. А. С. Макаренко был назначен директором 10-й трудовой школы, но к работе он фактически даже не приступил, поскольку уже в сентябре 1920 г. в его жизни наступил решительный поворот, обессмертивший его имя.

I. III. Колония имени М. Горького

Шёл 1920 год. Это время было для страны очень нелёгким, но особенно тяжело приходилось детям, выброшенным на улицу. Первая мировая война, октябрьская революция и гражданская война оставили после себя более семи миллионов сирот, скитавшихся по просторам страны, ночевавших на улицах, «путешествовавших» на крышах вагонов в поисках лучшей жизни. Местом жительства несчастных подростков становились котлы для варки битума, кладбищенские

склепы, оставленные в поле скирды... Беспризорных массово отлавливали и отправляли в учреждения для «морально-дефективных детей» [75, с. 271].

3 сентября 1920 г. А. С. Макаренко принял предложение Полтавского губоно организовать и возглавить колонию для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей. Колония располагалась поначалу на хуторе Трибы, в восьми километрах от Полтавы.

Материальную базу колонии составлял ничтожный запас инструмента и другого инвентаря. Пахотной земли было всего 12 десятин, да и та представляла собой сплошной песок. А. С. Макаренко стал добиваться передачи колонии имения бывших помещиков – немец-колонистов братьев Трепке, бросивших своё хозяйство в годы революции.

Имение находилось у деревни Ковалёвка, в десяти верстах от Полтавы и в двух верстах от колонии в Трибах. Оно имело 30 десятин земли. Здесь имелся фруктовый сад на две десятины, пять полуразрушенных каменных зданий, конюшня, кузня и, самое главное, действующая паровая мельница, приносившая в дальнейшем колонии определённый доход. Прямо через имение протекала речка Коломака. Кругом были луга и лес.

В ноябре 1921 г. имение было передано колонии. Несколько лет ушло на приведение в порядок всех помещений и служб большого колониистского хозяйства. Ремонт всех помещений имения Трепке был окончен лишь в ноябре 1924 г. Колония, которая до этого времени была фактически расположена в двух местах, воссоединилась на берегах Коломаки.

С административной точки зрения Антону Семёновичу в определённой степени помогало то обстоятельство, что в 1921 г. он был избран членом Полтавского горсовета. Это позволяло ему встречаться с теми руководителями городского и губернского масштаба, которые как-то могли помочь колонии в её борьбе за выживание.

Первые месяцы колонии с исключительной художественной силой показаны Макаренко в «Педагогической поэме», – разруха, голод, тиф. Первыми воспитанниками Макаренко стали, главным образом, уголовники, бывшие махновцы, бандиты.

Это были крепкие, здоровые парни. Некоторые специально занижали свой возраст, с тем, чтобы «в случае чего» не попасть под расстрельную статью. Учиться и работать (заготавливать дрова, помогать на кухне и т.п.) они не хотели. Не придерживались новоявлен-

ные «воспитанники» и каких-либо правил поведения; не подчинялись учителям и воспитателям. Пропитание они привыкли добывать кражами или открытым грабежом в деревнях. Если в помещении было холодно, они, не задумываясь, разламывали скамейки и столы на топливо...

«...Наутро пришла ко мне взволнованная Лидия Петровна и сказала: – Я не знаю, как с ними разговаривать... Говорю им: надо за водой ехать на озеро, а один там, такой, с причёской, надевает сапоги и прямо мне в лицо сапогом: «Вы видите, сапожник пошил очень тесные сапоги!» (Педагогическая поэма).

Но немало было и тех несчастных ребятишек, которые потеряли родителей; они жаждали тепла и заботы со стороны старших. Макаренко распределил воспитанников на группы таким образом, чтобы в каждой из них обязательно были те, кто разделял его требования и тянулся к лучшей, коллективной жизни.

К весне 1923 г. Макаренко сформулировал подтвержденное его опытом фундаментальное направление педагогической работы, – «путь трудовой общины, определённо прогрессирующей в разных областях её жизни». Этот прогресс осуществлялся через разумно организованную трудовую деятельность детей, в которую были вовлечены все педагоги и сотрудники колонии.

В то время «в ходу» был термин «социальное воспитание»; в Наркомпросах РСФСР и других союзных республик СССР отделы воспитательной работы назывались не иначе как главсоцвос, то есть главное управление социального воспитания.

Однако наркомпросовские горе-теоретики, среди которых почти не было профессиональных педагогов, и, тем более, педагогов-практиков, представляли себе процесс осуществления социального воспитания не иначе как сквозь призму распространения педологических анкет и прочих «обследований», либо как «парную педагогику». Упор ими делался то на организацию детского самоуправления и пионерскую работу, то на метод экскурсий или методические «заимствования» из-за рубежа.

Общей идеей был поиск некоего *единого метода*, использование которого стало бы своего рода «педагогической панацеей». Все эти педагогические поиски 1920-х – начала 1930-х гг. здорово напоминали попытки средневековых алхимиков найти пресловутый философский камень [74, с. 158].

А. С. Макаренко не отделял себя от воспитанников. Жил там же, где и они. Ел вместе с женой и матерью из общего котла. Одевался

скромно, трудился с утра до ночи. Вместе с ребятами он нередко выходил на патрулирование дороги, пахал и переносил тяжести. Нередко свою зарплату он отправлял в фонд колонии или переводил кому-то из нуждавшихся выпускников.

В этом отношении характерен такой эпизод. 8 марта 1939 г., за несколько дней до смерти, Макаренко, который к тому времени уже оставил практическую педагогическую работу и жил в Москве, встретился в Харькове со своими бывшими воспитанниками. Они были взрослыми людьми, но для Антона Семёновича, во многом, по-прежнему оставались детьми. И вот он, увидев, что бывшая коммунарка Борискина «ходит худая и голодная», дал ей 100 рублей.

Много это или мало? Спустя всего три недели, 1 апреля 1939 г., в акте, составленном на месте смерти Макаренко, будут упоминаться две сберегательные книжки, найденные в его портфеле; в одной из них фигурировала сумма вклада размером 12 рублей 93 копейки, в другой – 12 рублей 98 копеек... Это были все «накопления» великого педагога.

«Меня и моих друзей-куряжан больше всего поразило то, что Антон Семёнович, когда это нужно было, работал вместе с нами, засучив рукава. Необходимо было лес заготовить, – Макаренко брал топор в руки и шёл вместе с нами» (М. Сухоручко, воспитанник А. С. Макаренко).

Всё своё время Макаренко тратил на детей: выбивал продукты питания, оборудование и средства; собирал из приёмников-распределителей и прямо с улицы новых воспитанников; дежурил днём и ночью; занимался преподаванием и руководством колонией...

Крепло хозяйство. Колония обрабатывала 40 десятин земли, расцвёл фруктовый сад. В колонии была животноводческая ферма. Е. Ф. Григорович вспоминала: «Одних свиней йоркширской породы у нас было 150 штук. Да какие это были прекрасные породистые свиньи! У нас была замечательная пшеница; селяне приходили смотреть на неё!».

В колонии дети занимались не только сельскохозяйственным трудом. Колонисты работали в мастерских: столярной, слесарной, сапожной. Они не только работали в поле, на ферме и в саду, но и охраняли дорогу от грабителей, а государственный лес – от порубок браконьерами. Несмотря на ограниченность материальных ресурсов, хозяйство было передовым. Сытая жизнь, справедливые порядки, уважение к себе самим как к труженикам и хозяевам на собственной земле совершенно преобразили ребят.

К лету 1925 г. в колонии было 140 воспитанников, из них 130 мальчиков и 10 девочек. В этом же году решился вопрос о создании комсомольской организации.

В отличие от «наркомпросовских схоластов» А. С. Макаренко справедливо считал и доказывал своей постоянной практической работой, что организация социального воспитания строится путём комбинирования живых, реальных процессов жизни, а именно процессов хозяйствования, труда, познания и игры. Экономное и полезное сочетание этих процессов возможно лишь при одновременном влиянии на ребёнка дисциплины и самоуправления [74, с. 158].

Новые методы воспитания тоже складывались методом проб и ошибок. Детская демократия и самоуправление, система сводных отрядов, совет командиров, обсуждение на общем собрании всех важных моментов колонистской жизни, – от кормления свиноматок до привычки учителя рисования В. Н. Терского прыгать в прорубь.

Воспитанники сами решали судьбу провинившихся товарищей, сами планировали бюджет и принимали серьёзные решения. А совет командиров, к слову, продержался до конца жизни последних горьковцев, вплоть до 1980-х гг.

«Макаренко учил каждого из нас видеть жизнь, понимать её, осмысливать явления. Я с удивительной свежестью во всех деталях припоминаю его уроки литературы. Антон Семёнович предлагал нам иногда описать картину, висящую здесь же в комнате, или даже описать карандаш. И тогда каждый из нас убеждался, как пристально вглядывался в вещи, в людей, в жизнь Антон Семёнович». (Е. Пихоцкая, воспитанница А. С. Макаренко).

Проблему дисциплины и самоуправления, как показывал опыт советского «соцвоса», очень трудно решить практически.

Ни в одном учебнике педагогики не найдешь главы по организации дисциплины учащихся. Учком, пионерская и комсомольская организации, – где здесь самоуправление, и как всё это должно сочетаться, – на эти вопросы советская педагогика так и не дала вразумительного ответа, хотя в теории, вроде бы, всё «прописано». В «теории» всё объясняется просто: дисциплина трактуется как производное от самоуправления и самоорганизации, но на опыте это никем и нигде не доказано.

Педагогический коллектив колонии А. С. Макаренко придерживался той точки зрения, согласно которой дисциплина и самоуправление должны быть равнозначными компонентами общественной

жизни. Но при этом должна быть *некая сила*, которая делает проблему дисциплины ясной и само собой разумеющейся. *Сила эта заключается в процессе хозяйствования.*

Логика хозяйства это и есть логика здравого гражданского долга и ответственности личности в пределах коллектива. При таком подходе, – отмечал А. С. Макаренко, – самоуправление делается самой функцией труда, хозяйственности, ответственности и контроля, а отнюдь не функцией болтовни и резолюций. Дополненная учёбой и игрой, эта система себя в полной мере оправдала. Доказательства тому, – факты морального исправления «тяжёлых» воспитанников.

Оправдание своей системы педагог видел в самих фактах колонистской жизни. Несмотря на множество тяжёлых обстоятельств и на то, что в колонии всегда имелось до сорока новых воспитанников, – а многие из них были уголовниками-рецидивистами, – колонистский (позднее – коммунарский) коллектив всегда представлял собой крепко спаянную, очень дисциплинированную рабочую общину, но, в то же время, с постоянно весёлым и оживлённым настроением [74, с. 158–159].

К 1925 г. в колонии был введён шестипольный севооборот на 40 десятинах пашни. Макаренко пишет: хотелось бы, – он посчитал точно!, – 132 десятины. В хозяйстве колонии имелись 63 свиньи английской породы, 3 коровы, лошади, овцы, гуси, кролики. До небывалых высот для тех мест поднялась урожайность зерновых.

На базе свинофермы на 130 голов начато было строительство фермы на 500–600 голов, строилась большая молочная ферма и оранжерея. Были расширены и переведены на механизированную основу деревообделочные мастерские; вскоре они стали получать крупные заказы [34, с. 61].

Т. Д. Татаринев вспоминал: «Я и мои товарищи по работе... чувствовали именно лёгкость в работе, хотя и были заняты по 10–12 часов в сутки... Школа, клуб со всеми видами работы и т. д. – всё это представляло одну сложнейшую машину, слаженный агрегат, который работал точно, без перерывов и перебоев.. Все прислушивались к его тону... Каждый проявлял инициативу, творчество, чтобы лучше шла наша воспитательная работа [2, с. 80].

Несколько слов скажем о Тимофее Денисовиче Татариневе (1894–1954). В «Педагогической поэме» он выведен как Максим Денисович Киргизов. Татаринев работал с Макаренко с лета 1925 г., руководил работой школы. Соратники вспоминали его как умелого, вдумчивого, работоспособного и разносторонне образованного педагога.

К тому времени, когда в коммуне начали строиться два завода, он, получив к тому времени дополнительно к педагогическому ещё и инженерное образование, руководил производственным обучением коммунаров.

После ликвидации коммуны в 1939 г. Татаринов остался работать на заводе «ФЭД», был председателем его заводского комитета. В послевоенные годы трудился инспектором министерства трудовых резервов СССР, директором ПТУ, инженером и секретарём партбюро одного из подмосковных заводов. Заслуженный учитель школы РСФСР [52, с. 238].

В «Докладе о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» А. С. Макаренко отмечал: «Чисто воспитательные достижения к настоящему времени: воспитанники и воспитатели колонии представляют тесную рабочую семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг другу. Только десятка полтора недавно прибывших воспитанников держатся ещё выжидательно, но через месяц-другой и они станут настоящими колонистами.

В области общинного труда воспитанники колонии являются убеждёнными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда. Всё больше и больше хозяйство колонии и хранение материальных ценностей переходит в руки воспитанников. Большинство ключей на руках у воспитанников.

Не удалось (вот ведь «неудача»! – В. П.) обратить воспитанников в маленьких стариков. Они всегда веселы и активны, всегда способны шутить и смеяться. Это обстоятельство особенно важно. Совместное воспитание в колонии мальчиков и девочек не имело дурных последствий. Колонии ни разу не удалось попасть на особенную заботу губоно.

Напротив, реально-трудовой характер колонии позволил в губоно чуть не с первых дней её существования говорить о переходе на самокупаемость и снабжении её только в самых необходимых случаях» [2, с. 82–83].

Далее Макаренко отмечал, что в связи с тем, что дети работают в поле, на ферме и в кузне одежда изнашивается гораздо быстрее, чем положено по «наробразовским» нормам, не предусматривавшим производительного труда воспитанников.

А. С. Макаренко постоянно выходил с разного рода предложениями в органы образования. Чего стоят его предложения выдавать

карманные деньги старшим. сократить штат воспитателей и передать частично их функции детям [2, с. 104–105].

В одной из докладных записок он с раздражением пишет, что дети поступают без сопроводительных документов и характеристик.

На первый взгляд такой подход противоречит постоянно высказывавшейся А. С. Макаренко идее о том, что не надо знать прошлое ребёнка; в воспитательном учреждении он начинает жизнь как бы «с нового листа». Однако это *другие дети* не должны знать прошлого своих товарищей; педагог же должен знать по возможности всё. Только в этом случае он сможет воспользоваться всем арсеналом педагогических средств.

Очень тяжёлой поначалу оставалась проблема выхода колонистов из колонии. Для способных ребят удалось «найти подход к рабфаку». Тот факт, что колония имела в Киеве и в Харькове свыше десятка своих студентов, давало другим воспитанникам надежду и самим попасть туда. Рабфаковцы приезжали в колонию на каникулы и считали себя по-прежнему колонистами. Харьковские рабфаковцы, например, составляли особый «7-й отряд» колонистов; они жили вместе, и поддерживали колонистскую дисциплину, хоть и учились уже все на разных рабфаках. Этот «7-й отряд» являлся идеалом, о котором мечтали многие воспитанники.

Но всех невозможно было послать на рабфаки; не каждый был способен в силу своих способностей получать высшее образование. Да и не каждый желал стать студентом. С другой стороны, безработица закрывала многим выпускникам путь к производству. Если и удавалось какого-то юношу пристроить на работу, его нередко сокращали, и он возвращался в колонию.

Своего рода выходом Макаренко считал даже... женитьбу на местных крестьянских парубках и девчатах. А что? В таком случае новоявленному жениху или невесте давали хорошее приданое в виде хрюкающей и мычащей живности.

Позднее, уже в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в 1930 г. Антону Семёновичу удалось организовать рабфак прямо в коммуне. Это был «вечерний» рабфак Харьковского машиностроительного института, для рабочей молодежи, с четырёхлетним сроком обучения. Он был дополнен двумя подготовительными группами, старшей и младшей, которые давали повышенное начальное образование.

Получившие на рабфаке общее среднее образование коммунары имели право поступления в вуз технического профиля. Фактически же они успешно поступали и на гуманитарные специальности.

Тем самым, решалась проблема получения общего среднего образования для всех желающих, что значительно опережало общую практику советской общеобразовательной школы.

Переход к всеобщему 7-летнему образованию в СССР в деревне начался в 1934 г., а массово – с 1949 г.; переход к общему среднему образованию в городах начался в 1939 г., к всеобщему среднему – лишь в конце 1970-х гг. [74, с. 160].

Педагогическая практика в колонии Макаренко вступила в резкое противоречие с начавшейся во второй половине 1920-х гг. в СССР практикой разделения образования на два резко отграниченных друг от друга направления.

Первое направление подразумевало окончание средней школы с, как правило, дальнейшим поступлением в вуз. Этим путём шли обычно дети из семей интеллигенции, служащих, военных, партийных и советских работников, хотя, разумеется, среди студентов было немало и представителей рабочего класса и трудового крестьянства.

Второе направление вообще не включало в себя получение общего среднего образования; основная часть подростков оканчивала школу крестьянской (или рабочей – в городах) молодёжи или школу фабрично-заводского ученичества (здесь учащихся в шутку именовали «фабзайцами»); в дальнейшем эти школы стали именоваться ремесленными училищами, профессионально-техническими училищами и даже ПУЗами, то есть профессиональными учебными заведениями.

В конце XX в. профшколы, как правило, уже давали общее среднее образование, то есть перестали быть «тупиковыми». Однако во времена Макаренко об этом ещё не могло идти речи.

А. С. Макаренко сам всю жизнь стремился к знаниям. Сразу после окончания Полтавского учительского института он сделал попытку поступить в Московский университет, но ему, как уже получавшему ранее государственную стипендию, в этом было отказано, и было предложено отработать положенный срок, что он и сделал.

Как только появилась возможность продолжить обучение, он написал соответствующее заявление, и с 14 октября 1922 г. стал студентом Московского Центрального института организаторов народного просвещения Наркомпроса РСФСР.

(Кстати, этот институт носил имя партийного деятеля, зам. наркома просвещения РСФСР Евграфа Александровича Литкенса (1888–1922). 4 апреля 1922 г. он приехал на лечение в Ялту, и спустя неделю во время утренней прогулки был убит грабителями).

При поступлении к заявлению и другим документам Антон Семёнович приложил документ, известный под названием «Вместо коллоквиума», в котором он указал, какие знания получил в учительском институте, а также путём самообразования.

Мы приводим этот примечательный документ с небольшими сокращениями: «В области предметных дисциплин систематические знания получил я в учительском институте.

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного учительского института. К настоящему дню из тригонометрии помню только общие основания, забыл многие теоремы алгебры и законы физики, с логарифмированием сейчас, пожалуй, не справлюсь.

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечения юношества.

Солидные знания имею в общей биологии. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими проявлениями дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с её историей и зародышами будущих форм. Всё это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева.

Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно

знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования «Илиады» и «Одиссеи».

По социологии, кроме социологических этюдов указанных исторических писателей, знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме. В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме, как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина.

По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной; научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм. Логiku знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому. Читал всё, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убеждён в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть. Индивидуальную психологию считаю не существующей, – в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» Канта, Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьёва. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого.

В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы.

Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика. О своей специальной области, – педагогике много читал и много думал. В учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев» [49, с. 400–402].

Оставшись без своего руководителя, педагоги и воспитанники колонии загрустили. Н. Э. Фере писал в воспоминаниях, что они буквально считали дни и часы до возвращения Антона Семёновича из Москвы. Он и сам понимал, что не имеет морального права надолго оставлять колонию. А, может быть, сама учёба его разочаровала?

Как бы там ни было, уже 27 ноября того же 1922 года Макаренко оставил обучение в институте и вернулся к работе в колонии.

В педагогическом наследии Макаренко не так много произведений, где он рассказывает о процессе обучения в своих школах. Во всяком случае, в основное содержание произведений, традиционно входящих в собрания его сочинений, такие работы не входят. Может сложиться представление, что дети только и делали, что работали на производстве: в колонии – в сельском хозяйстве, в коммуне – на заводах.

Это совсем не так. Макаренко прекрасно понимал значение школьного и вузовского образования. В возглавлявшихся им учреждениях школьное обучение было налажено также образцово, как и трудовая деятельность. Другое дело, что, как учёный, он внёс, прежде всего, огромный вклад в теорию и практику именно воспитания. Поэтому он и писал почти исключительно об этом.

Он, как и другие советские педагоги того времени, был вынужден подстраиваться под наркомпросовские требования в связи с внедрением Крупской, Луначарским «и иже с ними» так называемых комплексных учебных планов.

Так, работая в колонии им. М. Горького, он в статье «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии имени М. Горького» [54, с. 375–380] дал картину того, каким образом строилась эта самая учебная работа по так называемым комплексным планам, усиленно навязывавшимся наркомпросом РСФСР не только российским школам, но и школам всего СССР. Вся учебная работа должна была укладываться в пресловутые «три колонки»: природа – труд – общество [78, с. 97].

Интерес детей, проявлявшийся к тому или иному общественно-политическому или природному явлению, провозглашался крите-

рием отбора учебного материала. А. С. Макаренко так и пишет: «Содержание образовательной работы в колонии определяется детским интересом». «Для иллюстрации» он приводит конспект темы «Навоз», «разрабатываемой в настоящее время – 7 марта, одновременно с большой работой по вывозке навоза в поле и к парникам» [84, с. 24].

Приведём, в сокращении, этот конспект:

Навоз.

1. Доклад воспитанника: Почему навоз является удобрением? Что содержится в навозе и в растении? Чем ещё можно удобрить поле? Полное и неполное удобрение. Прямое и не прямое удобрение. Состав навоза. Значение твёрдых извержений и мочи. Значение подстилки. Качество навоза в зависимости от корма. Сухой и мокрый навоз.

2. Доклад воспитанника: Употребление навоза. Собираение, хранение, вывозка, разбрасывание и запашка навоза.

3. Критическая часть. Доклады и беседы по спорным и неясным вопросам: Для всех ли почв одинаково необходимо удобрение? Какое количество навоза наиболее выгодно вывезти в поле? Значение почвенной воды при навозном удобрении.

4. Практическая часть. Доклад зав. хозяйством колонии: ближайший план по навозному удобрению в колонии. На какие поля будет вывозиться навоз? Почему? Какое количество десятин будет унавожено? На какие поля следовало бы вывезти навоз, если бы позволяло количество скота? Практическая работа по вывозке.

5. Математическое изображение. Задача № 1. Сколько десятин можно унавозить от колонийского скота, если полагать по 1200 пудов на десятину и считать период зимнего собирания навоза в 180 дней? Задача № 2. Сколько нужно держать овец, чтобы заменить по количеству доставляемого навоза 4-х колонийских лошадей, при условии, что поле черноземное? Задача № 3. Та же задача при условии песчаного грунта. (Сущность различия условий 2 и 3 задачи заключается в том, что при черноземе нужен фосфор, а на песке – азот.)

6. Графическое изображение. А) Диаграмма: Прибавка урожая при внесении 1200 и 2400 пудов навоза на различных почвах. Б) Кривая: Изменение количества образовавшейся азотной кислоты при различной влажности без навоза и при внесении навоза. В) Диаграмма: Содержание азота, калия и фосфора в навозе различных животных.

7. Словесное изображение (Сочинение). Как нужно сохранять навоз. Как поступают с навозом на поле. Как мы вывозим и храним навоз. Как люди научились удобрять землю. Какое удобрение лучше

и почему. При подготовке докладов учащиеся использовали рекомендуемые им пособия, названия которых также приводились в конспекте [84, с. 24–25].

Не удивительно, что при такой постановке учебной работы знания учащихся оказывались клочковатыми, межпредметные связи проявлялись «во всей своей неестественности», как позднее вынуждена была писать Крупская. Во второй половине 1920-х гг. от комплексных планов было решено отказаться [84, с. 24–25].

В 1926 г. А. С. Макаренко выступил с докладом «Организация воспитания трудного детства» на Всеукраинской конференции детских школьных городков, этой инновационной формы, получившей широкое распространение в России и на Украине [76; 86].

Доклад произвёл большое впечатление на участников собрания, и, в итоге, перед Антоном Семёновичем поставили новую трудную задачу. О том, что это была за задача, А. С. Макаренко сообщает А. М. Горькому в письме от 8 мая 1926 г.: «Окончилась страстная борьба за Куряж... Завтра с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию...» [56, с. 333-334].

15 мая 1926 г. колония вместе со всем своим имуществом была переведена в Куряжский монастырь, располагавшийся в восьми километрах от Харькова. На его территории ранее была размещена детская трудовая колония, которая имела следующее официальное название «Детский дом Всеукраинской комиссии помощи детям».

В этом «детском доме...» царил полное безвластие. Дети ходили раздетыми; их одежда состояла из грязных, рваных клифтов, – некоего подобия телогрейки. Питались они так: прямо в помещениях монастыря устраивали костёр, причём топливом служил паркет и половые доски, выломанные из «жилых» помещений. В костре пекли украденный мёрзлый картофель. Спали вповалку, «звёздочкой» вокруг догоравшего костра.

Педагоги прятались от детей. Процветало насилие и мародёрство со стороны старших «воспитанников». Налицо было педагогическое и административное безвластие.

С собой в Куряж Макаренко взял 150 горьковцев. Они подчинили своему влиянию разболтанную местную вольницу. 280 воспитанников этого, по определению местных жителей, «разбойничьего гнезда», вошли в состав колонии. В 1928 г. в колонии было 400 воспитанников. За считанные недели коллектив горьковцев превратил бандитскую «малину» в образцовую трудовую колонию. Был вычерпан ма-

лярийный пруд. Построены благоустроенные уборные. Макаренко придел и «привёл в чувство» «коренных куряжан» [34, с. 61].

Вскоре отношение местных крестьян к колонии радикально изменилось; это уже был не прежний «бандитский» Куряж, а дисциплинированный советский коллектив нового, прогрессивного типа. Это событие в жизни колонии нашло своё отражение в выражении Макаренко «Завоевание Куряжа».

В колонии были столярная, сапожная и швейная мастерские, кузня и электростанция, где работали исключительно колонисты. Ими же выполнялись заказы на столярные, кузнечные и другие работы. Электростанция давала свет не только колонии, но и всему селу Куряж. В летнее время основным местом приложения трудовых усилий колонистов было, конечно, поле. Полевые работы велись на 72 гектарах, которые были засеяны кормовыми травами, засажены буряком и другими овощными культурами.

В поле под присмотром опытных агрономов работал американский трактор «Фордзон»; другой трактор, «Запорожец», потерявший свои ходовые качества, был приспособлен в качестве «движка» для приведения в действие станков в мастерских.

А. С. Макаренко гордился тем, что колония сумела выйти на частичную самокупаемость без отказа от школьного образования. Известная на всю страну подмосковная колония в посёлке Болшево, возглавлявшаяся в 1926–1928 гг. Матвеем Самойловичем Погребинским (1895–1937), такого успеха не достигла.

Кстати, о Болшевской колонии в 1931 г. был снят самый первый советский звуковой художественный фильм «Путёвка в жизнь». Роль начальника колонии Николая Ивановича Сергеева сыграл артист Николай Петрович Баталов (1899–1937); его племянник Алексей Владимирович Баталов (1928–2017) стал впоследствии известным киноартистом.

Что же представляла собой Куряжская колония имени М. Горького в те годы с организационной точки зрения? Все воспитанники были распределены по 25 разновозрастным отрядам. Это означало, что в каждом отряде были старшие юноши, подростки и малыши. Это позволяло передавать трудовые традиции. К тому же, такие отряды могли соревноваться между собой на производстве. Таким же образом были составлены и отряды девушек.

Каждый отряд имел свою спальню, своё место в столовой, свой трудовой объект. Во главе каждого отряда стоял командир, назначавшийся из числа наиболее активных колонистов. Управление коло-

нией осуществлялось советом командиров. Главными приоритетами колонии были учёба и труд. Школа-семилетка располагалась в большом светлом помещении. Лучшие выпускники направлялись в вузы.

В 1927 г. в институтах учились 29 бывших колонистов, и ими гордилась колония. Обычно трудовой день делился на две половины, – учебную и производственную. Часть колонистов с утра шла на уроки; потом их сменяли те, кто трудился в первой половине дня. Летом трудовой день начинался в 5 часов. Подъём, уборка помещений, кормление скота... После завтрака – работа в мастерских и в поле. В 12 часов – обед и послеобеденный отдых в течение часа, после чего снова работа до 16 часов. Далее время отдыха и культурно-просветительная работа в клубе.

В колонии были два больших светлых клуба, – «громкий» и «тихий», как называли их воспитанники. В «громком» проходили разного рода игры, представления и концерты»; «тихий» служил для занятий, чтения книг и заседаний совета командиров.

«Обязанности каждого колониста определялись в требовательных и нелегких выражениях, но все они были строго указаны в нашей конституции, и в колонии почти не оставалось места ни для какого своеволия, ни для каких припадков самодурства» (Педагогическая поэма).

Сплачивало колонию противостояние с жителями окрестных сёл, борьба с самогоноварением и отсталыми деревенскими нравами. В том числе и с религиозными предрассудками, которые тогда официально именовались «опиумом для народа». Воспитанники росли воинствующими атеистами и гордились этим.

Важным воспитательным фактором стало развитие хозяйства Куряжской колонии. Буквально за два-три года подростки не просто выбрались из нищеты, но сумели организовать в колонии настоящий сельскохозяйственный комбинат.

В колонии всё было своё: зерно, овощи, скот, лошади, теплицы, молотилка, кузница и мельница. Главное здание колонии окружал красивый парк, усаженный цветами; рядом был чистый пруд и даже собственный театр. Бывшие беспризорники жили сытно и в тепле, спали на чистых постелях, позволяли себе культпоходы, покупку племенных животных. А ведь за пределами колонии по всей стране по-прежнему царили разруха и голод, а во многих регионах, в том числе на Украине, даже *голодомор*.

А. С. Макаренко стремился донести до местной общественности достижения колонии. В 1923 г. в Полтавской газете «Голос труда» появилась его заметка «Колония имени Горького», а во второй книжке полтавского журнала «Новыми стежками» («Новыми тропами»), – статья «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии имени М. Горького».

Учреждения, которыми руководил А. С. Макаренко, регулярно проходили проверки со стороны чиновников Харьковской окружной инспекцией народного образования. Очередная проверка в октябре 1927 г. констатировала: «Считать недопустимым перенесение системы воспитания в колонии Горького на другие колонии». Особо отмечалось, что комсомольская организация не может «проявить себя как руководитель всей общественно-политической жизни колонии».

Действительно, Макаренко не допускал сосуществования двух систем воспитания, – колониетской, основанной на здоровом принципе самоуправления, и комсомольско-пионерской, в которой преобладали политическая «трескотня» и развлекательные мероприятия.

В вину ему было поставлено и то, что колониетская школа была переведена с украинского на русский язык. В отчёте комиссии также отмечалось, что «дисциплина строжайшая» и «не основана на сознании», а заведующий колонией – «безграничный авторитет». Самоуправление предлагалось реорганизовать на основе «широкой выборности». «Клубная работа недостаточна» (И это при замечательном организаторе клубной работы легендарном Викторе Николаевиче Терском! – В. П.). Наконец, «отношение к труду хорошее» [2, с. 231].

В заключении делался вывод: «Принимая во внимание принципиальную установку тов. Макаренко на содержание и методы социального воспитания, идущую вразрез с общей линией соцвоса, считать необходимым руководство детколонии возложить на партийных товарищей» [2, с. 231]. (А. С. Макаренко, как это ни странно, всю жизнь был беспартийным. – В. П.).

Выводы комиссии и послужили основанием для освобождения А. С. Макаренко от должности «завкола». Колонию им. М. Горького посещало большое количество делегаций. Вёлся учет этих посещений. Так, только с 28 августа по 11 декабря 1927 г. её посетили 32 *иностранные* делегации, не считая многочисленных делегаций советских граждан, в том числе педагогов.

Среди посетителей коммуны в 1927 г. был и известный французский писатель Анри Барбюс, большой друг СССР. До этого он по-

бывал на некоторых рабфаках при вузах, в школах и детских садах. Своими глазами он увидел энтузиазм советских педагогов. Он с возмущением говорил о том, что французские буржуазные газеты взахлёб пишут о детской преступности в СССР. Газета «Матэн» прямо указывала, что в Советском Союзе растёт поколение убийц. Барбюс писал впоследствии, что считает себя учеником великого писателя Горького, и поэтому был рад побывать в колонии его имени. Он убедился, по его словам, в том, как в ней создают новых, счастливых людей, исцеляемых трудом [6, с. 316].

Тогда же, в 1927 г. колонию посетила бывший клубный работник и воспитатель колонии Надежда Феликсовна Остроменцкая (1893–1968). Она работала здесь летом 1926 г., всего три месяца, а потом ещё совсем недолго весной 1927 г. Ничем особенным не запомнилась она ни детям, ни коллегам. Так, случайный попутчик, испугавшийся трудностей.

Тогда никто не мог себе и представить, что её стремление к личной известности за счёт успехов коллектива, возглавлявшегося Макаренко, приведёт к столь тяжёлым последствиям для жизни колонии и фактически погубит её. У неё вдруг появилось желание написать книгу о колонии. Об этом она поставила в известность Антона Семёновича.

Тот с сомнением отнёсся к этой идее; «как бы не пришлось протестовать», – писал он Остроменцкой. И как в воду глядел... Большой очерк «Навстречу жизни. Колония имени Горького» был опубликован в столичном журнале «Народный учитель» в 1928 г. [70, с. 12–77].

Некоторые вольности в тексте этого злополучного очерка привели к его превратному толкованию, в частности, в вопросе о применении в колонии наказаний. 14 мая 1928 г. зам. наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупская в докладе на VIII съезде ВЛКСМ, основываясь на материале очерка Н. Ф. Остроменцкой, подвергла острой критике «один Дом им. М. Горького на Украине». «Это не только буржуазная школа – это школа рабская, школа крепостническая...» [40, с. 270]. При этом она по-своему интерпретировала соответствующий раздел очерка [40, с. 269–270].

В письме к жене Г. С. Салько Макаренко впервые, но не в последний раз, раздражается гневным панегириком в адрес Крупской: «И ужаснее всего то, что по этой истеричной глупой бабе равняется и наша молодёжь» [60, с. 82].

Критическую линию в связи с очерком подхватил А. В. Луначарский. 23 мая он выступал в Ленинграде с лекцией «Воспитание

нового человека» В своём выступлении глава наркомпроса РСФСР напомнил слушателям об «одном педагогическом журнале», где «описывается положительный тип советского педагога, который посылает своего ученика в лес, – вырезать себе розгу, которой потом его же и выпорют» [44, с. 271].

Такой, с позволения сказать, «педагогический подход» он назвал «романтикой розги». При этом Анатолий Васильевич «успокоил» своих слушателей, заявив, что «мы, конечно, приняли некоторые меры к разъяснению того, до какой степени такие выступления недопустимы» [44, с. 271]. Вряд ли эта словесная «абракадабра», заботливо вставленная в уже современное издание «трудов» Луначарского, была понятна слушавшим его учителям.

Конечно, выражался Луначарский *фигурально*; никто никого, конечно, ни в какой лес за розгой не посылал, да и фамилия Макаренко не фигурировала в выступлении, но понимали-то наркома просвещения РСФСР *буквально*!

Если раньше критика А. С. Макаренко не выходила за пределы Полтавской губернии Украинской ССР, то сейчас о нём «узнала» вся советская страна. Прямо в день выступления Луначарского 23 мая 1928 г. секретариат ЦК ЛКСМУ (Ленинского коммунистического союза молодёжи Украины) определил: система Макаренко «не соответствует основам советской педагогики» [74, с. 161].

29 мая 1928 г. Центральное бюро ЛКСМУ подготовило проект решения: «Принять меры по реорганизации колонии им. М. Горького и прекращению её влияния на другие организации и учреждения»...

В центральном органе коммунистической партии большевиков Украины газете «Коммунист» (№ 158, 10.07.1928) появилась публикация Ю. Золотарёва: «Замість вражінь» с карикатурой «Чемпіон хуліганства». Смысл заметки сводился к тому, что А. С. Макаренко и есть главный «вражина», и, как принято говорить в таких случаях, с такими «друзьями», как Макаренко, и врагов не надо. На карикатуре был воспроизведён внешне узнаваемый облик Антона Семёновича в виде страшного монстра с засученными рукавами рубашки, готовящегося к совершению «педагогического преступления».

В журнале Главнауки «Вопросы изучения и воспитания личности (педология и дефектология)» профессор-дефектолог П. Г. Бельский, активно разрабатывавший в то время теорию «морально-дефективных детей», руководствуясь злополучным очерком Остроменцкой, – и больше ничем!, – сделал заключение о том, что воспитание в

горьковской колонии напоминает методы, применявшиеся в военно-аракчеевских воспитательных колониях.

Профессор-педолог А. Б. Залкинд в украинском журнале «Дитячий рух» («Детский мир»), ссылаясь на этот же очерк, пришёл к выводу, что описанная в нем воспитательная практика противоречит принципам советской педагогики.

По справедливому замечанию современного отечественного исследователя Г. Н. Козловой, оба автора припомнили Антону Семёновичу его выступление осенью 1926 г. на I-й всеукраинской конференции детских городков в Одессе, в котором Макаренко назвал их типологию «трудного детства» неудовлетворительной. Он тогда заявил, что их предложения «при частом их остроумии малопригодны для практической работы» [34, с. 64].

Что и говорить, «видным деятелям партии и государства», таким как Крупская и Луначарский, никогда в жизни практически не занимавшимся делом образования и не имевшим никакой соответствующей профессиональной подготовки, и при этом руководившим образованием огромной страны, трудно было найти правильную линию в сложных педагогических вопросах.

Между прочим, спустя десять лет та же Н. К. Крупская писала, что такие произведения как «Болшевская коммуна» и «Педагогическая поэма» красноречиво говорят о том, как надо освещать «постановку труда в детдоме – в связи с вопросом об учёбе и всей жизни детдома. Сказано «по-Крупски», – бессвязно и двусмысленно.

Напротив, в периодической прессе систему воспитания Макаренко очень хвалили. Приведём только один пример. Журналист И. Байков в газете «Брянский рабочий» (26. 5. 1928 г.) писал: «В колонии чрезвычайно суровая дисциплина. Однако она настолько разумна и добра, что колонисты не чувствуют себя угнетёнными. Наказания за уклонение от дисциплины всегда целесообразны, и их выполняют... Гордость колонии – механизированные деревообделочные мастерские, около 100 работающих колонистов. 50 старших колонистов работают на предприятиях Харькова. В отношении их совет командиров решил: из их зарплаты вычитать стоимость питания, 10% выдавать на руки, остальное класть на личную сберкнижку. Много, много интересного в колонии им. М. Горького» [74, с. 161].

О ярких публичных выступлениях Макаренко вспоминает хорошо знавший его И. Н. Гуков: «Поражало знание им педагогической литературы. Длинные цитаты из русских и иностранных авторов он

приводил наизусть. И приводил для того, чтобы опровергнуть их советской практикой. Это «отрицание святых» в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к нему учительскую молодёжь» [2, с. 32].

Но, как говорится, из песни слова не выкинешь... В своей статье «Детство и литература» А. С. Макаренко характеризовал книгу Леонида Пантелеева и Григория Белых «Республика ШКИД» как добросовестно нарисованную картину педагогической неудачи. «Книга, – писал Макаренко, – наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений «шкиды», от мелкого воровства до избияния педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи». Воспитательный метод руководителя «шкиды» Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это – карцер, запертые двери, подзрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «лёгких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателями якобы занятные трюки одичавших воспитанников» [3, с. 236].

Макаренко позволил себе *в печати* такие негативные высказывания, ориентируясь исключительно на содержание книжки, представлявшей собой своего рода литературный пасквиль на замечательного педагога В. Н. Сороку-Росинского. Это, с сожалением, признавали впоследствии и сами горе-авторы.

Что касается самого Макаренко, то он не был, конечно, в ШКИДе, не был знаком с В. Н. Сорокой-Росинским.

Пройдёт несколько лет, и уже сам А. С. Макаренко на примере собственной педагогической судьбы убедится в, так сказать, силе печатного слова. Мы имеем в виду вышеприведённую историю со статьёй Н. Ф. Остроменцкой. Между тем, В. Н. Сорока-Росинский, в отличие от Макаренко, в своей большой работе «Школа им. Ф. М. Достоевского», увидевшей свет лишь в 1970 году, с огромной симпатией и сочувствием пишет о А. С. Макаренко и его практической деятельности; даёт подробное описание того, чем не угодил великий педагог «наробразовским» руководителям. Он вслед за Макаренко смело повторял в своих материалах уничижительное определение «педагогический Олимп», имея в виду наркомпросовских начальников.

Принципы новой, социалистической педагогики, подразумевавшие, прежде всего, воспитание детей в коллективе, в труде, в процессе интенсивной учебы на основе самообслуживания и детского само-

управления, были впервые осуществлены на практике и именно В. Н. Сорокой-Росинским [83, с. 368].

Однако Виктору Николаевичу не приходило в голову своевременно отразить свои педагогические воззрения в солидных педагогических работах, с тем, чтобы «запатентовать» их теоретически. Он просто не мог это сделать, прежде всего, потому, что был неугоден наркомпросовским чиновникам, и, в отличие от А. С. Макаренко, не имел влиятельных заступников в лице высокопоставленных сотрудников ГПУ.

Перед Сорокой-Росинским едва ли не ежедневно стояла задача элементарного выживания в бушующем океане политического насилия и социальной несправедливости. Так что вышеуказанную задачу блестяще выполнил А. С. Макаренко в своих многочисленных художественно-педагогических произведениях, а также в статьях теоретической, публицистической и методической направленности.

Впрочем, Виктор Николаевич вовсе и не думал ни о каких «приоритетах»; он вообще был крайне далёк от каких бы то ни было карьеристских и авторских устремлений [85, с. 22].

«В колонии Горького педагоги настолько близко стояли к своим питомцам, что создавался как бы единый коллектив нового, социалистического типа. Макаренко и другие педагоги жили в колонии, знали её будни, знали всех воспитанников» (М. Сухоручко, воспитанник Макаренко).

А. С. Макаренко много рассказывал детям об А. М. Горьком. Особенно тронули их души рассказы педагога о бедняцком детстве пролетарского писателя. С 28 марта 1921 г. колония стала носить его имя. Позднее возникла идея написать ему письмо в Сорренто. Первое письмо Горькому было написано 8 июля 1925 г., последнее – 8 октября 1935 г. 3 августа 1925 г. от Горького было получено первое письмо.

А. С. Макаренко тут же принялся писать ответ: «Сегодня с утра задождило, – бросили молотьбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам, – сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15, – число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживлённые лица... Писать письмо Максиму Горькому не такая лёгкая штука, особенно если писари не очень грамотные. Дождь

перестал, и наш агроном, у которого тоже усы ещё не успели вырасти, волнуется молча: всё же ему стыдно признаться, что молотья выше всех писем» [55, с. 318–319].

В письмах ребята рассказывали о своих успехах в труде и учёбе, о «завоевании Куряжа», о празднике первого снопа, о «роскошном» коне Молодце. А. С. Макаренко готовился к приезду А. М. Горького загодя. В феврале 1928 г. он даже обратился к тогда ещё почти всемогущему «товарищу Н. И. Бухарину», члену Всесоюзной комиссии по приему возвращающегося на родину «пролетарского писателя», с просьбой выделить колонии дополнительно минимум 30 тыс. рублей, мотивируя свое обращение следующим образом: «В нашей нищете принять Горького нам неловко...».

8–9 июля 1928 г. произошла незабываемая встреча с великим пролетарским писателем в колонии им. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Приезд Горького стал настоящим чудом для детей. В колонии были трудовые дни.

На конной машине-жатке Алексей Максимович подъехал к месту уборки ярового поля, побывал у трактора на заготовке сена, в столярной мастерской. Везде принимался за работу.

Колонисты специально подготовили инсценировку пьесы «На дне». Было организовано фотографирование. Вечером – торжество, фейерверк. Подарком от колонистов «буревестнику революции» стал альбом о жизни колонии.

А. М. Горький писал впоследствии о Макаренко в книге очерков «По Союзу Советов»: «Знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто он делает моментальный фотографический снимок с его характера» [19, с. 357]. Он «умеет говорить детям о труде с той спокойной скрытой силой, которая и понятней, и красноречивее всех красивых слов» [19, с. 358].

А. С. Макаренко не стал жаловаться Горькому, что его уже «ушли» из колонии, что он в присутствии высокого гостя *всею лишь изображает* заведующего колонией, которым на тот момент уже фактически не являлся. Кстати, Горький в своём очерке вспомнил о том, что он уже бывал ранее в Куряжском монастыре. В 1891 г. он встречался там с Иоанном Кронштадтским [52, с. 168].

Гонения на Макаренко, тем временем, продолжились. 14 марта 1928 г. на совместном заседании научных сотрудников секции социалистического воспитания Украинского НИИ педагогики и представителей НКП Украины был заслушан доклад А. С. Макаренко о его пе-

дагогических взглядах и об итогах работы в Горьковской колонии. Принятая резолюция осудила его воспитательные методы.

В протоколе заседания Президиума Центрального бюро ЛКСМУ от 13 июля 1928 г. отмечалось: «Нужно срочно принять меры к снятию Макаренко с работы. Изучить работу комсомольской ячейки колонии, «систему» тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно... [53, с. 7].

Республиканская газета «Вісті» и вовсе опередила события: в номере от 27 июня 1928 г. она сообщила, что после очередного обследования колонии представителями наркомпроса Макаренко снят с должности заведующего [53, с. 7].

3 сентября 1928 г. А. С. Макаренко был уволен с должности заведующего колонией им. М. Горького, а опыт воспитательной деятельности колонии был объявлен вредным. Нарком просвещения УССР Николай Алексеевич Скрыпник (1872–1933) принял решение о реорганизации колонии.

Не скрывая обиды, Макаренко писал Остроменцко й в письме от 16 октября 1928 г.: «Приезжайте сейчас в колонию и дайте очерк о её гибели» [3, с. 115]. Новый руководитель колонии выдвинул девиз: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться».

Вскоре колония им. М. Горького уже ничем не выделялась от других аналогичных учреждений. Там развалилась дисциплина, были ликвидированы разновозрастные производственные отряды. Впрочем, они уже были и не нужны, ведь всё производство было остановлено. Поголовье скота было вскоре «подъедено», и «всё пошло как по маслу», с горечью иронизирует Макаренко в упомянутом письме.

И далее он пишет: «Теперь все сидят и разводят руками и, кажется, собираются запеть на такую выигрышную тему: во всём Макаренко виноват, всё держалось на его личности, он ушёл – и всё пошло под гору. Всё это замечательно симпатично получается. Ведь там «ушли» не только меня, «ушли» бóльшую половину персонала, «ушли» старших ребят, прикрыли систему рабочего коллектива, сделали ставку на школу и на лодырей, а теперь вспомнили о личности Макаренко» [53, с. 7].

Письмо Макаренко Остроменцкой полно горечи и сарказма: «Так что с этой стороны я даже могу быть Вам благодарен за то, что меня «выперли» из колонии. Зато сама колония... в результате объединённых усилий ...умных и талантливых людей... из наркомпроса, комсомола и из литературы очень быстро идёт к гибели» [3, с. 114–

115]. Словом, карьера Макаренко складывалась не безоблачно: с властями у него периодически возникали трения, причём главными, учитывая занимаемые ими высокие должности, критиками педагога были Крупская и Луначарский.

В довоенные годы не было общесоюзного министерства просвещения, у каждой союзной республики был свой наркомпрос. Но всё равно российский НКП считался главным; на него ориентировались образовательные ведомства за пределами РСФСР.

Поэтому критика со стороны таких авторитетных в те годы чиновников, как Крупская и Луначарский, подхватывалась местными и местечковыми подхалюзинами в других союзных республиках СССР, в частности на Украине, и чаще всего незамедлительно принималась к исполнению.

Нестандартные педагогические методы Макаренко назывались антисоветскими, неприемлемыми в советских детских учреждениях. Педагоги (педологи) обвиняли его в том, что он проповедует казарменную, «милитарную» систему воспитания вместо «гуманистического» подхода к ребёнку.

Главный спор был, прежде всего, о наказании, поскольку оно, как считали противники Макаренко, выросло из самой природы «военизированного» коллектива.

Многokrатно в своих работах и выступлениях А. С. Макаренко возвращался к своему излюбленному тезису: неверно, что наказание воспитывает раба. Рабов воспитывает как раз не наказание, а самодурство, не ограниченная ничем беспардонность, позволяющая некоторым педагогам воспитывать хулиганов. Напротив, наказание может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Наказание это не только право, но и обязанность.

Более того, педагог должен уметь «ломать» воспитуемого, – считал Макаренко, – он имеет право произвести педагогически обоснованное насилие. Очень возможно, – писал он, – что в дальнейшем подготовка наших педагогических кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить.

Из письма Макаренко к Г. С. Салько: «Читали «Комсомольскую правду» от 17 мая, как меня Крупская разделала... шельмование во всесоюзном масштабе...» [2, с. 80]. «Я начинаю приходить в восторг... грозили прокурором... истерички добьются-таки, что меня по-

садят...» [2, с. 64]. Местное наробразовское руководство сделало соответствующие выводы из приведённых выше критических высказываний, и отстранило Макаренко от работы в колонии.

В это сложное для себя время Макаренко принял решение создать свою семью. Его избранница Галина Стахивевна Салько (урождённая Рогаль-Левицкая) страдала болезнью, которую тогда квалифицировали как «туберкулёз горла». От этой же болезни рано скончались её отец и брат. Но Макаренко это не смущало.

Г. С. Салько (1891–1962) была в то время председателем комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окружного исполнительного комитета. Она происходила из дворянской семьи, но уже в декабре 1917 г. стала членом большевистской партии.

Через неё Антон Семёнович познакомился с другими видными украинскими коммунистами. Некоторые из них, в частности, В. П. Затонский, земляк Г. С. Салько по её родному городу Каменец-Подольску, в то время был наркомом очень авторитетного органа, – Рабоче-крестьянской инспекции. Именно здесь, в Харькове, столице тогдашней Украинской ССР, в общезнании для так называемых «ответственных работников», и в присутствии этих самых «работников», Макаренко впервые читал рукопись первоначального варианта «Педагогической поэмы».

Близкие отношения между Салько и Макаренко возникли с весны 1927 г., официально брак был оформлен 4 сентября 1935 г. Её первый муж М. В. Салько (1887–1938) в 1919 г. был заместителем наркома просвещения Украины, в 1923–1925 гг. – заведующим Киевским, затем Харьковским губнаробразом, в 1930-е гг. он заведовал Черниговской окружной инспектурой образования, был членом совета при НКП УССР. Далее последовали репрессии...

Их сын Лев Михайлович Салько (1914–1957) воспитывался в семье Езерницких, двоюродной сестры Г. С. Салько, потом некоторое время был коммунарком у Макаренко. Когда Лёва окончил школу, его отправили в Москву учиться в институте.

1.4. Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского

9 апреля 1927 г. коллегия ГПУ УССР постановила ознаменовать память Ф. Э. Дзержинского открытием детской трудовой коммуны его имени. 20 октября 1927 г. в дополнение к руководству колонией Макаренко принял заведование коммуной, которая по его настоянию

летом 1928 г. получила такое полное название, – «Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского, работающая на основе педагогических принципов трудовой колонии имени М. Горького».

Большое значение для А. С. Макаренко имели понимание и поддержка его педагогического опыта со стороны председателя ГПУ УССР Всеволода Апполинариевича (в современных источниках – Аполлонович) Балицкого [1892/1893–1937], которого за глаза называли «гильотиной Украины». Его имя носил главный стадион Украины, детская колония в Прилуках и другие объекты [121].

В монографии историков Юрия Шаповала и Вадима Золотарева даётся исчерпывающий портрет этого злодея [105]. Антон Семёнович познакомился с Балицким через его сестру Наталью, которая была председателем шефской комиссии колонии им. М. Горького, и рассказывала своему брату много хорошего о работе Макаренко. Макаренко и Балицких связывали тёплые отношения. Не случайно, Балицкий пригласил А. С. Макаренко, «человека беспартийного и не состоявшего сотрудником ГПУ», как позже он себя характеризовал, на работу в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского [120].

Таким образом, именно благодаря Балицкому Макаренко после снятия с руководства колонией им. М. Горького продолжил руководить подобным учреждением, находившимся не в ведении НКП Украины, а в составе ГПУ. Здесь он стал фактически «недоступен» для своих прежних недоброжелателей. «Связываться» с пользовавшимся поддержкой ГПУ педагогом никто, естественно, не желал. Говоря современным жаргонным языком, у Макаренко появилась, пусть и всего на несколько лет, но очень надёжная «крыша».

Г. Хиллиг одним из первых обратил внимание научной общественности на огромную роль, которую сыграл в судьбе А. С. Макаренко В. А. Балицкий, не без участия которого беспартийный А. С. Макаренко был назначен руководителем коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, а после критики со стороны Н. К. Крупской и последующего снятия с должности заведующего колонией им. М. Горького остался в качестве руководителя подведомственного ГПУ учреждения.

Осенью 1936 г. В. А. Балицкий лично вычеркнул фамилию А. С. Макаренко, на которого уже были собраны «показания о контрреволюционной деятельности» по делу бывшего начальника Макаренко по отделу трудовых колоний Украины Л. С. Ахматова, что дало возможность А. С. Макаренко с семьёй вовремя и беспрепятственно уехать в Москву.

Труды Антона Семёновича, соответственно, не были уничтожены и изъяты из библиотек, как, например, произведения «врага народа» М. С. Погребинского о Болшевской коммуне.

Более того, Макаренко успел написать и издать целый ряд своих замечательных произведений. Он и дальше свободно встречался с читателями, открыто пропагандировал свои взгляды [104]. В коммуне педагог нашёл, в отличие от наробразовских организаций, «учреждение замечательной чёткости»; так он характеризовал коммуну и её покровителей в письме А. М. Горькому от 25 февраля 1928 г. [57, с. 343].

В 1936 г., после смерти своего «шефа, друга и учителя», Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни» он даже утверждал, что чекисты «подобрали» его «беспризорную педагогику» и «не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца» [51, с. 304].

При этом он не кривил душой ни в малейшей степени. В лице Балицкого А. С. Макаренко действительно имел верного защитника и единомышленника. Жаль только, что это сотрудничество продолжалось недолго.

В 1937 г. Балицкий был арестован и расстрелян «в особом порядке». Более того, по заключению Военного суда Московского военного округа от 1 апреля 1998 г. за многочисленные преступления против народа, совершённые в период, когда Балицкий занимал высокие должности в ГПУ и НКВД, он был признан не подлежащим реабилитации. Но пока Макаренко ещё полон надежд и ожиданий. Он получает право подбирать персонал для своего учреждения. В коммуну из горьковской колонии переходят его главные соратники Т. Д. Татариннов, Е. Ф. Григорович, В. Н. Терский.

... С середины октября 1927 г. Макаренко фактически отходит от заведования колонией им. М. Горького. Он бывает в ней эпизодически. Фактически ему приходится работать в двух местах. 30 мая 1928 г. Макаренко пишет заявление об уходе из колонии, но в окружном отделе народного образования ему предлагают остаться на заведовании колонией до приезда Горького.

Текущие вопросы работы коммуны решало её правление, председателем которого в течение нескольких лет был Михаил Маркович Букшпан (1896–1937), начальник учётно-статистического отдела ГПУ УССР. Развитию коммунарского производства активно содействовал Александр Иосифович (Осипович) Бронево́й (настоящая фамилия – Факторович) (1898–1940), один из руководителей ГПУ и НКВД УССР, зам. председателя правления коммуны. (Кстати, известный артист Леонид Сергеевич Бронево́й – его племянник).

Ещё один профессиональный чекист, Пётр Иосифович Барбаров, (в молодости – Варваров) (1905-?) работал в коммуне на постоянной основе в 1930–1932 гг. (по другим данным – 1929–1931 гг.).

По его воспоминаниям, опубликованным в 1993 г. [37, с. 317], по роду своей работы он, Барбаров, курировал деятельность коммуны, и однажды, в одном из своих выступлений раскритиковал Макаренко; дескать, тот мало уделяет внимания связям с предприятиями Харькова. Макаренко в долгу не остался и дал Барбарову резкую отповедь которая в виде статьи под названием «Докладная записка члену правления коммуны имени Ф. Э. Дзержинского» вошла потом во все собрания сочинений [48, с. 416–438].

«Вскоре после этого памятного заседания меня вызвал мой начальник и сказал: «Ты хорошо научился критиковать. Иди-ка к Макаренко, и поработай у него в качестве политрука. Я стал отказываться. Начальник пригрозил арестом. Так я и оказался заместителем Антона Семёновича по политической работе», – вспоминал на склоне лет П. И. Барбаров [37, с. 318].

Поскольку этот человек имел тесное отношение к А. С. Макаренко на протяжении ряда лет, скажем и о нём несколько слов. Начиная Пётр шифровальщиком Черниговской губернской ЧК (1920–1923), потом служил агентом и помощником уполномоченного дорожно-транспортного отдела ОГПУ Екатеринославской железной дороги (г. Днепропетровск, ныне г. Днепр), в 1927–1930 гг. – уполномоченный транспортного отдела ОГПУ (г. Харьков).

В 1939 г. по состоянию здоровья уволился из ГПУ. В годы войны вместе с Харьковским моторным заводом эвакуировался в Челябинск. Там работал на танковом заводе зам. директора по кадровым вопросам. В 1949–1982 гг. – начальник отдела капитального строительства на Челябинском заводе дорожных машин имени Д. В. Коллющенко.

25–28 декабря 1928 г. из колонии им. М. Горького («для заправки») в коммуну переводятся 40 мальчиков и 10 девочек четырнадцати-пятнадцати лет. 29 декабря, в связи с 10-летием деятельности ВЧК-ОГПУ, в присутствии генерального секретаря ЦК КП(б) Украины Лазаря Моисеевича Кагановича, представителей правительства и общественности УССР прошло торжественное открытие этого учреждения. Председатель ГПУ УССР В. А. Балицкий вручил коммунарам знамя от коллегии ГПУ УССР.

В первых числах января 1928 г. коммуна приняла из коллектора 40 беспризорных, взятых с улицы. Будучи общественно-государст-

венным воспитательно-образовательным небюджетным учреждением, коммуна дзержинцев первые два с половиной года содержалась на ежемесячные полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников и командирско-политического состава органов и войск ГПУ.

С 1 июня 1930 г. коммуна перешла на полную самокупаемость. Более того, за счёт коммуны привлекались квалифицированные специалисты, мастера и организаторы производства. В то же время, она была освобождена от налогов и сборов. Коммуна была расположена на окраине Харькова, столицы Советской Украины (по 1934 г.), в лесопарковой зоне, которая именовалась Новый Харьков.

А. С. Макаренко поставил задачу создания *воспитательного предприятия*. К замыслу создания «укрупнённого» педагогического учреждения Макаренко обращался неоднократно. В 1927 г. он предлагал организовать Трудовой детский корпус Харьковского округа в составе около 10000 детей. В 1932 г. им было предложено объединение колонии им. М. Горького с коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. Год спустя он внёс новое предложение, – объединить Прилукскую и Полтавскую трудовые коммуны с коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко писал соответствующие предложения в Главсоцвос, но все эти предложения не нашли понимания в «верхах».

А. С. Макаренко называл труд «основным элементом» в воспитании. В 1930 г. его коммуна встала на путь кардинального повышения производительности труда. Был введён, как на передовых предприятиях, поточный принцип организации труда, основанный на разделении труда по отдельным операциям.

Начали действовать деревообделочные мастерские («кустарная мебельная фабрика», как называл её Макаренко), арматурный (литейный) и швейный цеха. Стоимость ежедневной продукции достигала 3000 р.

Коммуна принимала крупные заказы на производство мебели для учебных заведений и домов культуры. Для корпусов строившегося Харьковского тракторного завода коммунары изготавливали двери.

Буквально за три месяца работы по-новому, к 1 июля 1930 г. коммуна перешла на полную самокупаемость, освободившись, как уже отмечалось, от содержания за счёт «добровольно-принудительных» взносов сотрудников ГПУ. Коммуна полностью окупала своё содержание, и давала при этом государству значительную прибыль.

Более того, коммунары стали получать сдельную зарплату, на которую они содержали себя и младших членов коммуны, ещё не занятых в производстве товарной продукции.

Часть заработка шла на пополнение счёта на индивидуальных сберкнижках для накопления средств к моменту выхода коммунара в «большую жизнь». С заработанных средств выплачивались стипендии бывшим коммунарам, обучавшимся в вузах.

Кроме того, на хозрасчётные деньги содержался духовой оркестр, коммунарский театр и оранжерея, приобретался спортивный инвентарь и парадная одежда, организовывались походы и экскурсии, другие культурные мероприятия. Всё вышеперечисленное, и многое другое, не укладывалось ни в какие наркомпросовские сметы, и вызвало чувство зависти со стороны других аналогичных учреждений, перебивавшихся, как говорится, «с кваса на воду».

Наконец, А. С. Макаренко выходит с идеей проекта «крупного воспитательного промышленного предприятия». Эта его идея находит поддержку. В Харькове строятся два крупных завода, причём оба являются «первенцами первой пятилетки» в своей отрасли в СССР. Один из них – завод плёночных фотоаппаратов, получивших название «ФЭД» (Феликс Эдмундович Дзержинский).

За образец была взята модель немецкой фирмы «Leitz Camera», получившая в народе название «лейка». (Ранее в СССР для фотографирования использовались лишь посеребрённые пластинки). Другой завод производил электроинструмент; самым известным его изделием были электродрели фирмы «Black&Decker» (США).

Коллективу коммуны было предложено участвовать в строительстве и, самое главное, по окончании строительства работать на этих предприятиях. Эта идея захватила весь коллектив.

В мае 1931 г. состоялась закладка нового завода электроинструментов. Первые «опытные» «сверлилки» были выпущены уже в конце 1931 г.

7 января 1932 г. состоялось торжественное открытие первого в СССР завода электроинструмента. В июле 1932 г. выпуск электродрелей превысил тысячу штук в месяц. Буквально в эти же дни, 2 июня 1932 г. начинается проектирование «лейки».

Спустя всего несколько месяцев производство фотоаппаратов поставлено на поток. Фотоаппарат «Лейка» это 300 деталей; работы проводились с точностью до 0,001 мм!

Макаренко с упоением пишет об этом в своих многочисленных произведениях. 28 декабря 1932 г. страна получила первую серию фотоаппаратов марки «ФЭД», сделанную руками дзержинцев.

Фотоаппараты ФЭД за короткое время стали престижной вещью. Ими награждали особо отличившихся людей нашей страны. Из-

вестно, что И. В. Сталин наградил этим фотоаппаратом Лазаря Иосифовича Вайсбейна, более известного как Леонид Осипович Утёсов, за блистательное исполнение главной роли в фильме «Веселые ребята». Правда, режиссёр фильма Григорий Васильевич Александров (Мормоненко) был за этот же фильм удостоен звания народного артиста СССР, а его жена Любовь Петровна Орлова, исполнительница главной женской роли, получила орден.

Рассказывают такую историю. Однажды немецкая делегация приехала в коммуну. У одного из делегатов воспитанники заметили *новую «лейку»*. Коммунары «одолжили» фотоаппарат у доверчивого немца, быстро разобрали «по винтику» передовую модель, сделали чертежи конструкции, собрали все детали и вернули вещь владельцу. Так появился улучшенный «ФЭД». Возможно, это легенда. По крайней мере, Макаренко не упоминает об этом в своих произведениях.

В 1934 г. при коммуне была открыта школа-десятилетка. С 1934 г. в коммуне начал действовать «школьный комбинат», включавший 3–7 классы семилетки, два отделения машиностроительного техникума, старший концентр школы-десятилетки (8–10 классы) и одногодичные технические курсы.

Универсальная учебно-производственная база позволяла сочетать воспитание социально-полноценной личности с развитием её индивидуальных склонностей в выборе дальнейших форм учебы и профессионально-жизненным самоопределении [34, с. 71].

Первое, что поражало любого человека, попавшего в коммуну, – красота. Заасфальтированные дорожки, идеально подстриженные газоны, клумбы с розами, чудесный яблоневый сад, площадка с аттракционами...

В коммуне было искоренено воровство: не было замков, даже кладовые не запирались. Воспитанников учили не только элементарным правилам человеческого общежития, но и хорошим манерам. К примеру, не просто уступать места старшим в трамвае, но и не оглядываться при этом на пассажиров: «Иначе вы не джентльмены, а хвастунишки».

Макаренко учил воспитанников культуре публичных выступлений: соблюдать регламент, говорить чётко, ясно, по делу, не утомляя слушателей мелочами. «Нашей воспитанности должен завидовать весь мир», – говорил заведующий.

А. С. Макаренко придавал огромное значение физическому воспитанию детей и подростков. Его воспитанников не пугали ранние подъёмы, утренние закаливающие процедуры в любую погоду.

Уклад жизни отчасти напоминал армейский; строевая подготовка, игры типа «Зарницы» с выездом за пределы колонии и участие в городских парадах были неотъемлемыми атрибутами жизни колонистов и коммунаров.

Макаренковцы ежегодно совершали длительные походы, в ходе которых, как правило, часть маршрута проходили пешком, часть – на поезде или пароходе [72].

Маршруты походов тщательно разрабатывались. Заранее высылались «разведчики», которые проходили его сами, и отмечали все препятствия и сложности. На общем собрании коллектива иногда возникали споры, какой маршрут выбрать предстоящим летом..

Об одном таком споре рассказывал П. И. Барбаров в своих воспоминаниях. Приведём отрывок из них.

«Весь коллектив коммуны ежегодно выезжал летом в походы по стране. В 1929 г. коммунары ездили в Москву, а на лето 1930 года Макаренко предложил на общем собрании поехать в Ленинград. Ребята с ним не согласились. «Поедем к морю!». Он стал убеждать их в прелестях Ленинграда и сложностях организации похода в Крым. Постановили послать разведку в Крым: меня и одного из воспитанников. Мы съездили. Снова собрание. Я выступил сдержанно. Хотелось помочь Антону Семёновичу в осуществлении его замысла. А юный разведчик так расписал, выступая перед ребятами прелести Крыма, что собрание твёрдо решило «Едем в Крым!». Макаренко подчинился собранию, хотя до этого уже многое сделал по подготовке похода в Ленинград. И подобных фактов было немало» [37, с. 323].

Коммунары побывали за время жизни в коммуне в Москве, Горьком, Чебоксарах, Ульяновске, Куйбышеве, Сызрани, Саратове, Сталинграде, Дербенте, Новороссийске, Сочи, Севастополе, Одессе, Бердянске, Симеизе, Ялте, Орджоникидзе, Баку, Тбилиси, Батуми и др. [46, с. 21].

Некоторые из этих походов описаны как самим Макаренко, например, встреча с нефтяниками Биби_Эйрат в повести «ФД-1», так и его воспитанниками, прежде всего, Л. В. Конисевичем. Поездки обязательно имели не только оздоровительный, но также и познавательный, образовательный характер.

В каждом городе коммунары посещали музеи, достопримечательные места. Встречались с рабочими и пионерами. Делали записи в дневниках наблюдения, собирали гербарий и т. д.

Как и раньше в колонию им. М. Горького, в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского был непрерывный поток гостей. В сборнике

«Второе рождение», вышедшем в 1932 г., указывается, что на момент выхода этой книги, то есть фактически за период с 1930 по 1931 гг., коммуны посетили 214 делегаций, в том числе из СССР – 87, остальные иностранные. Среди них из Германии – 37, Англии – 17, Франции – 16, стран Южной Америки – 11, США – 8, Испании 7 и т. д., всего из 27 зарубежных стран [11].

Предоставим слово П. И. Барбарову, человеку, который близко знал А. С. Макаренко. Он вспоминал: «Я в то время мало смыслил в педагогике. Меня поражала просто сама жизнь коммуны. Эта жизнь была удивительно богата, интересно и чётко организована. С раннего утра и до вечера все были заняты разнообразными полезными делами, всем это было интересно. Всё делалось, как правило, неформально, всерьёз, но, в то же время, весело и непринуждённо. Много и часто шутили, смеялись.

Конечно, и строгость в отношениях была. Но никакой грубости, унижений во взаимоотношениях взрослых и ребят, да и между ребятами я не замечал. Это было для меня неожиданно и удивительно. Ведь в окружающей жизни наблюдалось совсем другое.

А тут был как бы свой особый микроклимат, созданный за годы упорной работы коллектива. Жизнь в коммуне, казалось, текла сама собой. Макаренко, конечно, был в центре событий. Но говорил он мало и коротко, нраву учений долгих не любил. Себя в качестве начальника не выпячивал.

За каждое конкретное дело, за все стороны жизни коммуны отвечали определённые и всем известные в коллективе лица. Они-то и были на виду у всех в качестве руководителей. Макаренко как-то незаметно держал нити управления в своих руках, и умело объединял общие усилия. А результат – чётко организованная, интересная жизнь коллектива. Это видели и чувствовали не только мы, но и многочисленные гости коммуны, которые бывали там очень часто, в том числе иностранцы.

Все восхищались нашими порядками, стилем жизни и воспитанностью ребят. Конечно, все понимали, что главным «виновником» успехов является Макаренко. Поражала, прежде всего, его работоспособность. Казалось, что этот человек, несмотря на непрерывную, почти круглосуточную занятость, никогда не устаёт.

Разумеется, это было не так. Он уставал, но никому этого не показывал, следуя коммунарскому девизу «Не пищать!».

Ещё удивляла его эрудиция. Коммунары были, по-моему, убеждены в том, что Макаренко знает вообще всё. И в самом деле, на лю-

бой вопрос, в том числе и мой, он всегда давал ясный и обстоятельный ответ.

Особенно блистал он познаниями в истории и литературе. Помню, как однажды в беседе с группой ребят он обнаружил, что коммунар Александр Швед, признанный в коллективе оратор, не знает ничего о Евгении Онегине. Макаренко пристыдил его за невежество и тут же с блеском прочитал ребятам наизусть несколько больших отрывков из пушкинского романа.

Привлекала меня в Макаренко его скромность. Почти никогда он не говорил «я», когда речь заходила об успехах. Всегда говорил «мы», «наш коллектив».

Никогда ничем не хвалился лично, хотя основания для этого были. Зато ребята крепко любили своего «Антон» и готовы были идти за ним на преодоление любых трудностей. Он искренне и глубоко любил детей. И хотя внешне частенько был строг с ними, они безошибочно чувствовали его любовь и заботу и платили ему тем же.

Нравилась мне в Макаренко и его обязательность. Его слова и поступки были неотделимы друг от друга. Свои обещания всегда и безусловно он выполнял и приучал к тому же воспитанников. Своим примером учил дорожить словом, не ронять честь.

Макаренко был горячим патриотом своей страны, жил её заботами, не замыкался в узком кругу своих профессиональных и личных интересов.

Он всё время находился в коммуне, на работе. Обратиться к нему можно было в любое время. Его квартира находилась тут же, в коммуне, но уходил он «домой» редко. Рабочий кабинет был всегда открыт. Туда запросто приходили педагоги, сотрудники и дети. Конечно, все понимали, что у него масса дел, и без нужды старались не отвлекать его. Но почти всё время в кабинете кто-то был.

Иногда ребята заходили просто посидеть на диване и посмотреть, как бойко он стучит на пишущей машинке.

О каких-то рамках рабочего дня Макаренко говорить невозможно: он, казалось, всё время работал. С раннего утра и до глубокой ночи он был на ногах, среди ребят или за своим рабочим столом. Другой вопрос, на что он тратил своё время. Внешне могло показаться, что его полностью съедает «текучка». А на самом деле оказывалось, что Антон Семёнович в этом людском водовороте умел обдумывать и писать свои теоретические работы и художественные произведения. Такой уж это был человек» [37, с. 321–323].

Между прочим, в акте, составленном сотрудником милиции сразу после смерти А. С. Макаренко, наряду с другими вещами, указаны две пачки папирос и три коробка спичек. Сам Антон Семёнович не был идеальным человеком: он курил, по его же собственному признанию, «беспощадно», а вот у коммунаров курение искоренял. Правда, старшие коммунары всё-таки покуривали.

По воспоминаниям некоторых коммунаров, он прививал старшим воспитанникам культуру застолья. Были случаи, когда по праздникам он приглашал к себе домой некоторых самых старших воспитанников, сажал их за стол с белой скатертью, накрахмаленными салфетками и красивой сервировкой. Водки наливалось по четверти стопки, выпивать полагалось только под тост. Как вспоминали его ученики, Антон Семенович говорил: «Есть три правила: на голодный желудок не пей; выпил – закуси; знай, на какой рюмке надо остановиться».

Такие посиделки проводились под строгим секретом. Макаренко считал, что после 18 лет ребята выходят из коммуны во взрослый мир, и наверняка, – уж такова жизнь! – будут пить водку. Поэтому лучше научить их тому, что потом может пригодиться в жизни. Это одна из легенд о Макаренко.

В 1932 г. А. С. Макаренко увидел в своём опыте опасную тенденцию; педагогически неоправданное расширение производства вело к тому, что коммуна теряла своё воспитательное значение. В конце 1927 г. коммуна начиналась с четырёх мастерских (сапожная, швейная, столярная, слесарная), а сейчас это был завод, производивший 30000 плёночных фотоаппаратов в год, плюс к тому завод электроинструмента.

В конце 1934 г. дальнейшее развитие производства коммуны стало фактически подрывать её «педагогическую сущность». Коммуна владела имуществом стоимостью 7 миллионов рублей, в том числе на 300 тысяч рублей импортного оборудования. Её годовой промфинплан составил 15 миллионов рублей.

На производстве, помимо коммунаров, было большое количество мастеров, инженеров, рабочих. Всё это в 1937 г. стало причиной прекращения деятельности коммуны как педагогического учреждения.

Сам Макаренко с середины марта 1932 г. оставляет должность зав. коммуной по причине кардинального расширения её промышленного производства. С 15 апреля Антон Семёнович заведует её педагогической (учебно-воспитательной) частью. Начальником же всей

коммуны становится председателем правления коммуны Александр Осипович Бронево́й.

На практике же имело место двоевластие. Ведь заведующим коммуной являлся М. А. Максимов, затем И. П. Судаков, И. Я. Тепер, Марусинов, Тихонов, В. С. Берман. (Не у каждого из них в истории остались инициалы). Однако для воспитанников фактическим руководителем по-прежнему оставался А. С. Макаренко.

Аналогичный процесс проходил и во многих других детских трудовых коммунах. В ходе индустриализации страны они превращались в самостоятельные промышленные предприятия.

Но на общем фоне коммуна им. Ф. Э. Дзержинского особенно выделялась. Будучи первенцем отечественного точного машиностроения и оптического производства она в известной степени содействовала освобождению страны от экономической зависимости и укреплению её обороноспособности.

В период работы в Харькове А. С. Макаренко приходилось работать над такими предложениями, которые иначе как бредовыми и не назовёшь. Так, 28 сентября 1928 г. ему было предложено «разработать проект организации на границе с Афганистаном сети колоний для беспризорных на 40000 человек, которых необходимо будет вывезти из Украины».

Ежедневно ощущая на себе «внимание» сотрудников ОГПУ, педагог не мог позволить себе высказывать своё истинное мнение по этому вопросу и поэтому в письме к жене, – на тот случай если письмо попадёт «не в те руки», – он пишет: «Эта мысль возникла в какой-то комиссии ВУЦИКа. Я пока принципиально отозвался об этом проекте как о самом гениальном. Разработка его может ещё увеличить все возможности, какие в нём заключаются. Завтра утром еду в ВУЦИК вести переговоры по этому поводу» [2, с. 114].

Слово «гениальный» даёт понять адресату истинное отношение Макаренко к этому «предложению».

В апреле 1935 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», согласно которому в системе НКВД создавались соответствующие подразделения. В НКВД УССР такой отдел располагался по адресу ул. Рейтарская, 27.

С 1 июля 1935 г. А. С. Макаренко был переведён в Киев, в центральный аппарат НКВД УССР, где работал в должности помощника начальника отдела трудовых колоний до ноября 1936 г.; под его на-

чалом были 12 колоний и 30 детских приёмников, которые были переданы из наркомпросовского ведомства в НКВД.

А. С. Макаренко писал: «Я прощался с коммунарами... Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов моей жизни. Я получил телеграмму – немедленно прибыть к месту назначения в Киев. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься. Я работал 16 лет в коллективе. И кто понежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит – плачет» [111].

Эта часть биографии Макаренко малоизвестна в силу закрытости самого ведомства, в котором пришлось трудиться Антону Семёновичу. Вдова А. С. Макаренко, взявшая на себя функцию цензора его произведений, также всегда возражала против того, чтобы имя её мужа в педагогических и энциклопедических изданиях как-то ассоциировалось с должностью офицера НКВД. Да и работал-то там Макаренко совсем недолго.

Между прочим, практически сразу холостяк Макаренко получил трёхкомнатную квартиру по адресу ул. Леонтовича, 6, с видом на Владимирский собор. Сейчас ему было куда привести жену, и 5 сентября 1935 г. он зарегистрировал свои отношения с Г. С. Салько.

Репрессии в стране были в самом разгаре. В случае, если, например, главу семьи арестовывали, его домочадцы выселялись из занимаемой ими квартиры. Взять с собой разрешалось разве что носильные вещи. Но чаще всего бывало так, что следом за главой семьи в лагерь отправлялись и жёны. Был даже такой лагерь – АЛЖИР (Акмолинский лагерь жён изменников родины).

Кого же было заселять в освободившиеся квартиры, как не тех самых людей, которые это «освобождение» и обеспечили? Так что сотрудники ГПУ и НКВД не страдали от отсутствия жилплощади. Правда, многие из них недолго ею, этой жилплощадью, пользовались, и нередко вскоре отправлялись туда же, куда ранее они же сами отправили законных владельцев жилплощади.

Душа Макаренко скучала по практической работе с детьми, и ему удалось уговорить начальство разрешить ему по совместительству, с октября 1936 г. по январь 1937 г., руководить «педагогической частью» в колонии № 5 в Броварах, под Киевом.

Осветим ещё один эпизод из жизни Макаренко, который долгие годы был покрыт домыслами. 5 сентября 1936 г. на торжественном

собрании по случаю выпуска коммунаров А. С. Макаренко, тогда уже не работавший в коммуне, в своей приветственной речи выразился буквально следующим образом: «Все мы работаем под руководством партии и тов. Сталина, и если т. Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть (имелся в виду, по видимому, уже преследуемый к тому времени Н. И. Бухарин. – В. П.) поведёт нас по правильной дороге, то всё же надо идти за тов. Сталиным».

В тот же день секретарь парткома коммуны по фамилии Н. А. Огий-Чернуха направил секретарю парткома НКВД УССР Я. К. Крауклису письмо под грифом «совершенно секретно», в котором сообщил о случившемся, сделав упор на то, что зав. колонией В. С. Берман тут же взял слово и «внёс ясность в данный вопрос», в то время как т. Макаренко не взял слова для исправления допущенной им политической ошибки и «тотчас уехал». На письме адресат поставил резолюцию: «Резолюция не донос, тов. Стрижевскому: как только Кандыба сядет в ОТК. Мы через некоторое время Макаренко удалим. Я не верю ему ни на грош. Это враг. 13.09.36 г.» [74, с. 164].

Нарком внутренних дел Украины В. А. Балицкий не дал хода доносу Огия-Чернухи на Макаренко и, тем самым, спас последнего от ареста и возможного расстрела. Самому же Балицкому это впоследствии было поставлено в вину [14, с. 396].

История с выступлением Макаренко получила своё продолжение. В коммунарской газете-многотиражке «Дзержинец» (№ 33 от 13. 9. 1936 г.) Н. А. Огий-Чернуха в статье «Бдительность всегда и везде» заявил: «Выступление А. С. Макаренко на выпускном вечере коммунаров является, по существу, классово-враждебным, контрреволюционным».

5 октября в той же газете тот же автор снова возвращается к этому случаю. В статье «Ошибка не случайного характера» он пишет: «И в своём выступлении на вечере выпускников, и в заявлении, которое т. Макаренко подал в партийный комитет, красной нитью проходит недооценка т. Макаренко роли партии, советской власти, комсомола в деле воспитания нашей молодежи, всюду выпячивается его собственное я» [2, с. 75].

В заявлении Макаренко писал: «Я ведь говорил только о будущем. В том числе о далёком будущем и хотел только одного, чтобы у моих воспитанников никакая вздорная мысль об ошибках партии не могла появиться». На самом деле он пропагандирует возможность ошибок ленинско-сталинской партии, правда, в «далёком будущем». И дальше... развивает мысль о возможности безошибочности троцкистско-зиновьевской банды» [2, с. 75].

Только счастливой случайностью можно объяснить то обстоятельство, что заготовленные на арест Макаренко украинскими чекистами два ордера так и не были использованы.

Кстати, ненавидимый детьми упомянутый выше Вениамин Берман недолго руководил коммуной. Во время его очередного запоя группа мальчишек решила проучить незадачливого «педагога»: вытащила у него из кармана партбилет и отправила его «по назначению»...

1.5. Писатель А. С. Макаренко

Будучи лишённым возможности отдаться полностью любимому делу – воспитанию детей, А. С. Макаренко обратился к писательской работе, к которой всегда имел особое тяготение. Тем более, что начало писательству было положено ещё в молодые годы.

Духовными кумирами А. С. Макаренко всю жизнь были А. П. Чехов и А. М. Горький. А. С. Макаренко рано почувствовал в себе потребность в изложении на бумаге своих педагогических взглядов.

В годы работы в Крюковской школе, в 1914 г. он написал свой первый рассказ под названием «Глупый день», в котором описал свои собственные ощущения отвергнутого влюблённого, и послал его А. М. Горькому. Писатель ответил примерно так: «Если можешь не писать – не пиши».

После этого конфуза Макаренко в течение тринадцати лет не предпринимал новых попыток заниматься литературной работой. При этом он постоянно вёл записные книжки, в которых самым подробным образом описывал свои ощущения и впечатления от педагогической работы.

Новым толчком к занятию писательством стала переписка с А. М. Горьким, которая продолжалась с 1925 года вплоть до самой смерти «буревестника революции».

Посещение Горьким колонии его имени в июле 1928 г. дало новый стимул Антону Семёновичу для того, чтобы перенести на бумагу свой богатейший педагогический опыт. «Поразительно удачный эксперимент», – так охарактеризовал пролетарский писатель то, что он увидел в Куряже.

А. М. Горький отмечал позднее в сборнике «По Союзу Советов», в очерке, посвящённом колонии, особый дар А. С. Макаренко характеризовать каждого колониста, как бы делая «моментальный фотографический снимок с его характера».

Горький и Макаренко подружились. Горький помогал Макаренко в бытовых делах, – чего стоит одно включение Макаренко в жилищный писательский кооператив!

А. М. Горький давал необходимые рецензии и рекомендательные письма в редакции и издательства, оказывал активное содействие лично и через своего секретаря Петра Петровича Крючкова в публикации «Педагогической поэмы» и ряда других произведений Макаренко.

С благословения и по рекомендации А. М. Горького Антон Семёнович публиковал свои произведения как в периодической прессе, так и в солидных столичных издательствах.

Важным побудительным мотивом для написания первого крупного литературного произведения, – повести «Марш 30 года», – стали героические годы первой советской пятилетки. Вместе со всей страной развивалась и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского. С июня 1930 г. коммуна перешла на полную самокупаемость.

В 1929 и 1930 гг. коммунары предприняли два длительных летних похода, – в Москву и Ялту. При этом они проявили высокую дисциплинированность и организованность. Производственные и педагогические успехи Макаренко стремился отразить в литературных произведениях.

По возвращении из похода 1930 г. Макаренко пишет свою первую книгу, которую он назвал «Марш 30 года». Слово «*марш*» наглядно и образно отображает состояние, в котором находился весь коллектив коммуны, – он был «на марше» в своём движении вперед, к новым производственным и воспитательным успехам!

Книга составлена из серии очерков, которые объединены общей сюжетной линией и основными персонажами. Автор стремился документально точно передать все существенные моменты жизни коммуны, показать внутренние коллизии и внешние факторы, которые определяли её жизнь.

Уже эта первая крупная литературная работа положила начало такому неприятному для Макаренко явлению, которое сопровождало выход каждого его большого произведения, как *недоверие* части литературных сотрудников издательств и некоторых педагогов, которые выражали сомнение в том, что всё, о чём писал Антон Семёнович, в полной мере соответствует действительности. Некоторые недоброжелатели называли его «сказочником», а его воспитанников – «мальчиками в сладком сиропе».

В конце 1930 г. автор отправил рукопись в государственное издательство «Художественная литература» (ГИХЛ), где она была опубликована в 1932 г. А. М. Горький откликнулся на выход книги тёплым письмом к автору: «Дорогой Антон Семёнович! Вчера прочитал Вашу книгу «Марш 30 года». Читал с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немного напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там...» [18, с. 353].

Замечание Горького относительно Куряжа весьма примечательно, *ведь там уже не было Макаренко*, и колония очень быстро пришла в «первобытное» состояние, стала одной из многих, ничем не примечательных детских учреждений подобного типа. Более того, Антон Семёнович никогда более не посещал колонию, созданию которой он отдал столько сил.

В том же 1932 году А. С. Макаренко пишет свою вторую повесть, – «ФД-1», которая является, по существу, фактическим продолжением «Марша 30 года». И это произведение также написано в жанре серии очерков. Он продолжил здесь рассказ о коммуне и её делах: «Марш 30 года» заканчивается возвращением коммунаров из крымского похода, а «ФД-1» с этого эпизода начинается.

Весной 1931 г. в коммуне началось строительство завода электроинструментов. Летом коммунары совершили ещё один, двухмесячный (!) поход на Кавказ, а затем, осенью приняли активное участие в завершении строительства производственного корпуса завода, а также учебных и бытовых помещений.

Битва за освоение совершенно нового для СССР производства электродрелей (сверлилок, как говорили тогда) по лицензии американской фирмы «Black&Decker» составляет основное содержание повести. Само название повести, – «ФД-1», означает, – «Феликс Дзержинский, модель №1». (Имеется в виду модель дрели, или говоря современным языком – перфоратора).

Макаренко предложил рукопись государственному издательству «Художественная литература» (далее – ГИХЛ), но судьба этой повести оказалась не столь удачной. В ГИХЛе, по всей вероятности, решили, что хватит с Макаренко и одной выпущенной «сказки». В итоге, рукопись пролежала в издательстве несколько лет, и большая часть её

текста была навсегда утрачена. Лишь в 1950 г. сохранившаяся часть повести была впервые опубликована, и в дальнейшем неизменно включалась в собрания сочинений и другие издания.

В книге отчетливо просматривается идея о дисциплинировании детей посредством полезной организованной деятельности. Автор подробно останавливается на идее о том, что словесное воспитание без сопровождающей *гимнастики поведения* есть самое преступное вредительство.

Стилистически первые две повести Макаренко очень схожи между собой. Обе очень интересны, наполнены массой любопытных деталей, которые характеризуют и воспитательную систему Макаренко, и отражают социальные и культурные реалии советского общества того времени. Это и педагогический памятник, и памятник эпохе в целом.

Хорошо известно, какие тесные связи были у коммуны с местным театром. Коммунары ходили на спектакли по специально разработанному графику. С тем, чтобы все без исключения коммунары могли посмотреть весь репертуар. Так что театральная жизнь была близка педагогу Макаренко.

Несложно представить, что *писателю* Макаренко хотелось попробовать свои творческие силы и в драматургическом жанре. Пьеса «Мажор», содержание которой составила, естественно, жизнь коммуны, была закончена им в конце 1932 г. или в начале 1933 г.

Рукопись первого варианта пьесы была украдена в поезде по дороге в Новороссийск во время путешествия коммунаров в 1933 г. Об обстоятельствах этого происшествия сам автор с юмором поведал в рассказе «Случай в походе».

Осенью 1933 г. Макаренко написал пьесу фактически заново и представил ее на всесоюзный конкурс под псевдонимом *Андрей Гальченко*. Жюри конкурса работу одобрило. В отзыве отмечалось, что пьеса знакомит с жизнью Харьковской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

В пьесе показано, как вчерашние беспризорники становятся подлинными новыми людьми нашего времени, и позитивно влияют на скептически настроенных инженеров коммуны, заражая их своим энтузиазмом.

Положительная рецензия воодушевила автора, и он решился отправить рукопись Горькому. Заручившись поддержкой Алексея Максимовича, Макаренко передал пьесу на рассмотрение в Московский

художественный академический театр. Однако там, в заповеднике русской классической пьесы, тема перевоспитания беспризорников средствами производительного труда не нашла должного понимания, на которое рассчитывал автор.

В Харьковском театре русской драмы как раз были готовы взять пьесу, но Макаренко стремился сходу покорить «театральный Эверест», то есть МХАТ, а в итоге, остался ни с чем. В итоге, пьеса так и не была поставлена ни одним театром.

Это, однако, вовсе не означает, что она слаба в драматургическом смысле. Более того, в ней нельзя не увидеть своего рода квинтэссенцию всех последующих крупных работ Макаренко. Пьеса рассказывает о периоде постройки и освоения завода электроинструментов. Одни персонажи имеют прототипы в жизни, другие – носят синтетический характер. Автор вводит в ткань пьесы двух инженеров, – Воргунова и Григорьева. Говоря словами автора, их «жизненные позы» в ходе событий изменяются. Первый – проникается новой, коммунистической идеологией, другой – разоблачает себя как враг народа...

Невольно запоминаются реплики-афоризмы из пьесы, такие как «Жизнь должна быть лучше книжки», «Человек всегда сначала не умеет» и т.д.

Работа над самым известным трудом – «Педагогической поэмой» – заняла у А. С. Макаренко в общей сложности десять лет (1925–1935). При этом, разумеется, он писал урывками, главным образом ночью, в немногие свободные минуты и часы, не прерывая ни на день практической работы в колонии и коммуне.

Основное содержание «Педагогической поэмы» составляет период работы Макаренко в колонии им. М. Горького. Не случайно, рукопись практически до самого конца работы над ней имела название «Горьковцы».

Одновременно Макаренко писал «Марш 30 года», «ФД-1» и «Мажор», в которых речь шла уже о коммунарском периоде.

В это время А. М. Горький стал инициатором выхода в свет литературного ежегодника, который ежегодно изменял своё название в зависимости от количества лет, прошедших с Октября 1917 г. Так, первая часть «Педагогической поэмы» печаталась в номере «Год XVII», а вторая и третья – в номере, который назывался уже «Год XVIII». Журнал был чрезвычайно популярным. Он был призван заменить дореволюционную «Ниву», и стал предшественником «толстых» журналов, выходивших впоследствии, таких как «Октябрь», «Нева», «Аврора», «Новый мир» и др.

Выходу в свет книги предшествовала интенсивная переписка автора с Горьким. В одном из писем А. С. Макаренко характеризует свою «педагогическую веру». Он подчеркивает диалектизм педагогики; это означает, что не может быть установлено никаких «абсолютно правильных» педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным. Главным и даже единственным инструментом воспитания Макаренко называет живой трудовой коллектив. Вот почему главные усилия организатора должны быть направлены на его создание и сбережение.

В первой части, отмечает Макаренко, им показан процесс первоначального создания коллектива из людей «заблудших и отсталых». Изобразить этот процесс, справедливо считал Макаренко, ему удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой, и создавать его могут только настоящие живые люди, которые в своём трудовом напряжении и сами переделываются.

Во второй части «поэмы» Макаренко сознательно не ставил перед собой темы переделки человека. Он считал, что переделка одного, отдельного взятого человека, обособленного индивида, является темой второстепенной для современной советской педагогики, поскольку сейчас нужно заниматься *массовым* новым воспитанием. Поэтому в центр повествования автор поставил коллектив и диалектику его развития.

В письме Горькому от 18 сентября 1934 г. Макаренко пишет о необходимости изобразить в третьей части «сопротивление отдельных лиц в НКП»; во второй части у него изображены, как он выражается, «только первые предчувствия, первые дыхания борьбы». «Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже» [58, с. 363].

Одновременно с этим, в третьей части Макаренко ставил задачу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием». И это «почкование», как известно, было с блеском осуществлено педагогом на практике; мы имеем в виду переход Макаренко из колонии в коммуну вместе с группой «надёжных горьковцев». В своей книге Макаренко показал путь развития детской личности, основанный на принципах «положительной» активности ребёнка, гуманизма, уважения и доверия к растущему человеку. Со страниц произведения встают живые типы воспитанников с их сложными судьбами и непростыми характерами, образы педагогов и, прежде всего, самого Макаренко.

«Педагогическая поэма» успешно прошла самую беспристрастную проверку, – проверку временем. В ней гармонично сошлись новизна, и в чём-то даже экзотичность материала, живость письма, глубина и богатство её идейного содержания. Книга вызвала живой интерес читающей публики. Новые издания следовали одно за другим.

По идеологическим соображениям в разные годы из текста вырезались отдельные страницы, что было связано с политической обстановкой в стране в разные годы и десятилетия Советской власти.

Первое полное издание книги вышло, – только представьте! – в 2003 г. Научным редактором, составителем автором примечаний выступила известный исследователь, доктор педагогических наук, профессор Светлана Сергеевна Невская.

Этот вариант «Педагогической поэмы» появился в сети интернет в 2010 г. Десятки раз книга издавалась за границей, причём не только в странах народной демократии, что вполне естественно, но и в капиталистических странах: в ФРГ, Японии и т.д.

«Педагогическая поэма» переведено практически на все языки мира и, по данным ЮНЕСКО, занимает почётное шестое место по тиражам среди всех книг. Не будет преувеличением утверждать, что А. С. Макаренко благодаря этой книге вошёл в число самых издаваемых за границей российских авторов, наряду с Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, А. И. Солженицыным и М. А. Шолоховым.

Автор данной монографии неоднократно в разные годы общался за границей с зарубежными единомышленниками, – учёными и практиками, и при этом каждый раз с удовлетворением отмечал, что им известно имя Макаренко и название его главного труда. Вот только некоторые из них до сих пор представляют себе систему образования в современной России такой, какой её описал Макаренко без малого сто лет тому назад.

Это по-настоящему уникальное и неповторимое художественное произведение принесло автору всемирную известность. «Педагогическая поэма», по существу, ознаменовала собой новый этап педагогики. Именно «Педагогическая поэма» до настоящего времени является самым читаемым, популярным и известным педагогическим сочинением, причём не только в нашей стране, но и во всём мире.

Да, мы, разумеется, отдаём должное великим трудам Коменского, Песталоцци, Дистервега, Руссо и других всемирно известных педагогов. Вместе с тем, мы прекрасно понимаем и то, что рядовой, массовый читатель едва ли возьмёт в руки книги этих корифеев педагогики.

А вот книги А. С. Макаренко предназначены не только и не столько для углубленного изучения специалистами в области педагогики, сколько для прочтения их людьми, даже далёкими от этой сферы, для чтения «просто так», для себя; для того, чтобы получить интеллектуальное удовольствие...

Однако слава именно *педагогической* книги, как это ни покажется странным, скорее, вредит «Педагогической поэме», нежели помогает ей обрести новых читателей. Объясняется это тем, что в отечественной читательской практике издавна сложилось крайне стойкое предубеждение против какой бы то ни было педагогической литературы.

Ни для кого не является секретом тот прискорбный факт, что «властители педагогических дум», т.е. авторы бесчисленных монографий по педагогике в массе своей никогда не работали с детьми, или если даже и работали, то очень давно. Их книги зачастую представляют собой набор общеизвестных истин, пересказывание чужих мнений, «пережёвывание» само собой разумеющегося, «переливание из пустого в порожнее» и т. п.

Едва ли не на каждой странице встречаются выражения типа «Сластёнин сказал...», «Краевский отметил...», «Загвязинский подтвердил...», «Бабанский утверждал...» и т. п. А где же своё собственное мнение так называемого «автора»? А что своего вносит такой «автор» в педагогическую мысль? Искать ответы на эти вопросы бывает, чаще всего, бесполезно...

Массив современной педагогической литературы остаётся невостребованным теми, кому он, по замыслу, предназначен. Главная причина сложившегося положения, что называется, «лежит на поверхности».

Не секрет, что работники вузов должны регулярно «выдавать» так называемую «научную продукцию», т.е. печататься в журналах, сборниках научных статей, издавать монографии. При этом никого не волнует, а есть ли у них для этого элементарные литературные способности. Ведь далеко не каждый педагог, даже будучи прекрасным оратором или методистом, ими располагает.

У каждого специалиста есть свои сильные и слабые стороны. Взять того же Горького, который, мягко говоря, не отличался красноречием, и в ответ на просьбу выступить перед аудиторией, нередко говорил: «Я вам лучше напишу»...

Если в «Педагогической поэме» тема «перековки» занимала одно из главных мест, то в повести «Флаги на башне», – тема иная. Её точно определил сам писатель: «...Счастливый детский коллектив,

свободный от антагонизмов и настолько могучий, что любой ребёнок, в том числе и правонарушитель, легко и быстро занимает правильную позицию в коллективе».

Однако мощная воспитательная сила коллектива не исключает, конечно, и возможности возникновения весьма напряжённых ситуаций, особенно в тех случаях, когда в коллектив приходят люди с улицы.

Именно на этом и строится сюжет повести. В отличие от «Педагогической поэмы» повествование здесь ведётся в третьем лице. Это дало возможность автору с исчерпывающей полнотой показать процесс формирования характеров колонистов, раскрыть их внутренний духовный мир, показать неразрывную связь каждого ребёнка с коллективом своих сверстников.

Образы Игоря Чернявина, Вани Гальченко, Рыжикова, Ванды и других персонажей, в основном, синтетичны, но многие герои книги, имели, конечно, прототипы в лице реальных воспитанников. Так, например, Алеша Зырянский имел прототип в лице реального воспитанника Макаренко А. Н. Землянского. Да и сам Антон Семёнович выведен в образе Захарова.

Книга наполнена живыми образами, ситуациями и событиями, поэтому неудивительно, что повесть была экранизирована в 1959 г. Роль начальника колонии Алексея Степановича Захарова сыграл, как и в ранее вышедшем на экраны художественном фильме «Педагогическая поэма» (1955), замечательный киноактёр Владимир Николаевич Емельянов.

А. С. Макаренко писал «Флаги на башнях» в первой половине 1938 г. в Москве и в Крыму, причём работа продвигалась очень быстро. Автор торопился, словно предчувствуя свою скорую кончину. Повесть была опубликована в том же 1938 г. в 6, 7 и 8-м номерах журнала «Красная новь». Для отдельного издания автор закончил подготовку повести 30 марта 1939 г., то есть за два дня до смерти. Книга была подписана к печати в ГИХЛ 8 июля 1939 г., и через два месяца вышла в свет.

А. С. Макаренко вёл на московском радио авторскую передачу для родителей. Поэтому в некоторых современных публикациях можно встретить утверждение о том, что именно это подвигло его на создание замечательного произведения, – «Книги для родителей».

В действительности он приступил к работе над книгой ещё в середине 1936 г., работая в Киеве. Особенно плодотворно работалось Макаренко летом 1937 г., когда он на месяц поселился на отдых в се-

ле Дубечня, расположенном на берегах «зачарованной Десны». (Выражение кинорежиссера А. П. Довженко. Так он назвал один из своих фильмов). Кстати, на Десне провёл свое детство другой великий педагог К. Д. Ушинский.

Первоначальный вариант писатель отправил редактору альманаха «Год XIX» Петру Павленко. А. М. Горький незадолго до этого скончался. Павленко в своём письме от 24 ноября 1936 г., в частности, писал: «Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит «Педагогическую поэму», – произведение редкое по правдивости, но всё же написанное на «частную» тему. А «Книга для родителей» это то, чего ещё никогда не было в литературе... Когда трудно, вспоминайте старика Алексея Максимовича. Будь он жив, он бы уже потирал руки от удовольствия увидеть скоро «Кн. для род.» [15, с. 529–530].

«Книга для родителей», которую автор определил, как «художественно-теоретическое сочинение», вышла в 1937 г. в четырёх номерах (№№ 7–10) журнала «Красная новь» и в ГИХЛ отдельным изданием. Она имела ошеломляющий успех. В СССР, вероятно, не было периодического издания, которое бы не писало о книге, не напечатало хотя бы небольшой отрывок из неё.

Это единственное произведение Макаренко, которое написано им в творческом содружестве с Г. С. Макаренко. Из скромности Галина Стахиевна всегда настаивала на том, чтобы её имя не ставилось на обложке.

Любопытно, что в документах реформы общеобразовательной и профессиональной школы, принятых в 1984 году, отдельной строкой записано изучение «Книги для родителей» А. С. Макаренко одной из задач реформы. Причём это вообще единственное педагогическое сочинение, единственная книга, которая упоминается в этих документах.

В 1937 г. увидели свет «Лекции о воспитании детей». Это были литературно обработанные радиолекции Макаренко. Названия глав книги дают представление о содержании книги: «Общие условия семейного воспитания», «О родительском авторитете», «Игра», «Семейное хозяйство», «Дисциплина», «Воспитание в труде», «Половое воспитание», «Воспитание культурных навыков».

«Книга для родителей» и «Лекции о воспитании детей» положили начало целому направлению в отечественной педагогической литературе. Издательство АПН РСФСР, «Учпедгиз» и «Знание», а также некоторые другие стали издавать научно-популярные книги, предназначенные не только для профессиональных воспитателей, а и для родителей.

Огромное значение для отечественной педагогической науки имели такие работы А. С. Макаренко, как «Методика организации воспитательного процесса», «Проблемы школьного советского воспитания», «Некоторые выводы из педагогического опыта», многочисленные публицистические статьи и заметки, рассказы и очерки. Они на долгие годы определили основное направление развития советской педагогики, и не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени.

Повесть «Честь» является единственным крупным произведением Макаренко, прямо не посвящённым воспитательной тематике. Над ней автор работал в 1937–1938 гг. Впервые повесть вышла в 1938 г. в журнале «Октябрь». В её основу положены воспоминания Антона Семёновича о годах детства и юности, и, в целом, книга имеет автобиографический характер.

Действие разворачивается в последние предреволюционные и первые советские годы в небольшом городке, в котором безошибочно угадывается посад Крюков. В центр своего повествования автор ставит проблему гражданского выбора, который должен был сделать в те годы каждый взрослеющий юноша, сохранив при этом свою честь.

Сам писатель считал это произведение слабым, неудавшимся. Надо полагать, что, давая такую беспощадную оценку этой повести, А. С. Макаренко исходил из неких максималистских критериев. На наш взгляд, повесть «Честь» ничуть не хуже *лучших* произведений авторов того периода, таких как Л. Сейфулина, Ю. Крымов, А. Фадеев, П. Павленко и др. Разумеется, если сравнивать её с «Педагогической поэмой» и «Флагами на башнях», то – да, это не шедевр. Но эти главные художественно-педагогические произведения Макаренко вообще не с чем сравнивать, – *они недостижимы*, – даже если брать в расчёт не только отечественную, но и мировую педагогику!

Литературное наследие Макаренко обширно и многогранно. Многие его работы выходили отдельными изданиями, в составе педагогических однотомников и двухтомников.

В 1950-е годы дважды выходили собрания сочинений в 7 томах; при этом второе издание полностью копировало первое. В 1983–1986 гг. вышло собрание в 8 томах. Лаборатория «Макаренко-реферат» (руководитель Гётц Хиллиг), работающая при Марбургском университете (ФРГ), издала семитомное собрание сочинений, причём в левой части каждого разворота страниц представлен оригинал текста или его машинописная копия, а справа – перевод текста на немецком языке.

Уже в ХХI в. научно-исследовательская лаборатория «Педагогика А. С. Макаренко» (А. А. Фролов, Г. Н. Козлова, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксёнов) при Нижегородском государственном педагогическом университете выпустила 9 больших по объёму томов произведений Макаренко, которые либо не включались ранее в собрания его сочинений, либо были опубликованы здесь впервые без купюр и искажений.

Всё это позволяет более полно представить педагогические идеи великого педагога и оценить масштаб его практической работы. Интерес к творчеству Макаренко продолжает расти и сейчас.

I.VI. «Прощай, отец...»

В феврале 1937 г. А. С. Макаренко с женой перебрался на постоянное место жительства в Москву. Благодаря содействию А. М. Горького Антону Семёновичу удалось ещё ранее вступить в первый жилищный кооператив Союза писателей СССР. Через Лёву Салько, который к тому времени стал студентом Московского авиационного института, передавались взносы на строительство квартиры.

Жилищные кооперативы в то время были огромной редкостью. Достаточно сказать, что фамилию председателя первого в СССР кооператива, – Сокол, – до сих пор носит одна из станций столичного метро. Так что вплоть до заселения в ставший впоследствии знаменитым писательский дом в Лаврушинском переулке, который уютно расположен прямо напротив исторического здания Третьяковской галереи, Антон Семёнович не мог поверить своему счастью. В одном из писем к Лёве он даже писал, что «в Лаврушинский я верю не более как на 20%» [5, с. 175].

Поначалу А. С. Макаренко надеялся, что в столице ему удастся продолжить свою практическую педагогическую работу в детской колонии или в обычной общеобразовательной школе, но вскоре эти надежды развеялись как дым. Что же произошло?

Со слов действительного члена АПН СССР Э. И. Моносзона, который в 1930-е гг. был молодым сотрудником НКП РСФСР, нам известно, что по инициативе профкома НКП Моносзону было поручено пригласить Макаренко для чтения авторских лекций на тему «Проблемы школьного советского воспитания». Наркомом был тогда П. А. Тюркин, но руководство НКП как бы дистанцировалось от этой инициативы; дескать, это инициатива снизу, и за последствия мы не отвечаем. В январе 1938 г. Макаренко прочитал четыре лекции в

НКП. Рядовые сотрудники благожелательно встретили эти лекции, как, впрочем, и его известные статьи в «Правде», «Известиях» и других центральных периодических изданиях, не говоря уже об изданных к тому времени крупных произведениях.

А вот «верхушка» НКП, пресловутый «педагогический Олимп», против которого так упорно сражался Антон Семёнович, дала нагоняй ... инициатору проведения этих лекций. «Что это за педагогику ты пропагандируешь с помощью Макаренко?!», – ставилось в упрёк Монозону [77, с. 58].

На «без вины виноватого» Монозона посыпались обвинения за сам факт приглашения в наркомат почти опального педагога. Как вспоминал Эле Исаевич в разговоре с автором данной монографии, он был рад уже тому, что ему удалось отделаться строгим выговором по партийной линии.

Впоследствии «строгач» был аннулирован. Но любимую работу Эле Исаевичу пришлось-таки покинуть. Благодаря заступничеству Н. К. Крупской и зав. Московским горно Антонины Дмитриевны Сергеевой Монозона удалось пристроить на скромную должность инспектора по «испанским детям». (Кстати, А. Д. Сергеева едва не отметила свой столетний юбилей; она скончалась в 1987 г., в один год с Э. И. Монозоном, будучи на два десятка лет моложе его). Н. К. Крупская отказалась встречаться с Макаренко, даже тогда, когда он выступал в здании Наркомпроса на Чистых Прудах, где находился кабинет самой Надежды Константиновны. Впрочем, возможно, её не было в то время в Москве.

Вообще, Антону Семёновичу постоянно ставили в упрёк то, что его «система», дескать, приносит положительный педагогический результат лишь в «колониально-коммунарских» условиях, а вот к обычным общеобразовательным школам неприменима. Макаренко, естественно, стремился развеять эти предубеждения. Летом 1938 года он обратился с просьбой в Мосгорно о выделении школы для продолжения им и его последователями своего педагогического эксперимента в обычных школьных условиях.

Э. И. Монозон, тогда ещё зам. начальника управления начальных школ НКП, вспоминал: «Зам наркома по вопросам школы А. С. Лихачёв поручил начальнику управления средних школ В. М. Михайлову, его заместителю Ф. В. Гормонову и мне встретиться с ним» [33, с. 158].

Макаренко был приглашён в НКП, где дважды встречался с указанными чиновниками. По словам Э. И. Монозона, Макаренко в раз-

говоре с ними весьма критически высказывался о состоянии советского школьного воспитания.

Вместе с тем, он предложил разработанные и проверенные на опыте спецучреждений основы воспитания применить в массовой школе. Однако руководство НКП на это не пошло [102, с. 51].

Г. С. Макаренко рассказывала, что Макаренко писал заявление на имя Тюркина; просил, чтобы ему выделили школу в Сокольниках, где он мог бы в качестве директора проводить экспериментальную работу.

Но этот его запрос остался безрезультатным (в записи Виктора Ефимовича Гмурмана) [102, с. 107]. Вторично Макаренко обращался в НКП в феврале-марте 1939 г. просил школу, был увлечен этим. «Но нам было жаль его», делился своими воспоминаниями Э. И. Монозон [102, с. 107].

Эле Исаевич не мог не видеть того, что Макаренко до крайности измучен текущими делами; он плохо выглядел... Одна за другой выходили его книги. Он был нарасхват в среде учителей, и едва успевал на встречи с ними. Жить ему оставалось всего несколько дней...

А. С. Макаренко произвёл на Монозона впечатление сильной личности, страстно убеждённой в правильности испытанных им на практике принципов воспитания в коллективной, трудовой деятельности. Он с сарказмом, безжалостно высмеивал любителей пресловутой «парной» педагогики.

В 1983 г. автор данной монографии был одним из собеседников В. Е. Гмурмана, который рассказывал свои личные впечатления о Макаренко примерно теми же словами, что и Э. И. Монозон.

Прекрасно понимая значение индивидуального влияния воспитателя на личность каждого отдельно взятого воспитанника, он справедливо полагал, что этот подход должен инструментоваться через взаимодействие детей в коллективе, опосредованно, путём применения метода «параллельного действия» [79, с. 107].

В журнале «Народное образование» был опубликован диалог двух видных учёных-макаренковедов: Гётца Хиллига, руководителя лаборатории «Макаренко-реферат» при Марбургском университете (Германия), выпустившего собрание сочинений Макаренко, и Валентина Васильевича Кумарина, доктора педагогических наук, профессора.

Приведём несколько выдержек из этого содержательного диалога, а именно тех фрагментов, которые имеют отношение к Монозону и Макаренко.

«...Г. Хиллиг: «А что говорили о Макаренко другие современники, с которыми он был знаком? Монозон, например».

В. В. Кумарин: «Моносзон был очень умный и достаточно принципиальный человек. Он мне рассказывал, как в январе 1938 г. он организовал в НКП цикл лекций Антона Семёновича».

Г. Хиллиг: «Он рассказывал тебе, как он познакомился с Макаренко?»

В. В. Кумарин: «Моносзон пригласил его через союз писателей. Макаренко выступал в газетах против НКП, и Моносзон решил вблизи посмотреть на этого бунтаря».

Г. Хиллиг: «У Моносзона было какое-то мнение о характере Макаренко?»

В. В. Кумарин: «Я не раз его спрашивал об этом. И он говорил всегда одно и то же: «Тяжёлый был характер. Никому и ни в чём не уступал. Даже по пустякам. Никогда не улыбался. Когда говорил, то казалось, что он специально разбивает нашу веру в пух и прах. Это раздражало, подумаешь, явился мессия. Но он гнул своё...». Бубнов Макаренко поддерживал, но Н. К. Крупская не воспринимала его на дух. «Дамсоцвос» шёл по всей стране от неё. Макаренко это знал, но идти против вдовы В. И. Ленина не боялся».

Г. Хиллиг: «Ты говорил, что у Моносзона из-за этих лекций были неприятности?»

В. В. Кумарин: «Он на год был исключён из партии. «Что за педагогику ты нам рекомендуешь?» И продолжали в том же духе, что она не имеет ничего общего с марксистско-ленинской теорией» [8, с. 118].

Самому Макаренко было ясно, что вернуться к любимому делу ему уже не позволят. И он посвящает себя написанию книг Тем не менее, он продолжал своими выступлениями перед педагогической общественностью участвовать в дискуссиях о будущем советского образования и педагогики.

В 1937 г. он несколько раз встречался с заведующим кафедрой педагогики МГУ, а в будущем – министром просвещения РСФСР и президентом АПН СССР Иваном Андреевичем Каириным.

А. С. Макаренко так вспоминал об этих встречах: «Меня пригласили профессора помочь им написать учебник. Я ответил согласием, но при условии... Будем мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал: «Пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, жизнь вас перегонит, и, в результате, вы напишете педагогику ... вчерашнего дня». Как свидетельствовал Каиринов, расхождение возникло по проблеме воспитания [25].

В последние недели жизни у А. С. Макаренко было несколько важных встреч. И на каждой из них он стремился донести до слуша-

телей свои взгляды на состояние воспитания в советской школе. Так, 8 февраля на встрече с учителями во Фрунзенском районе дома учителя он отмечал, что нельзя в воспитании ориентироваться на «учителя-одиночку». Воспитание, понимаемое как «парный процесс» (учитель-ученик)...

13 февраля творческий вечер в московском клубе писателей. В поддержку Макаренко выступили писательница Анна Караваева, поэт Юрий Либединский, педагог Виктор Колбановский, сценарист Маргарита Барская, театральные режиссёры Николай Петров и другие видные представители тогдашней творческой интеллигенции.

Последние выступления Макаренко состоялись в Харьковском педагогическом институте (9 марта) и на совещании учителей железнодорожных школ Московско-Ярославской железной дороги (29 марта). Эти выступления, так же как и выступления на радио, были для Макаренко своего рода отдушиной. Но главным делом в этот, последний период его жизни, они быть, конечно, не могли.

В последние месяцы жизни Макаренко работал над сценарием к фильму «Флаги на башнях» в соавторстве с Маргаритой Александровной Барской (1903–1939), но руководство киностудии имени А. М. Горького отказалось ставить фильм по их сценарию, поскольку Барская была любовницей неожиданно впавшего в опалу журналиста Карла Радека. Она погибла 23 июля 1939 г., вскоре после смерти Макаренко, по официальной версии, выбросившись из окна.

1939 год начался для Антона Семёновича успешно. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.01.1939 г. он, в числе ряда других писателей, был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В 1938 г. он был избран в редакционный совет издательства «Советский писатель». Макаренко был членом союза советских писателей со дня его основания, с 1 июня 1934 г. Его членский билет – № 583. О том, что он принят в Союз, Макаренко узнал из «Литературной газеты». Но, так сказать, для большей достоверности он пишет 14 июня письмо А. М. Горькому: «Я так не верю в это счастье, что боюсь страшного разочарования. Недавно жена была в Москве, но я ей прямо запретить заходить в ССП (союз советских писателей – В. П.), а вдруг скажут: «Н-нет... это другой товарищ» [4, с. 244]. (Кстати, в этом же письме Макаренко выразил Алексею Максимовичу соболезнование в связи с недавней смертью его совсем ещё молодого сына Максима).

А. С. Макаренко был избран в правление Дома советского писателя, стал членом бюро секции прозаиков союза советских писателей. Председателем правления Союза был А. М. Горький.

Лишь в феврале 1939 г. А. С. Макаренко подал заявление о принятии его кандидатом в члены ВКП(б). Любопытно, что рекомендацию о приёме в партию ему дал его бывший воспитанник И. П. Сопин, который выведен в макаренковских произведениях как дезорганизатор и бузотёр. 16 марта на заседании парткома Союза советских писателей он был принят кандидатом в члены ВКП(б).

В начале марта Макаренко в Харькове встречается с бывшими воспитанниками Джуриной, Волченко, Тулецкой, Борискиной, Оноприем и др.

Скажем несколько слов о Полине Ефимовне Джуриной. Она была коммунарой в 1930–1935 гг. Окончила Харьковский университет, работала в школе №82 г. Харькова. Затем эвакуация. Младший научный сотрудник АН Казахской ССР, ответственный секретарь совета Педагогического общества Казахской ССР. Её сын Александр Наумович Джуриной, известный учёный в области истории педагогики [7, с. 324].

Как оказалось, в последний раз обнялся Макаренко в Харькове со своим верным соратником Татариновым («Киргизовым»), – он в это время работал на «коммунарском» заводе. Антона Семёновича приглашают в гости харьковские студенты, и он выступает 9 марта в пединституте. Кстати, Олимпиада Макаренко поступила в этот институт в 1938 г.

В середине марта 1939 г. Макаренко вместе с женой отправился в подмосковный дом отдыха литфонда «Писатель», расположенный в районе станции Голицыно, в 40 км от Белорусского вокзала Москвы. Ранее этот небольшой двухэтажный дом принадлежал знаменитому театральному антрепренёру, драматургу, переводчику и адвокату Фёдору Адамовичу Коршу.

В 1932 г. дом был передан союзу писателей. Здесь в разные годы отдыхали и создавали свои произведения М. И. Алигер, К. Г. Паустовский, М. С. Шагинян, А. Г. Малышкин, А. П. Гайдар, Муса Джалиль, Мате Залка, К. А. Тренёв, А. А. Фадеев, А. Т. Твардовский, В. П. Катаев, Э. Г. Казакевич, А. И. Куприн и другие «властители дум» и «инженеры человеческих душ».

Более тридцати лет бессменным директором дома творчества была Серафима Ивановна Фонская, написавшая книгу «Дом в Голицыне», в которой рассказала о жизни тех писателей, с которыми ей пришлось здесь познакомиться. (Кстати, ей вместе с Галиной Стахивной выпало сопровождать тело Антона Семёновича в Москву).

Получить путевку на «творческую дачу» было делом непростым, в том числе и многие десятилетия спустя. Её давали писателям

и поэтам, нуждавшимся в творческом уединении и бесплатном питании; здесь они имели возможность сосредоточиться на творчестве, не беспокоясь о «хлебе насущном».

А. С. Макаренко в эти дни работал над киносценарием под названием «Командировка», содержание которого напоминало сюжеты историй из «Книги для родителей».

Но сидеть в четырёх стенах, даже будучи до предела занятым любимым делом, Макаренко не мог. Его ждали в школах и рабочих аудиториях. 28 марта он телеграфирует А. К. Волнину: «Буду завтра четыре привет Макаренко». И действительно, 29 марта он выступает на совещании учителей школ Ярославской железной дороги. Это было последнее публичное выступление Макаренко. Он посвятил его вопросу... методологии педагогики. В ходе своего выступления он поднимал проблему необходимости создания теории педагогики и её связи с практикой [35, с. 81].

В последние дни марта Макаренко жаловался на самочувствие; врачи вообще запрещали ему работать в последние месяцы.

А. С. Макаренко скончался 1 апреля 1939 г. от сердечного приступа на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, возвращаясь с «дачи».

Во многих источниках обращается внимание на то, что умер Макаренко при несколько странных обстоятельствах. Вбежав в вагон, он упал на пол и больше не очнулся. Подбежавшим к нему на помощь людям он успел сказать: «Я писатель Макаренко».

Современный исследователь А. А. Фролов в своей книге приводит фрагменты акта, составленного 1 апреля «линейным уполномоченным железнодорожной милиции ст. Голицыно Выдриным в присутствии Чибизова Г. Т. и Кондратьева Н. Н.». «Сего числа в 10 часов 30 минут на ст. Голицыно зашёл гражданин Макаренко Антон Семёнович, который почувствовал себя плохо и прилёг на лавочке (в вагоне – А. Ф.). Тут же к пассажиру Макаренко А. С. был вызван врач посёлка Голицыно, но спустя пять минут гражданин Макаренко, до прихода врача умер. В 10 ч. 43 мин. прибыл врач Столярова, которая констатировала смерть» [102, с. 120].

А. А. Фролов в своей книге добавляет к тексту протокола два слова, а именно – «в вагоне». Однако из текста протокола не явствует, что Макаренко умер именно в вагоне. Слово «лавочка» вызывает ассоциации, скорее, с вокзалом, перроном и платформой, а не с вагоном. Впрочем, это не так уж и важно, где смерть застала великого педагога.

В акте приводится перечень вещей, которые имел при себе Антон Семёнович: портфель, бумажник, членский билет союза писателей, орденская книжка и др. Тело педагога было доставлено поездом № 134 в Москву. Для этого один вагон освободили от пассажиров.

Официальная причина смерти – сердечный приступ. Смерть последовала от внезапной остановки сердца, как писали тогда от «разрыва сердечной мышцы». Болезнь была наследственной; мать Антона Семёновича также была «сердечницей». Сам Макаренко, по свидетельству брата, в молодости не раз «беспричинно» терял сознание [61, с. 108]. «Свою лепту» вносило просто безумное курение. «Мне не хватает четырёх пачек папирос в день. Иногда бывают дни, когда я выкуриваю 120 папирос», признавался сам Макаренко [102, с. 120].

Уже в день смерти педагога «Вечерняя Москва» и всесоюзное радио дали соответствующее сообщение. На другой день «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» выходят с некрологом «Памяти А. С. Макаренко», 3 апреля его перепечатывает «Учительская газета».

Поскольку некролог был от президиума писательского союза, Антон Семёнович был охарактеризован в нём исключительно как писатель. О педагогической деятельности не было сказано ни слова.

Неудивительно, что произведения Макаренко поначалу и печатались не в педагогическом издательстве, а в ГИХЛ и литературных журналах. Об отношении официальной педагогики говорит и тот факт, что на его похоронах не было высокопоставленных педагогических чиновников.

Редактором многих произведений Макаренко, – а также М. А. Шолохова, – был Юрий Борисович Лукин (1907–1998), оставивший целый ряд работ мемуарного плана об этих великих россиянах. Приведём в сокращении ряд выдержек из его воспоминаний.

«Тяжёлый день прощания с А. С. Макаренко дали возможность увидеть людей, которые описаны в его книгах... Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием: «Я потерял сегодня отца... Антон Семёнович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в «Педагогической поэме» он меня всегда ругает. Но именно потому, что он меня всегда ругал я стал теперь инженером. Уже после выхода из колонии, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки... Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел раскрыть в человеке самое лучшее. Он был великий гуманист. К нам в колонию не раз приезжали соцвосовские

работники и всячески пытались восстановить нас против него...» [43, с. 260–261]. Впоследствии этот колонист погиб на фронте. В «Педагогической поэме» он выведен под выдуманной, «говорящей» фамилией *Ужиков*.

Внимание Ю. Б. Лукина привлёк и другой бывший воспитанник: «...Оглушившее его горе, почти фанатическая страсть переживания, скульптурная красота его лица, сжигающее его чувство сразу заставили всех обернуться к нему, как бы прожектором выхватили его из толпы... И, увидев это лицо, я понял всю силу таланта Макаренко как художника слова. Я не сомневался, что это Семён Карабанов. Мне потом довелось познакомиться с этим жарким, как его назвал в своей книге Макаренко, Семёном Калабалиным и ещё глубже оценить тонкий, обаятельный талант художника, ярко сказавшийся в замечательных книгах Макаренко» [43, с. 262].

А. С. Макаренко похоронили на Новодевичьем кладбище столицы, участок № 2. В 1952 г. писателю и педагогу был поставлен впечатляющий бронзовый памятник работы скульптора Владимира Ефимовича Цигалья (1917–2013) и архитектора В. Калинина. Здесь же похоронены Г. С. Макаренко (1891–1962) и её сын от первого брака, подполковник Лев Михайлович Салько (1914–1957).

...Ходили слухи, что в Москве Макаренко должны были арестовать, поэтому педагог это якобы предчувствовал, и не сдержал напряжения. По неподтвержденным данным, вскрытие показало, что его сердце было повреждено необычным образом. Орган принимает подобный вид, если в организм попал яд. Но подтверждение отравления найдено не было, потому что никому не пришло в голову заниматься этим. Так что всё это осталось на уровне слухов.

По факту неожиданной смерти А. С. Макаренко было даже начато расследование, однако вскоре оно было прекращено. А вот дискуссии о его педагогическом наследии не стихают по сей день.

В. С. Макаренко вспоминал: «3 апреля 1939 г., в Париже, я купил русскую газету «Последние новости», развернул её и в глаза мне бросился заголовок «Умер писатель А. Макаренко». Я несколько раз перечёл короткую заметку и сомнений не могло быть, – Антон ушёл от нас навсегда. Я отслужил в Александро-Невском соборе панихиду и долго ещё потом не мог сдержать слёз. ... Я потерял в нём самого благородного, самого чуткого и, наверно, самого умного человека из тех, кого я встретил на моём жизненном пути» [62, с. 104].

II. БЕССМЕРТИЕ

II.1. Первый наставник (А. К. Волнин)

А. К. Волнина с полным основанием можно считать первым наставником А. С. Макаренко. Конечно, у будущего великого педагога были учителя, и, можно предположить, даже вполне замечательные и в школе, в которой он учился, и на педагогических курсах, и в тех школах, где он работал учителем, но о них не осталось каких-то конкретных сведений. Да и сам Макаренко о них ничего не сообщал в своих работах. А вот о Волнине нам удалось собрать достаточно много фактического материала, причём больше даже не как об учителе Макаренко.

А. К. Волнин сам по себе достаточно крупная личность, оставившая заметный след в тех учебных заведениях, в которых ему пришлось работать. Поэтому в монографию об А. С. Макаренко мы посчитали необходимым включить материал о нём. А. К. Волнин родился 25 августа 1872 г. в Ростовском уезде Ярославской губернии в семье священника. В 1893 г. он окончил Ярославскую духовную семинарию, в 1897 г. – историческое отделение Московской духовной академии. В 1897–1898 гг. Волнин преподавал в Ростово-Дмитриевском духовном училище, в 1898–1900 гг. – в Псковской, а затем в 1900–1908 гг. – в Киевской семинариях. Он вёл богословско-философские предметы, еврейский и немецкий языки. Также был преподавателем географии в епархиальном женском училище. В Киеве он также работал в частной женской гимназии Смирновой и в художественном училище (в 1900–1909). Одновременно он состоял сотрудником и помощником редактора издаваемого в Киевской семинарии журнала «Руководство для сельских пастырей». В 1902–1903 гг., как впоследствии писал в анкете, «проработал практический курс психологии у профессора Киевского университета Сикорского» [119].

Основные труды А. К. Волнина посвящены духовной тематике. Первая его работа, – статья «Иудейские и христианские идеи в книгах Сивилл», опубликованная в журнале «Вера и разум» (1899, № 2, 3, 5). Она была посвящена изучению апокалиптической литературы; в ней анализировались иудейские и христианские сведения, вошедшие в корпус писаний, известных как пророчества Сивилл.

В 1908 г. А. К. Волнин защитил в Киеве магистерскую диссертацию на тему «Мессия по изображению пророка Исаяи: Опыт биб-

лейско-богословского и критико-экзегетического исследования пророчеств Исаяи о лице Мессии». В этом труде автор проделал большую работу по текстуальной критике мессианских пророчеств. Волнин разбирает многочисленные древние и новые теории по вопросу о мессианских местах у Исаяи и даёт свою оценку различных толкований [91]. Им было написано большое количество научных работ не только духовного, но и светского характера. Укажем такие статьи А. К. Волнина, как «Сословное обособление русского духовенства. Исторический очерк», «Роль женщины в первоначальной и последующей истории старообрядского раскола», «Основные идеи в книгах Сивиллы», «Печаловники в Древней Руси. Историко-педагогический очерк», «Неплюевское трудовое братство», «Недостаток вдумчивости и излишнее усердие в просветительском деле».

С 5 ноября 1909 г. по июль 1914 г. А. К. Волнин был директором Велико-Сорочинской учительской семинарии имени Н. В. Гоголя и членом школьного отделения Миргородской земской управы. В семинарии он преподавал педагогику. С 1 (14) июля 1914 г. по 8 (21) сентября 1917 г. он работал директором Полтавского учительского института, – как раз в эти три года там учился будущий великий педагог А. С. Макаренко, – и председателем педагогического совета частной женской гимназии В. П. Ахшарумовой, которая была закрыта большевиками в декабре 1919 г. В институте он преподавал педагогику, психологию и логику. Этот институт был четвёртым по счету в Киевском учебном округе. Его организатором и первым директором и стал А. К. Волнин. С 1917 г. он был председателем Полтавского правления общества взаимопомощи служащих Киевского учебного округа. А. К. Волнин был награждён орденами Анны и Станислава II и III степени, имел чин статского советника.

8 июля 1917 г. в министерстве народного просвещения было подписано постановление об открытии Новониколаевского учительского института. В конце июля Новониколаевский исполнительный комитет общественного самоуправления получил письмо с просьбой принять необходимые меры по оборудованию помещения института и своевременному началу занятий.

Открытие состоялось в октябре 1917 г. Директором института был назначен А. К. Волнин, который сдал дела в Полтаве новому директору Ф. В. Лысогорскому. По данным исследователя истории Полтавского учительского института Леонида Николаевича Булавы, отъезд Волнина из Полтавы был связан со следующими обстоятель-

ствами. Вот что писал Л. Н. Булава автору данной монографии: «Волнин был изгнан студентами (после решения их всеобщего собрания) как не выполнивший требования о переходе преподавания в институте на украинский язык, т.к. почти 100% слушателей были украинцами. Требование было предъявлено ещё 23 марта. Никто из преподавателей с ним не поехал. Был приглашён им в декабре 1917 года в Новониколаевск Фёдор Лысогорский. Но началась большевистская оккупация Украины, и он доехать просто не смог. Работал в нашем институте до окончания его функционирования в ноябре 1919 г. Кстати, именно Лысогорский, как учитель русской литературы и истории, а не Волнин был наиболее близок с Макаренко. Лысогорский даже успел назначить Макаренко с 10 сентября 1917 г. преподавателем. Но последний так и не успел им стать: власть в институте сменилась».

Новониколаевский учительский институт разместили временно в помещении реального училища, Министерство народного просвещения предоставило средства в размере 19470 рублей для найма и оборудования помещений. Но 1917 год, как известно, был не самым лучшим временем для открытия института. Деньги стремительно обесценивались, и на нормальное финансирование института их, разумеется, не хватало. А. К. Волнин, естественно, возлагал особые надежды на помощь местных органов самоуправления, но город отказался взять на себя содержание института [39, с. 20].

Несмотря на сложнейшую обстановку вокруг молодого учительского института и равнодушное отношение отдела народного образования, стараниями директора работа была поставлена на должный уровень. 5–11 августа 1917 г. в Петрограде проходил I-й всероссийский съезд представителей учительских институтов. 8 августа А. К. Волнин выступил на съезде с докладом на тему «О постановке преподавания педагогических дисциплин в реформированных учительских институтах». Более того, А. К. Волнин организовал активную часть педагогической общественности города, создав педагогическое общество. На очереди стояло решение вопроса об открытии при институте курсов по подготовке учителей. С 10.10.1920 г. при институте планировалось открыть педагогические курсы.

В Новониколаевском учительском институте были три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и естественно-географическое. В институте Волнин преподавал логику, психологию и педагогику. Он строил планы развития института. Однако ре-

альная действительность оказалась печальной. В ноябре 1920 г. здание, где размещался институт, было передано под размещение Сибирского отдела народного образования; новой власти надо было куда-то размещать своих стремительно плодившихся чиновников. В этих условиях институт был вынужден прекратить работу. Сотрудники и студенты были распущены.

А. К. Волнин оставался директором вплоть до самого закрытия института. В 1918–1921 гг. был председателем педагогического общества в Новониколаевске. В 1920–1921 гг. заведовал педагогическими курсами в Новониколаевске и секцией педагогического образования в отделе народного образования. На курсах он преподавал психологию (общую и детского возраста). В 1921 г. заведовал педагогическим отделом Новониколаевского губернского управления профессионального образования.

В 1921–1922 гг. работал помощником по учебной части директора I-го Сибирского опытного педагогического техникума в г. Новониколаевске. А. К. Волнину, тем не менее, хотелось всё-таки работать в высшем учебном заведении. Поэтому он переехал в г. Вятку. С 1923 г. он заведовал здесь педагогическими курсами переподготовки школьных работников II-й ступени. В 1922–1924 гг. работал преподавателем Вятского педагогического института по кафедре педагогики [73, с. 340]. Фактически он стал основателем этой кафедры. Это подтверждают даже зарубежные исследователи [108, с. 295]. С 11 января 1925 г. А. К. Волнин – секретарь редакции журнала «Путь просвещения», выходившего в Вятке. (Редактором журнала был ректор института Николай Андреевич Дернов). В конце августа 1925 г. Волнин уехал в Москву [115], где продолжил работу в школу, учителем и завучем, по 1941 г.

Известный кировский краевед Александр Львович Рашковский в своём блоге писал: «Об Александре Константиновиче Волнине я впервые узнал, обнаружив в переписке известного кировского краеведа Евгения Дмитриевича Петряева это письмо» [123]. Приведём цитату из этого письма, написанного кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры педагогики Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Галиной Алексеевной Созиновой (1941–2014) в апреле 1972 г.

«...А. К. Волнин заслуживает особого внимания. Это учитель А. С. Макаренко. В то время, когда Макаренко был студентом Полтавского учительского института, Волнин был директором этого ин-

ститута. Волнин жил в Вятке и преподавал в пединституте... Уехал он, потому что был глубоко обижен. Один очень непорядочный человек написал на него злобную инсинуацию в журнале «Красная молодежь». После Вятки, Волнин работал завучем одной из московских школ. В 1939 году его нашёл Макаренко. В 1940 г. Волнину, одному из первых в стране, было присвоено звание заслуженный учитель школы РСФСР. Умер он зимой 1942 г.» [116].

Урна с прахом А. К. Волнина установлена в колумбарии кладбища Донского монастыря в Москве.

В разговоре с Юрием Николаевичем Дерновым, сыном Николая Андреевича Дернова, ректора Вятского педагогического института имени В. И. Ленина в 1921–1926 гг., автор данной монографии специально поднимал вопрос о том, почему А. К. Волнин всё-таки покинул Вятку. Наши встречи состоялись в 1989–1990 гг., во время приездов Ю. Н. Дернова в Киров, в частности, для участия в торжествах по случаю 75-летия Кировского государственного педагогического института, отмечавшегося в ноябре 1989 г. Ю. Н. Дернов отъезд А. К. Волнина, также как и отъезд ряда других известных преподавателей, например, профессора Н. М. Каринского, объяснял исключительно прозаической причиной. К 1924 году гражданская война закончилась, жизнь в стране постепенно стала налаживаться. Голод, особенно донимавший ранее жителей крупных городов, отступил, и Волнин уехал в Москву, где ему хотелось проявить себя как педагогу, так сказать, на столичном уровне.

Г. А. Созинова переписывалась с сыном А. К. Волнина Борисом (7.04.1906–?), доктором технических наук, профессором Московского инженерно-строительного института. У А. К. Волнина были также сын Алексей (1.10.1909–?) и дочь Наталья (13.08.1912 (1911?)–?). Контакты Созиновой с Волниными прекратились в 1970-е гг., когда умер Б. А. Волнин. Со смертью же самой Созиновой оказались утраченными ценные фотографии, и те известные ей фактологические данные, которые могли бы позволить составить более полную и точную биографию А.К. Волнина.

Более подробные сведения удалось собрать о жене А. К. Волнина. Её звали Лидия Дамиановна (урожденная Макаровская). Она родилась 19 июля (10 августа) 1878 г. в местечке Завережье Невельского уезда Витебской губернии в семье священника. Окончила Мариинскую женскую гимназию в Витебске в 1896 г. В 1896–1900 гг. она работала учительницей начальной школы в Витебской губернии.

В 1900–1905 гг. служила учительницей истории и русского языка в женской гимназии и женском коммерческом училище в г. Вроцлав Варшавской губернии. С 5.08.1920 г. по 17.09. 1922 г. – преподаватель обществоведения в железнодорожной школе II-й ступени г. Новониколаевска. С 16.10. 1922 г. – преподаватель обществоведения в Вятском школьном городке. В служебной анкете в 1923 г. она указала, что «работает над вопросом о фашизме». В конце августа 1926 г. Л. Д. Волнина уехала к мужу в Москву [117].

Теперь нам хотелось бы обратиться к той части биографии А. К. Волнина, которая связана с А.С. Макаренко. В молодости, в первые годы своей педагогической деятельности, Макаренко, остро ощущал недостаток систематических научных знаний; ведь за плечами были лишь педагогические курсы. В 1914 г. открылся учительский институт в г. Полтаве. (Кстати, в один год с Вятским учительским институтом, в котором чуть позже пришлось работать Волнину). Эти учебные заведения, – учительские институты, – несмотря на свое «громкое» наименование – *институт* – вовсе не были высшими учебными заведениями. Их программа обучения была далека даже от гимназической. Задача таких учебных заведений состояла в подготовке преподавателей для городских и высших начальных училищ, то есть для начальной школы. Поэтому в обучении превалировала методическая направленность. Сюда поступали, как правило, учителя–практики, работавшие в начальной школе. Абитуриенты должны были иметь хотя бы два года педагогического стажа. Поступить в учительский институт было не так-то просто, так как таких институтов было в России совсем немного.

В Полтавском институте был серьёзный конкурс (4–5 человек на место), приём был совсем небольшой. (Официально обучавшихся называли воспитанниками). В 1914–1915 учебном году их было всего двадцать пять – тридцать, и состав воспитанников был довольно пестрый. Рядом с совсем молодыми юношами на скамьях аудиторий сидели порой совсем взрослые, женатые люди. В первый год принимали только мужчин. Однокурсники А. С. Макаренко происходили из демократической, в целом малообеспеченной, преимущественно крестьянской и рабочей среды.

Сдача вступительных экзаменов чуть было не закончилась провалом. Директор института Волнин впоследствии вспоминал: «Он не выдержал испытания по закону Божьему, но зато по всем остальным предметам сдал испытания блестяще... Но он так выделялся своими

знаниями и начитанностью в области общеобразовательных предметов, основательными ответами на испытаниях, что произвёл очень сильное впечатление. И оно выразилось при объявлении результатов вновь принятым слушателям, позволив мне высказать уверенность, что Макаренко будет лучшим учеником на своем курсе, несмотря на неудачную сдачу испытания по закону Божьему». И действительно, в 1917 г. Макаренко окончил институт первым по успеваемости, и даже получил золотую медаль за сочинение «Кризис современной педагогики». В ряде источников указывается, что эта работа не сохранилась. Однако Г. Хиллиг, немецкий учёный-макаренковед, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат», работающей при Марбургском университете, утверждает, что этой работы и не существовало [108, с. 293–294]. Свою точку зрения он неоднократно излагал на международных конференциях-макаренковедов в Москве, Полтаве и Киеве [124].

На празднование 20-летнего юбилея школы № 1 Ярославской железной дороги (в Москве) 18 февраля 1939 г. был приглашён А. С. Макаренко. Для Макаренко, который к тому времени уже жил в Москве, был известным всей стране педагогом и писателем, стало настоящим сюрпризом то, что в этой школе работал Волнин.

Антон Семёновича, как уважаемого гостя, провели по школе. При этом он обратил внимание на стенгазету, в которой оказалась заметка А. К. Волнина под названием «Школа прежде и теперь». В ней А. К. Волнин, в частности, писал о том, что «...старая школа страдала формализмом в отношении к учащимся, игнорируя их индивидуальные запросы, уважение которых отмечает от нее современную школу». Макаренко шутливо «раскритиковал» заметку, и с теплотой сказал А. К. Волнину: «Вы ошибаетесь. Все учителя относились к нам внимательно и тепло, и я с удовольствием вспоминаю эти отношения» [125].

В своей речи на торжественном собрании А. С. Макаренко, в частности, сказал: «Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина. После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович. Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией.

В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа. У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нём вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нём в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться. И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким искренним горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича, премируют его, подносят ему подарки и с каким искренним и надежным желанием все ожидают от него и впереди такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистического воспитания» [59, с. 468–470].

На похоронах великого педагога был и А. К. Волнин, который, как впоследствии вспоминали присутствовавшие на панихиде бывшие воспитанники Антона Семёновича, сказал в его адрес несколько прочувствованных слов.

II. II. Коллеги (В. Н. Терский, Н. Э. Фере)

В своих произведениях А. С. Макаренко называет имена некоторых своих коллег, причём педагоги В. Н. Терский, Т. Д. Татаринев и Н. Э. Фере в «Педагогической поэме» стали, соответственно, В. Н. Перским, И. Д. Киргизовым и Н. Э. Шере.

Несколько воспитанников Макаренко, выйдя из колонии и получив образование, вернулись к Антону Семёновичу в качестве сотрудников, например, Николай Шершнёв – врачом, а агроном Семён Калабалин – педагогом (по «Педагогической поэме» они, соответственно, Вершнёв и Карабанов). Кстати, Семён Афанасьевич Калабалин в 1960-х гг. выступал перед студентами Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

В данном разделе монографии автор рассказывает о двух ближайших сотрудниках великого педагога, – В. Н. Терском и Н. Э. Фере.

Виктор Николаевич Терский родился 7 ноября 1898 г. в селе Большое Коровино Рязанской губернии. Его отец хотя и был родом из обедневших дворян, но слыл мастером на все руки. Двадцать три года работал он на Сормовском заводе под Нижним Новгородом молотобойцем и кузнецом, а позже, получив в наследство небольшую усадьбу, открыл в ней мастерскую, в которой выполнял многочисленные заказы по изготовлению изделий из металла: ключи, замки и прочее. После Октябрьской революции мастерская была, естественно, реквизирована, и он продолжал работать в ней уже в качестве заведующего. Отношения с рабочими у него всегда были хорошими, большинство из них были его учениками. В 1934 г. на волне борьбы с «кровопийцами-нэпманами», он лишился своей должности, был изгнан из собственного дома в селе Большое Коровино, и переехал в Москву, где до конца жизни работал в институте точной механики, выполняя самые сложные задания по изготовлению и наладке приборов.

От отца Виктор унаследовал любовь к чтению, собирательству мудрых мыслей, игр и головоломок. Всё это ему впоследствии очень пригодилось в клубной и кружковой работе с детьми. С раннего детства Виктор познакомился со столярным, слесарным, кузнечным и токарным делом. Отец, в своё время окончивший Московскую школу ваяния и зодчества, привил ему любовь к рисованию. Многие родственники и знакомые их семьи рисовали, писали стихи, играли на различных музыкальных инструментах. Молодого Терского увлекало всё, включая верховую езду и велосипед. Личностью, которой он стремился подражать, его кумиром был полководец Суворов. Мать Виктора умерла, когда он был совсем маленьким. Виктор любил отца, но всё-таки ушёл из дома в 1915 г. из-за мачехи. Мальчик окончил три класса в Зарайском реальном училище, затем, с целью получения профессии, перешёл в Московскую земледельческую школу, где также окончил три класса. Летом он совмещал отдых с работой землемера, порой объезжая с напарником всю губернию.

В конце 1918 г. Виктор был призван в Красную армию. Ему пришлось участвовать в гражданской войне. В одном из боёв он получил серьёзное ранение в лёгкое. От строевой службы Виктора освободили и назначили руководителем клуба для красноармейцев в Харькове. Он руководил художественной секцией, и все пять лет службы в армии был учителем, по-видимому, в полковой школе. Первые свои «культурные затеи» он осуществил уже среди своих однопольчан, о чём он кратко упоминает в своей книге.

В период военной службы Виктор попутно окончил три курса художественного училища, в обиходе именовавшегося «Каплуновским», поскольку оно располагалось на Каплуновской улице, ныне улица Искусств. Терский близко познакомился с режиссёром местного драмтеатра, многие артисты которого одновременно работали у него в армейском клубе. Виктор Николаевич и сам играл на сцене. Работал он и в художественной мастерской украинского отделения телеграфного агентства, которое в народной памяти больше ассоциируется с «Окнами РОСТА» Маяковского.

После пяти лет службы в армии В. Н. Терский в течение одного года работал учителем в Харьковском Центральном «реформаториуме». (Так называлось учреждение, как тогда выражались, «по исправлению дефективных детей»). Затем ему пришлось работать в приёмнике-распределителе беспризорных детей. Именно от них он и узнал, что на Украине есть необычная колония под руководством Макаренко. Но работу ему предложили совсем другую, – художником по расписыванию ваз и посуды на фарфоро-фаянсовом заводе в поселке Буда с зарплатой около тысячи рублей, что было в то время очень хорошим заработком.

Сдав на отлично пробную работу, – разрисовывание вазы, – и получив прекрасную квартиру, он готов был немедленно приступить к работе. Однако выяснилось, что цех художественной росписи был закрыт временно на ремонт. Терскому предложили пока поработать в других цехах, но он решил использовать месяц ремонта как отпуск после шести лет работы без выходных дней. А пока оформился на работу, получил небольшой аванс и уехал в Харьков. С директором завода договорились, что он вернётся в Буду через месяц.

В Харькове, в НКП, ему, между делом, сообщили, что из-под Полтавы в Куряж приехал очень интересный педагог Макаренко, с которым ему, как педагогу в недавнем прошлом, посоветовали познакомиться. От нечего делать Терский поехал в Куряж и увидел там много интересного. На второй день пребывания в колонии он принял приглашение Макаренко поработать у него этот месяц, пока идёт ремонт цеха в Будах. Виктор перевёз в Куряж жену с сыном. Устроили их в тесной монашеской келье. В такой же келье жил и сам Макаренко; иных квартир там не было.

Работа в колонии так увлекла В. Н. Терского, что он остался в ней насовсем. Сам он рассказывал, что при поступлении в колонию Антон Семёнович спросил у него: «Вы к нам на время или на всю жизнь? Если

на время, то не советую» [93]. Так в 1924 г. Виктор Терский попал к Макаренко, и трудился с ним в общей сложности пятнадцать лет, вплоть до ухода Антона Семёновича из коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Терский был оформлен учителем рисования и черчения. Но ещё более он был известен тем, что возглавил и чрезвычайно успешно осуществлял в колонии и коммуне внеклассную и клубную работу. Он возглавил в колонии «Мастерскую ИЗО», т.е. изобразительного искусства и изобретательства. Впоследствии эта мастерская в деловых документах стала именоваться «свободной мастерской», где помимо рисования занимались моделированием, изготовлением художественно оформленных объявлений, плакатов, панно и лозунгов к праздникам для многих учреждений Харькова, – это было уже в коммуне, – например, перед 1 мая и 7 ноября, стенгазет, спортивного и хозяйственного инвентаря для колонистов и коммунаров, игрушек и игр. Некоторые из них, например, многоэтажные шахматы и комплексная игра «Горлёт», включавшую физподготовку плюс тренировку сообразительности, Терский достаточно подробно описывает в книге «Вожатый, ты – педагог» [93].

Виктор Николаевич был мастером на все руки. Прекрасный художник, чудесный актёр, создатель сказок, игр-импровизаций, изобретатель приборов, он умел обращаться со всеми существующими инструментами, знал правила всех игр, был знаком с устройством всех машин. Был отличным шашистом и рыболовом.

В. Н. Терский был руководителем секции велосипедистов, тренировал юных борцов. Вместе с ребятами выпускал стенгазеты длиной в двадцать метров, а также принимал участие в постановке спектаклей, где порой исполнял и женские роли.

В Куряже Терский развернул массовую кружковую работу. Особенно увлеклись колонисты под руководством любимого педагога драмкружком. Играли на сцене ребята с огоньком, декорации готовили из обрывков толя, ржавых листов жести и другого хлама. Но расписывали его, как вспоминал Терский, «под орех с гвоздикой» неизвестно откуда, кем и когда добытыми красками.

С костюмами было много хуже. У ребят, кроме трусов, ничего приличного не было. В. Н. Терский вспоминал: «Я лезу в будку суфлировать и тут только замечаю что паренёк, играющий царского генерала, стоит в совершенно рваных ботинках, из которых торчат наружу почти все пальцы, т.к. ботинки рваные, к тому же малы номера на четыре. На мне армейские брюки с дырявым карманом, который я

не успел зашить, и армейские сапоги. Снимаю сапоги и велю надеть «генералу», чтобы он был хоть мало-мальски похож «на самого себя». Пьеса проходит как всегда: не так, чтобы хорошо, но здорово».

Ещё в годы сотрудничества с А. С. Макаренко В. Н. Терский стремился собрать и систематизировать опыт и приёмы успешной кружковой и клубной работы. Он подготовил для учащихся рукописную книгу «Интересное» и выполнил все рисунки и чертежи к ней.

В условиях постоянной критики деятельности Макаренко со стороны «педагогического Олимпа» издать в педагогических издательствах свои книги Терскому долгое время не представлялось возможным. Лишь в 1959 г. в издательстве АПН РСФСР была напечатана первая книга В. Н. Терского «Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко» (М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 159 с.). Спустя два года вышло её второе издание, а вскоре она была издана в ГДР (1962) и ВНР (1964) [112; 113].

После ухода Макаренко из коммуны им. Ф. Э. Дзержинского покинул её и Виктор Николаевич. Он работал завучем в Барыбинском детском доме в Московской области. Кстати, с 20 мая 1939 г. по 1 ноября 1940 г. его возглавлял С. А. Калабалин. Во время Великой Отечественной войны вместе с детдомом Терский был эвакуирован на Урал.

По возвращении в Москву он работал методистом в Центральном доме детей железнодорожников, которое в 1942–1947 гг. возглавляла кандидат педагогических наук Ольга Сергеевна Кель. Это детское внешкольное учреждение союзного значения было призвано помогать железнодорожным школам и клубам всей страны.

Однако в Москве у Терского не было жилья, как и не было перспектив его получить, и он принял предложение работать в одной из детских колоний в Литве, а затем поступил педагогом в детский дом и среднюю школу в г. Знаменске Калининградской области. Там он преподавал рисование, черчение, труд и пение.

В эти годы он продолжал вести содержательную и интересную внеклассную работу. Его опыт получил признание в Калининградской области, и был рекомендован для применения школам и детским домам всего региона.

В 1947 г. О. С. Кель пригласили на должность старшего научного сотрудника в Институт истории и теории педагогики АПН РСФСР. В начале 1950-х гг. в СССР были созданы первые школы-интернаты, и в связи с этим перед академией педнаук был поставлен целый ряд соответствующих исследовательских задач.

Виктор Николаевич получил приглашение участвовать в этой научной работе, в частности, в московской школе-интернате № 12, созданной на основе школы № 545. Директор, заслуженный учитель школы РСФСР В. П. Ильин, сумел собрать в школе коллектив энтузиастов, педагогов-новаторов, среди которых было целое созвездие известных в будущем педагогов. Назовём хотя бы некоторых из них.

Прежде всего, это Борис Павлович Никитин, прославившийся вместе со своей женой Леной Алексеевной как мастер семейного воспитания, автор многочисленных книг по воспитанию детей в многодетной семье. Будущий основоположник теории коллективного способа обучения, крупнейший отечественный дидакт Виталий Кузьмич Дьяченко (1923–2008) также был одним из учителей этой школы.

Наконец, ещё один учитель этой удивительной школы, Геннадий Васильевич Воробьёв, стал в 1970–1980-е гг. видным специалистом в области методологии педагогики и проведения экспериментальной работы, автором важнейших трудов в этой научной области.

В созданной при интернате лаборатории под научным руководством президента АПН РСФСР И. А. Каирова (1893–1978) большое внимание уделялось и внеклассной работе, для организации и исследования которой были приглашены О. С. Кель и В. Н. Терский.

Здесь они проводили длительный (продолжительностью в один учебный год) «Конкурс смекалки», в который вовлекли большую часть учащихся и учителей. Эта экспериментальная работа нашла своё отражение в их увлекательной книге [94].

Следующим этапом совместной исследовательской работы В. Н. Терского и О. С. Кель было проведение опытного исследования в московской школе № 315 (директор в те годы – Г. Р. Черепашинец) по направлению «Развитие самостоятельности и творческой активности школьников» под руководством академиков АПН РСФСР Э. И. Моносзона и М. Н. Скаткина.

Итоги исследования были опубликованы в сборнике «Развитие самостоятельности и творческой активности школьников». На базе школы № 315 центральным институтом повышения квалификации руководящих работников образования был проведён всесоюзный семинар-практикум по внеклассной работе. Для его проведения В. Н. Терский был вызван из Знаменска в Москву.

В. Н. Терский старался продвигать воспитательный и учебный опыт Макаренко и напоминать о нём самом, в т. ч. в статьях в журналах «Вожатый», «Народное образование», «Советская педагогика» и

др., а также в «Учительской газете», «Комсомольской правде» и «Пионерской правде».

Много внимания он уделял выступлениям с практикумами по рисованию и внеклассной клубной работе перед пионервожатыми, воспитателями и учителями, причём во многих городах страны. На основе конспектов к этим занятиям им при содействии и предисловии О. С. Кель была подготовлена книга «Вожатый, ты – педагог!», вышедшая тремя изданиями (1961, 1975, 1984). Последняя, причём самая интересная и самая крупная по объёму, книга В. Н. Терского «Игра. Творчество. Жизнь» вышла уже после его смерти [95]. Одна из четырёх глав была написана в творческом содружестве с О. С. Кель, она же выступила автором предисловия и комментариев. Впоследствии О. С. Кель неоднократно выступала в педагогических изданиях со статьями, посвящёнными В. Н. Терскому и его педагогическому опыту, отслеживала и отмечала успехи других макаренковедов [29; 30].

Вспоминали о нём и другие авторы [21]. Так, именно благодаря публикации О. С. Кель в «Учительской газете» о защите кандидатской диссертации В. В. Кумарина в 1968 г. педагог-новатор из Казахстана Г. М. Кубраков сумел познакомиться с этим трудом и с его автором, и, тем самым, по его словам, прояснить для себя целый ряд важных вопросов внедрения системы Макаренко в своей школе-интернате.

Последние годы В. Н. Терский жил и трудился в г. Знаменске Калининградской области, где о нём долгие годы сохранялась благодарная память. Ему было присвоено почётное звание Заслуженный учитель школы РСФСР (1958 г.), он был кавалером ордена Ленина.

В 1965 г. Виктор Николаевич отправился на лечение в столицу. Там он и скончался 4 июля 1965 г. (Примечательно, что именно в этот день сборная СССР встречалась в «Лужниках» в товарищеском матче с кудесниками кожаного меча – бразильцами во главе с «королём футбола» Пеле, и, кстати, проиграла со счётом 0:3).

В. Н. Терский похоронен в колумбарии кладбища Даниловского монастыря в Москве.

Н. Э. Фере вошёл в историю как один из самых близких сподвижников А. С. Макаренко по колонии, сначала в должности помощника Макаренко по сельскому хозяйству, а затем и по всей производственной части.

Н. Э. Фере стал и одним из главных действующих лиц «Педагогической поэмы», где представлен под именем Эдуарда Николае-

вича Шере. Николай Эдуардович Фере родился 19 августа 1897 г. в городке Гельмязов Золотоношского уезда (тогда уезд относился к Полтавской губернии, ныне это Золотоношский район Черкасской области Республики Украина). Он был пятым (предпоследним) ребёнком в семье надворного советника, старшего помощника надзирателя 1-го округа Полтавского акцизного управления. Детские годы Николая прошли в Полтаве.

В 1906 г. умер отец; в это время старшему из его братьев было только 13 лет. Для содержания семьи матери пришлось давать частные уроки. С большим трудом она смогла обеспечить Николаю среднее образование в одной из полтавских гимназий. В 1916 г. Николай был призван в армию.

После войны, в 1921 г., окончил сельскохозяйственный факультет Киевского политехнического института, и ряд лет трудился агрономом в совхозах военного ведомства на Полтавщине. В апреле 1924 г. он перешёл в Полтавскую трудовую колонию имени М. Горького, где руководил всеми отраслями сельского хозяйства (семеноводство, животноводство, огородничество, садоводство, цветоводство), а также учебной работой по теории сельского хозяйства во всех группах (классах) школы.

Знакомство Н. Э. Фере с колонией и её заведующим состоялось следующим образом. В начале 1924 г. знакомая Н. Э. Фере, бухгалтер Е. А. Пышнова, поступившая на работу в колонию, подсказала ему, что Макаренко подыскивает себе помощника – специалиста в области сельского хозяйства. Это и послужило предлогом для знакомства, состоявшегося в начале апреля 1924 г. в помещении Полтавского отдела народного образования.

Как писал в своих воспоминаниях Н. Э. Фере, ни о чём не спрашивая, А. С. Макаренко сразу заговорил о положении хозяйства колонии. Колония была расположена в маленьком имении в Трибах, ранее принадлежавшем немецким колонистам, братьям Трепке. Предстояло освоить полученное ею большое хозяйство в селе Ковалёвка, на другом берегу речки Коломак.

Колония испытывала серьёзные затруднения с продовольствием. Земли в Трибах было немного, около двенадцати гектаров, а почва – сыпучий песок. Урожаи иногда даже не покрывали расходов на семена. Н. Э. Фере сразу определил, что в Трибах невозможно было правильно организовать труд колонистов, являвшийся основой воспитательно-педагогической работы с ними. В Ковалёвке же до 80 гектаров

земли и почва хорошая – чернозём; там есть луга и сад. Сельское хозяйство должно быть построено на научных основах⁶⁶ и вестись образцово. Поэтому, сказал Антон Семёнович, он и решил пригласить в качестве своего помощника специалиста-агронома.

А. С. Макаренко ставил задачу во что бы то ни стало успешно закончить предстоящий весенний сев, и уже в текущем году полностью обеспечить потребность колонии в овощах, а в будущем году – в жирах и молоке. При этом он подчёркивал, что не может быть и речи о привлечении для сельскохозяйственных работ какой бы то ни было наёмной рабочей силы, кроме небольшого числа руководителей-специалистов.

«Как ни молод я был, – пишет дальше Н. Э. Фере, – у меня хватило жизненной опытности, чтобы отчётливо представить себе, какой нелёгкий путь ожидает меня... Но молодость взяла своё: она подсказала мне, что пренебречь интересной работой под руководством талантливое человека только потому, что эта работа трудна, – признак непростительной слабости» [66, с. 12].

14 апреля 1924 г. Н. Э. Фере приступил к обязанности помощника начальника колонии. Крестьяне-соседи уже начали сев, поэтому требовалось срочно распределять поля, налаживать инвентарь, учить колонистов работе с плугом. Под руководством и с участием Н. Э. Фере в колонии были внедрены более современные на то время сельскохозяйственные технологии, подбирались лучшие сорта растений и элитные породы животных, за приплодом которых окрестные селяне выстраивались в очередь. Удалось добиться приличной для тех лет урожайности, – 30 ц пшеницы с гектара.

Н. Э. Фере начал внедрять многопольный севооборот с упором на кормовые культуры и взял курс на развитие более прибыльного животноводства. Он внимательно присматривался, старался перенять также воспитательные и педагогические подходы А. С. Макаренко.

В начале 1925 г. Макаренко впервые за многие годы решил, наконец, взять небольшой отпуск для поездки в Москву и попросил Фере быть своим заместителем. Около месяца Н. Э. Фере с помощью совета бригадиров успешно руководил делами, и все вместе с нетерпением ждали возвращения Антона Семёновича.

В 1927 г. А. С. Макаренко разработал проект создания Управления детскими колониями Харьковской губернии, которое должно было взяться за широкое внедрение в жизнь опыта колонии имени М. Горького. Отдел народного образования Харьковского губиспол-

кома высказался против его предложения, однако проект был одобрен одним из заместителей председателя губисполкома, хорошо знавшим старый и новый Куряж.

Заведовать Управлением детскими колониями Антон Семёнович отказался, и по его совету во главе этого нового учреждения была поставлена по совместительству Г. С. Салько. Макаренко стал её заместителем; заведование производственной частью Управления было поручено Н. Э. Фере.

Однако, по настоянию не смирившихся с поражением работников украинского НКП, Управление не получило никаких административных прав и, в частности, права сменять персонал детских учреждений. Поэтому его деятельность вынужденно была ограничена посещением колоний и подготовкой сообщений об опыте той или иной колонии «из первых уст её руководителей».

Опыт колонии им. М. Горького, как пишет Н. Э. Фере, зачастую и сознательно искажался и извращался недоброжелателями до неузнаваемости: чаще всего распространялись слухи о якобы жестоком обращении с детьми, широком применении карцеров и тому подобная околесица. «Как Иван Владимирович Мичурин создавал в своих садах новые виды растений, так и Антон Семёнович в детском коллективе создавал нового человека», вспоминал Фере.

После того, как Антон Семёнович был уволен с поста заведующего колонией, столкнувшись с насаждаемыми новым директором порядками, стали покидать её и другие сотрудники, в том числе и Н. Э. Фере. В конце 1928 г. руководство «Укрзернотреста» предложило Н. Э. Фере участвовать в научной экспедиции в Донские степи по изучению опыта работы первых крупных механизированных зерносовхозов.

Он дал согласие и в начале 1929 г. простился с колонией, в которой уже не было Макаренко. Перед отъездом Фере заехал к Макаренко, в коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, где оба педагога тепло вспоминали прошлые годы, поговорили и о будущей экспедиции. А. С. Макаренко предложил: «Как бы мне самому хотелось окунуться в вашу работу! Поехать в совхоз я, конечно, не могу. Но если вы не возражаете, я охотно помогу вам по возвращении литературно оформить всё, что вы делали, видели, слышали. Осветить в живом очерке опыт первых крупных механизированных совхозов будет крайне полезно для тысяч рядовых организаторов социалистического сельского хозяйства Украины. Давайте сделаем это?». Я с радостью согласился

на предложение Антона Семёновича усердно собирать в экспедиции материалы для будущей очерковой книжки, о которой он говорил... [66, с. 24].

В декабре 1929 г. Фере снова встретился с Антоном Семёновичем в Харькове на квартире его жены Г. С. Салько. А. С. Макаренко в то время работал над «Педагогической поэмой». Он начал знакомить с её главами своего друга.

В январе и феврале 1930 года эти встречи проходили еженедельно. В марте, отложив на неделю работу над «Педагогической поэмой», Антон Семёнович взялся за очерк на основе материалов экспедиции Н. Э. Фере, и уже в следующую пятницу читал его Николаю Эдуардовичу и Галине Стахивне.

«Собранные мною наблюдения и данные были мастерски литературно обработаны Антоном Семёновичем, оживлены поэтичными описаниями степной природы и обогащены очень ценными сравнениями и глубокими замечаниями по экономическим и политическим вопросам. На мою долю оставалось внести ряд технических поправок, и очерк можно было публиковать. Так родилась в соавторстве со мною небольшая книга Антона Семёновича, названная им «На гигантском фронте. Опыт совхоза № 2», – вспоминал Н. Э. Фере [33, с. 126].

Хотя первая часть «Педагогической поэмы» и очерк о совхозном опыте были сданы в Государственное издательство Украины одновременно, весной 1930 года, издательство отказалось печатать «Педагогическую поэму» под предлогом её дискуссионности. А вот очерк «На гигантском фронте» оно одобрило без всяких возражений.

А. С. Макаренко решительно не хотел ставить свою фамилию на его обложке, чтобы не давать повод его обвинить в «несерьёзности», «разбросанности», попытке делать выводы и обобщения в малознакомой ему области жизни.

В конце концов, соавторы пришли к соглашению указать на обложке только свои инициалы (Н. Ф. и А. М.). Издательство не возражало, и очерк вышел в свет летом 1930 года на украинском языке и, таким образом, оказался первым печатным трудом Макаренко и Фере [65].

Н. Э. Фере и А. С. Макаренко до конца жизни Антона Семёновича поддерживали добрые отношения, неоднократно встречались, в том числе в Москве.

В 1930 г. Н. Э. Фере начал по совместительству работать лектором и преподавателем в ряде харьковских вузов, а с 1934 г. полностью перешёл на вузовскую работу. В 1939 г. он стал кандидатом

технических наук, доцентом, и в этом же году его приглашают на кафедру эксплуатации машинно-тракторного парка в Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина, где он преподавал много лет; в 1958–1962 гг. был заведующим кафедрой. Стал автором ряда специальных трудов [96; 99; 100]. Оставил он и воспоминания о А. С. Макаренко [97; 98].

Трудовая деятельность Н. Э. Фере была отмечена орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За освоение целины». Н. Э. Фере скончался в Москве в 1981 г.

II. III. Воспитанники (С. А. Калабалин, Л. В. Конисевич, А. Г. Явлинский, В. Т. Цымбал, И. Д. Токарев)

Известно, что жизнь учителя продолжается в его учениках. В случае с А. С. Макаренко эта истина выглядит особенно показательной и убедительной. Его ученики не только до конца жизни сохраняли добрую память об Учителе, но даже создали целую ассоциацию воспитанников А. С. Макаренко, которая занималась активной пропагандой его идей. Каждый из учеников Макаренко прошёл достойно свой жизненный путь и завещал то же самое своим детям. В силу ограниченности объёма монографии мы сможем рассказать лишь о некоторых воспитанниках великого педагога.

Начнём с самого известного из учеников А. С. Макаренко, – Семёна Афанасьевича Калабалина. С. А. Калабалин родился 14 (21?) августа 1903 г. в полтавском селе Сулимовка в батрацкой семье. Сызмальства он трудился на богатых односельчан, поскольку своей земли у семьи не было. Затем началось «бродячее детство», – он так впоследствии и назвал свою книгу воспоминаний; Семён вёл полуголодную жизнь на городских базарах, был напарником лжеслепого мошенника, и даже атаманом отряда «благородных мстителей». Благополучно перенёс тиф...

(Кстати, спустя несколько лет, когда эпидемия тифа охватила всю колонию, «на ногах» остались, как писал Калабалин в воспоминаниях, только Макаренко, завхоз Калина Иванович Сердюк, лошадь да он, Семён, в детстве получивший иммунитет от этой болезни. Таким «коллективом» им приходилось в зимнее время заготавливать дрова, отвозить заболевших в больницу, готовить на всех пищу...). Братья Ефим, Иван, Андрей и Марк служили в Красной армии. Для Семёна же все эти похождения закончилось задержанием, судом и

отправкой в тюрьму, откуда Семёна и забрал Макаренко, набиривший «штат» воспитанников для своей колонии.

Дальнейшая жизнь Семёна в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского в воспоминаниях самим Калабалиным не описана, поскольку, как отмечал сам он, сделать это лучше, чем Макаренко, невозможно, а Семён и так оказался одним из главных действующих лиц «Педагогической поэмы» под именем Семёна Карабанова.

В отличие от ряда выпускников колонии и коммуны, сразу ставших педагогами, Семён поступил в 1922 г. на рабфак инженерно-мелиоративного факультета Харьковского сельхозинститута, и в 1927 г. получил диплом агронома. Однако вместе с женой, также воспитанницей Макаренко, Галиной Константиновной Подгорной (1908–1999), он посвятил себя воспитанию детей. Сначала он работал физкультурным руководителем «дзержинцев», затем, вплоть до начала войны, учительствовал и руководил детскими домами и колониями в Харькове, под Ленинградом, в Одессе и Виннице.

В июне 1941 г. он был директором детского дома для трудных детей. Однако эвакуацией руководила уже жена. В числе первых Калабалин записался добровольцем на фронт, но был зачислен в специальный отряд для выполнения заданий в тылу врага.

Однако приступить к диверсионной работе группе Калабалина не удалось. Приземлившихся на парашютах бойцов обнаружили бандеровцы, и, в итоге, сам Семён оказался в плену. Несколько раз он пытался бежать, но всякий раз неудачно. После этого он сделал вид, что он готов сотрудничать с абвером. Немцы направили его в диверсионную школу и после соответствующей подготовки отправили в советский тыл. Вся группа после заброски явилась в НКВД в полном составе. В течение двух лет Калабалин вёл так называемую радиоигру с целью дезинформации врага, помогал выявлять и обезвреживать засылаемых в СССР диверсантов.

28 декабря 1943 г. он был награждён орденом Отечественной войны II степени. Награду ему лично вручал начальник «Смерша» Виктор Семёнович Абакумов, в будущем министр госбезопасности.

Эта история даже получила экранное воплощение в художественном фильме «Взорванный ад», где роль «Калабалина» исполнил известный артист Геннадий Бортников.

В 1946–1950 гг. С. А. Калабалин работает зам. начальника колонии по учебно-воспитательной работе в Кутаиси и Сталинире (Грузия), затем заведует детским домом на станции Мотовиловка Фастов-

ского района Киевской области, и, наконец, переезжает в Подмоскowie, – в посёлок Клемёново Егорьевского района. Здесь он руководил детским домом в течение двадцати лет.

Из дневника Г. К. Калабалиной: «Вовлекая детей в общественно-полезный и производительный труд, мы, разумеется, в первую очередь интересовались его педагогическими результатами. Учитывая то, что контингент детей у нас особый, – в основном, нам присылают детей, исключённых из других детских домов и школ-интернатов, – нам важно было добиться, чтобы в трудовой деятельности воспитанников вырастал интерес к учению, вырабатывался их нравственный облик, приобретались необходимые практические умения и навыки, воспитывалось чувство ответственности за порученное дело. Были организованы сводные отряды, которые работали на порученных участках, соревновались между собой. При подведении итогов обязательно учитывалось не только количество выполненной работы, но и её качество, и отношение каждого члена отряда к работе».

Анализируя итоги первого года работы в Клемёново, С. А. Калабалин, в частности, отмечал, что «благодаря добросовестному, почти самоотверженному напряжению физических и духовных сил воспитателей, наладившейся живой и полезной связи со школой, созданию работоспособного института детского самоуправления, в конце концов, удалось учебный год закончить с благополучными результатами. Из 106 учащихся перешли в следующий класс 100 человек. Детский коллектив к концу учебного года представлял собой здоровую согласную семью» [64, с. 118].

24 июня 1972 г. С. А. Калабалин скончался после неудачно сделанной операции по удалению аппендицита. Одна из улиц г. Егорьевск названа в его честь. В 2003 г. ему было посмертно присвоено звание «Почётный гражданин Егорьевского района».

В 1998 г. районная администрация учредила премию имени Семёна Афанасьевича, лауреатами которой ежегодно становятся лучшие местные педагоги. С 2012 г. в Егорьевске проводятся Калабалинские Чтения. Один из федеральных каналов снял документальный фильм о Калабалине под названием «Учитель с Железным крестом». Сын Семён Афанасьевича и Галины Константиновны Антон также стал педагогом, был директором ПТУ № 72, г. Калининград, Московской области [101, с. 186].

Писательница Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) написала целую трилогию романов, посвящённую этой замечательной се-

мье педагогов: «Дорога в жизнь», «Черниговка», «Это мой дом» (1961). Повествование ведётся от лица Семёна Карабанова. «Последний из указанных романов был в 1971 г. экранизирован под названием «Вчера, сегодня и всегда» режиссёром Яковом Львовичем Базеляном (1925–1990).

Некоторые воспитанники А. С. Макаренко сначала выбрали другую стезю в жизни, но потом все-таки обратились к воспитательной работе. Одним из них был Леонид Вацлавович Конисевич (1914–1994, Киев), воспитанник Макаренко в 1929–1934 гг.

Родители Лени были поляки по национальности. В раннем детстве он остался с почти ослепшим отцом, и, чтобы не быть ему в тягость, в 12 лет ушёл из дому. Беспризорничал... Направление в коммуну им. Дзержинского он воспринял как огромное счастье. Как коммунар он неизменно проявлял ответственность, и был одним из самых активных и трудолюбивых членов коллектива. Единственный из всех коммунаров ежедневно он вставал раньше официальной побудки и делал дополнительную физзарядку.

Через некоторое время его примеру последовали и некоторые другие воспитанники. Успешно занимался Леня в секциях бокса и борьбы, освоил верховую езду, был участником знаменитого в те годы лыжного марафонского пробега воспитанников коммуны по маршруту Харьков-Мерефа под руководством С. А. Калабалина. Леонид одним из первых в стране (!) стал обладателем значка ГТО за номером 228. Ему было оказано высокое доверие товарищей быть знаменосцем коммуны и командиром отряда. Во время приезда польской делегации в коммуну он выполнял обязанности переводчика. Во время одного из крымских походов коммунары посетили яхту. Леонид был так впечатлён её видом, что решил непременно стать моряком. Макаренко, заметив успехи Леонида как корреспондента стенгазеты и его дарование рассказчика, советовал ему идти учиться в Литературный институт, стать писателем.

Но Конисевич после выхода из коммуны предпринял попытку поступить в Горьковский институт водного хозяйства, однако попытка оказалась неудачной. Но он не опустил руки, и на следующий год стал курсантом Одесского мореходного училища, получив специальность штурмана дальнего плавания.

В 1936 г. экипажу теплохода «Курск», на котором служил Леонид, было поручено перевезти в объятую пламенем гражданской войны Испанию большие контейнеры, в которые были упакованы само-

леты. Сопровождали этот секретный груз лётчики и авиатехники. Фашисты отслеживали такие транспорты, и стремились их уничтожить. Нередко беспомощные с военной точки зрения суда-транспортники становились жертвами подлодок. Вот и «Курск» попал под обстрел в порту Аликанте.

Выручил советских моряков аргентинский корабль, возглавлявшийся капитаном-антифашистом: он поставил своё судно борт о борт с «Курском», и франкисты не решились на обстрел. Обратным рейсом советские моряки вывозили детей-республиканцев, которые, как тогда считали в Москве, могли стать жертвами франкистов. По возвращении на Родину все участники рейса были награждены правительственными наградами. Л. В. Конисевичу вручили только что учрежденный орден «Знак Почёта» за №400.

21 апреля 1937 г. в своём выступлении перед московскими учителями А. С. Макаренко рассказал слушателям о первом из своих воспитанников, получившем орден: «Три дня назад я получил письмо от своего бывшего воспитанника, которое меня очень растрогало. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключается в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: спасибо Вам за то, что Вы нас научили не бояться смерти... Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что храбрость есть достоинство, которому его научили, благодарность за такую науку, – всё это качества нашего нового социалистического общества».

В 1940 г. Л. В. Конисевича перевели на Камчатку, где он плавал капитаном. Всего на флоте служил 15 лет. Во время службы создал в селе Паратунка, расположенного в 70 км от Петропавска-Камчатского, детский дом, – первый в стране, которому было присвоено имя Макаренко. Леонид Вацлавович наладил здесь работу по образцу макаренковской коммуны. Но шла война, и он добивался отправки на фронт. В итоге, ему удалось участвовать в высадке десантов на острова Парамушир и Сахалин.

В 1950-е гг. Л. В. Конисевич создал в Киевской области пионерский лагерь «Алмазный» с замечательным садом, системой прудов и своей пионерской флотилией, с парком из ценных древесных пород, роскошными цветниками в несколько гектаров. В лагере развернулось детское самоуправление, он стал известен далеко за пределами СССР.

Четверть века Л. В. Конисевич был начальником пионерского лагеря. После выхода на пенсию остался там садоводом-агрономом и устроил ежедневный сельскохозяйственный производительный труд для детей, которые работали по часу-полтора в день в саду, теплице, в парниках и цветниках, на огороде. Для каждого ребёнка по руке был подготовлен инструмент. Ход и итоги работы тотчас объявлялись по радио. Победители трудового соревнования награждались ежедневно и по окончании лагерной смены. Плоды своего труда дети видели каждый день, ибо всё это попадало на их стол. В августе «закручивалось» до трёх тысяч банок компота для тех, кто приедет зимой и на будущий год. Рассаду дарили детским учреждениям Бориспольского района, продавали в местные хозяйства.

Сотрудник А. С. Макаренко по коммуне Петр Иосифович Барбаров как-то целое лето трудился в лагере вместе с воспитанниками. Он вспоминал, что Конисевич по ночам писал свои воспоминания о макаренковской коммуне... Эти воспоминания он начал записывать ещё в коммуне. Но все его заметки сгорели во время войны в Одессе [9].

После войны, в «камчатский» период жизни, он, по просьбе Г. С. Салько возобновил эту деятельность и отправлял ей свои заметки по частям. В своих письмах она тепло отзывалась об этих воспоминаниях, но когда в 1954 г. Конисевичу удалось встретиться с ней в Москве, она, хотя и в вежливой форме, высказала сомнение в его писательских возможностях, их, так сказать, соответствия столь великому человеку, каковым был А. С. Макаренко. Л. В. Конисевич был уверен в точности и искренности своих воспоминаний, но эти слова всё-таки заронили в нём сомнения и охладили желание к продолжению этой работы на долгие годы. Основная работа по подготовке воспоминаний была проведена в 1974–1977 гг. В сильно сокращённом виде их удалось выпустить в 1980 г. в издательстве «Пограничник» [36].

На издание было получено множество положительных откликов. Автор выслал свои записки П. И. Барбарову, а тот передал рукопись кандидату педагогических наук Виктору Михайловичу Опалихину (16.05.1936–12.02.2017), которому удалось издать её в Челябинском институте усовершенствования учителей. Кроме того, он выполнил кропотливую работу в качестве научного редактора книги, подготовил содержательное предисловие. В книге ярко описаны все стороны жизни коммуны: быт, труд, учёба, занятия коммунаров в свободное время, летние походы в по стране, приём иностранных делегаций, ра-

бота органов самоуправления и др. Все герои книги названы подлинными именами. В. М. Опалихин справедливо замечает, что автор избежал соблазна сделать главным героем самого себя. О себе и своих поступках он пишет крайне мало, вспоминает лишь некоторые эпизоды своей биографии. В центре повествования, разумеется, А. С. Макаренко. Но и о нём автор пишет сдержанно, опасаясь впасть в славолюбие, которого «Антон» не любил [37].

Высокую оценку воспоминаниям дали здравствовавшие воспитанники коммуны (Анна Красникова, Елена Соколова и др.), учёные-макаренковеды (В. В. Кумарин, Л. Ю. Гордин, С. С. Невская и др.) [41]. С 1993 г. книга не переиздавалась, но с ней можно ознакомиться на сайте Педагогического музея А. С. Макаренко в Москве. Сын Леонида Вацлавовича Виктор (род. 1963 г.) известен как режиссер, актер, клипмейкер. Его многие знают как режиссёра некогда популярной передачи «Розыгрыш» на Первом канале ТВ.

Алексей Григорьевич Явлинский родился в 1917 г. В годы гражданской войны он, как и миллионы других детей, потерял родителей, с 1932 г. воспитывался в коммуне А. С. Макаренко.

... Однажды Алексей ударил девочку. Макаренко вызывал его к себе в кабинет, а сам сидел за столом и, не поднимая головы, писал. И так – два часа. Провинившийся все это время томился и тосковал на стуле, мечтая уже вообще о любом наказании, лишь бы эта пытка кончилась. А в итоге, Антон Семёнович поднял на него строгие глаза и тихим голосом спросил: «Ты всё понял? Тогда иди» [17].

А. Г. Явлинский окончил рабфак, работал слесарем-инструментальщиком, фрезеровщиком. С 1939 г. служил в Красной Армии в Средней Азии. По окончании лётной школы служил в Андижане. В действующей армии с февраля 1942 г. Алексей Явлинский – участник Великой Отечественной войны. Службу он начал рядовым. Служил в артиллерийском полку 331-й гвардейской горнострелковой ордена Боевого Красного знамени Туркестанской дивизии. Воевал на Северном Кавказе, участвовал в керченском десанте, освобождал Украину и Чехословакию. С мая 1944 г. Явлинский командовал батареей. Батарея Явлинского первой вошла в чешский город Оломоуц. Закончил войну старшим лейтенантом в г. Высоке Татры (Чехословакия). Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной звезды, медалью «За боевые заслуги». После войны его именем была названа улица чешского города Оломоуц; Алексей Григорьевич первым вошёл в этот город.

С будущей женой Верой Наумовной (1924–1997) Алексей Явлинский познакомился случайно: после войны приехал во Львов навестить дальнюю родственницу. Её не оказалось дома, и Алексей Явлинский постучался в дверь соседней квартиры, которую открыла Вера Наумовна. Через месяц сыграли свадьбу. После свадьбы в 1947 г. Явлинские жили во Львове. Здесь 10 апреля 1952 г. родился сын Григорий, ставший впоследствии известным российским политиком.

Алексей Явлинский заочно окончил исторический факультет Львовского педагогического института и Высшую школу МВД. С 1949 г. работал в системе детских исправительно-трудовых и воспитательных учреждений. В 1961 г. был назначен директором колонии-распределителя для беспризорных. Журнал «К новой жизни» в 1972 г. писал о нём, как о замечательном последователе А. С. Макаренко.

В 1980 г. решением Центрального комитета Украинской ССР детские учреждения были переданы в систему МВД. Учителей, которых Явлинский тщательно собирал, заменили ефрейторы и прапорщики. Алексей Григорьевич был категорически против этого. После очередного разговора с министром внутренних дел Украины 27 августа 1981 г. А. Г. Явлинский скончался от сердечного приступа.

Героически проявили себя в годы Великой Отечественной войны многие воспитанники А. С. Макаренко. Расскажем об одном из них.

Василий Цымбал родился в крестьянской семье в январе 1916 г. в городке Кролевец, что на Сумщине. Окончил 5 классов, а дальше – бесплодные попытки устроиться на работу. По подсказке друзей он напросился в коммуну Макаренко, где все годы был примером для товарищей. Командир отделения 386-го отдельного батальона морской пехоты главный старшина Василий Цымбал в ночь на 1 ноября 1943 г. в составе морского десанта высадился в районе посёлка Эльтиген, под Керчью. Вступив в единоборство с вражескими танками, гранатами подорвал один из них. В этом бою Василий Цымбал погиб. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм главному старшине Цымбалу Василию Тимофеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

В г. Кролевец на зданиях школ № 1 и № 7, в которых учился В. Т. Цымбал, были установлены мемориальные доски. У памятного знака погибшим горожанам в Кролевце Герою установили мемори-

альную плиту. Его именем была названа улица в Кролевце и городе-герое Керчи.

Воспитанник А. С. Макаренко Иван Демьянович Токарев родился 5 мая 1920 г. в п. Угрюмы, ныне Краснопольского района Сумской области в крестьянской семье. Спасаясь от голода в годы коллективизации, вместе с младшими сестрами 10-летний Иван отправился в Харьков. В итоге, он оказался в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Он так описывал свои впечатления: «Когда мы вошли на её территорию, то ахнули: кругом чистота, порядок, асфальтированные дорожки, клумбы с розами. Коммунары ходят в красивой форме и тюбетеечках. Нас пригласили в «громкий клуб», где обычно проходили собрания. (Был ещё «тихий клуб» для чтения и выполнения учебных заданий). Познакомились с Макаренко. Он рассказал о здешних порядках и обратил внимание, что ни колючей проволоки, ни даже калитки в коммуне нет. «Если кому что не понравится – можно уходить смело», сказал «завкол».

Ежедневно, кроме выходных, – вспоминал Иван Демьянович, – коммунары работали по четыре часа после школы. Да в школе проводили пять часов. Коммуна была на хозрасчёте. На каждого коммунара была заведена сберкнижка, куда перечислялись заработанные им деньги. Вычитались лишь расходы на питание – 120 рублей в месяц. Поэтому при выпуске в 18-летнем возрасте каждый получал сберкнижку с немалой для того времени суммой и мог потратить её по своему усмотрению.

Самообслуживание и созидательный труд составляли основу всего воспитательного процесса. Ребята знали, что отдых нужно заработать. Тогда они смогут поехать в Москву, Ленинград, отправиться в увлекательный поход по Крыму и Кавказу, или просто целый месяц будут жить в палаточном лагере на берегу Донца, удить рыбу, купаться и загорать. На заработанные деньги коммунары еженедельно ходили в театр; у них там были свои постоянные места.

В самой коммуне работали десятки кружков, в которых они занимались по интересам: спортом, наукой и техникой. Выпускались стенгазеты, ставились спектакли в драмкружке. В коммуне был свой духовой оркестр. Жизнь в коллективе была интересной и насыщенной, а главное, – она открывала перед подростками широкие горизонты. После рабфака, то есть фактически филиала вуза, открытого тут же, в коммуне, многие продолжали учиться в институтах. Иван Токарев уже прожил два года в коммуне, когда вернулся отец с заработ-

ков. Он привёз деньги для обзаведения хозяйством, присмотрел в деревне дом и поехал в Харьков забирать уцелевшую от голода часть семьи. Иван поначалу обрадовался отцу, но ехать с ним отказался, объяснив это тем, что коммуна для него сейчас как дом родной. Да и в городе у него больше перспектив. Отец не настаивал; Ивану уже было 16 лет. Его сёстры остались с отцом; впоследствии Иван их навещал и всю жизнь помогал им.

В 1937–1940 гг. Иван Токарев учился в Харьковском архитектурно-строительном техникуме, затем был курсантом Харьковского и Ульяновского военного училища связи. Он героически проявил себя в годы войны; служил в инженерных войсках, ему было присвоено звание полковника. Стал кавалером ордена «Отечественная война» II степени, двух орденов Красной Звезды и 16 медалей. Последняя должность И. Д. Токарева, – с октября 1988 г. по август 1990 г., – преподаватель кафедры педагогики Горьковского межобластного института повышения квалификации министерства профессионально-технического образования РСФСР.

Ему приходилось участвовать во многих конференциях в СССР и за его пределами с рассказами об А. С. Макаренко. Он вспоминал: «Я стремлюсь к тому, чтобы о системе Макаренко вспоминали учителя и руководители образования. Многие из них знают, что основатель коммуны придавал большое значение труду. Но то, что он имел в виду труд производительный, об этом забывают. Когда Антон Семёнович принял коммуны, он сразу же стал заботиться о строительстве производственных мастерских. Коммуна строила их своими силами. Макаренко добился, чтобы мастерские были оснащены самым передовым по тому времени оборудованием. Именно здесь были изготовлены первые отечественные электродрели и лучшие отечественные фотоаппараты «ФЭД». Я убеждён: этот опыт следует использовать и в современных условиях. Нужно, чтобы старшеклассники работали и видели плоды своего труда. Жаль, что в Нижнем Новгороде педагогической системой Макаренко мало интересуются. Поэтому и уровень подростковой преступности у нас один из самых высоких в России. Я провёл анализ и послал свою работу губернатору. Пришло уведомление, что письмо направлено в министерство образования. Ответа я так и не дождался».

Об Иване Демьяновиче Токареве было несколько публикаций [38; 109]. Скончался И. Д. Токарев в Нижнем Новгороде в 2014 г.

II. IV. Воспитательная система П. В. Поталака

Исследователи истории отечественной педагогики и образования в качестве успешных воспитательных систем обычно называют деятельность образовательных учреждений, руководившихся А. С. Макаренко, С. Т. Шацким, В. А. Сухомлинским. Иногда вспоминают опыт директоров школ и детских домов второй половины XX в., – Ф. Ф. Брюховецкого, С. А. Дзенушкайте, А. А. Захаренко, А. Ф. Иванова, М. П. Щетинина и некоторых других. В то же время, практически полностью остаётся вне поля зрения исследователей деятельность многих педагогических коллективов, гармонично сочетавших в своей работе теоретические и практические начала, и добивавшихся значительных результатов. Несомненно, в своей работе они руководствовались идеями А. С. Макаренко о благотворном влиянии производительного труда и коллектива на формирование личности ребёнка. Опыт этих коллективов и сегодня представляет немалый практический интерес.

К числу таких замечательных, но, к сожалению, в настоящее время незаслуженно забытых, педагогических коллективов, несомненно, относится экспериментальное учреждение НКП РСФСР, – Институт трудового воспитания «Новая жизнь», возглавлявшийся врачом и педагогом Петром Владимировичем Поталаком.

В СССР детские дома, где дети-сироты получали за счет государства «заботливое воспитание и обучение» [71, с. 375] начали организовываться фактическим с первых дней установления советской власти. Ещё до первой мировой войны в царской России насчитывалось свыше 2,5 миллионов беспризорных детей. Бездомность усилилась в годы первой мировой войны, интервенции и гражданской войны. Перед страной встала задача, – изъять с улицы беспризорников, спасти их от физической гибели и морального разложения. Выполнение этой задачи было возложено на детские дома. В 1921–1923 гг. детские дома создавались всюду, где в них ощущалась настоятельная потребность. Позже их стали постепенно закрывать в связи с уменьшением детской беспризорности. Общее количество детских домов нормального типа в СССР было таково: 1921 г. – 5251 детский дом, 260,6 тысяч детей; 1922 г. – 7815 – 451,6; 1923 г. – 7120 – 433,4; 1924 г. – 4976 – 352,1; 1925 г. – 3572 – 292,1; 1926 г. – 2925 – 250,2 [63, с. 8].

Одним из наиболее известных детских домов и был вышеназванный институт. В данном разделе монографии характеристика

деятельности этого учреждения осуществляется автором в значительной степени глазами группы студентов Кировского пединститута, которые по окончании зимней экзаменационной сессии в январе 1948 г. были премированы коллективной недельной поездкой в Москву.

Их поездка носила сугубо профессиональный уклон: они посетили учреждения АПН РСФСР: педагогическую лабораторию, лабораторию по изучению наследия А. С. Макаренко и базовую школу № 169, встретились с мамой Героя советского Союза Натальи Ковшовой, и, наконец, – побывали в Институте трудового воспитания «Новая жизнь», располагавшемся неподалеку от подмосковной станции Лопасня. Институт был создан Главным управлением социального воспитания НКП в селе Скурыгино и представлял собой учебно-воспитательное учреждение «для сексуально развращённых девочек» [114] 13–16 лет. Для своего времени институт был известным учебно-воспитательным учреждением, каким-то чудом уцелевшим после разрушительных реорганизаций 1930-х гг., когда из системы образования изгонялось всё то, что не соответствовало представлениям тогдашних наркомпросовских чиновников о том, какими должны были быть советское воспитание и обучение.

15 ноября 1927 г. три молодые учительницы и только что назначенный директор, врач-психиатр П. В. Поталак, в дальнейшем руководивший институтом вплоть до 1955 гг., приехали в бывшее имение князя Петра Алексеевича Васильчикова с целью организации здесь инновационного учебно-воспитательного учреждения.

1 декабря 1927 г. – официальная дата начала работы института. С самого начала институт планировался не только как учебно-воспитательное учреждение, но и как научно-исследовательский центр, где велась работа по изучению психики трудновоспитуемых подростков-девочек, разрабатывались методы обучения и воспитания. Но у этого учреждения была своя предыстория. С конца 1870-х гг. владелицей имения была третья дочь Петра Алексеевича Екатерина Петровна, которая в молодости была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны, а потом перебралась на жительство в своё имение и занялась филантропией. Е. П. Васильчикова, подобно Л. Н. Толстому, Н. Ф. Бунакову, С. А. Рачинскому и другим достойным людям своего времени, была увлечена теорией «малых дел»; она много времени уделяла работе в земстве, и стремилась, по возможности, отдать долг народу через устройство школы для брошенных девочек. Этих несчастных она собирала по приютам и устраивала в своей усадьбе, где от-

крыла общеобразовательную школу и мастерскую по обучению девочек трикотажному делу и вязанию кружев. Воспитанницы выполняли посильную работу на птичнике и скотном дворе, учились готовить и обслуживать себя.

Для воспитанниц и девочек из окрестных деревень Е. П. Васильчикова устраивала спектакли на Рождество, пасху и другие праздники, одаривала их подарками. По достижении определённого возраста способных девушек Е. П. Васильчикова определяла на учёбу в Москву, и при этом, естественно, оплачивала их обучение и содержание. Одна из таких её воспитанниц, Чухлова, по окончании учительской семинарии долгие годы, вплоть до 1970 года, работала в школах села Скурыгино и соседней деревни Якшино. Бывшие воспитанницы были очень признательны своей благодетельнице. Вспоминали местные жители и о том, как в предоктябрьские годы она помогала местным «революционерам» из соседней деревни Ходаево. В годы гражданской войны Екатерина Петровна была арестована, и неизвестно, как сложилась бы её дальнейшая судьба, но её спасли из заключения как раз большевики из Ходаево. Тем не менее, её имение было, разумеется, конфисковано и разграблено; потом в нём было организован «дом красноармейца», иными словами, там была расквартирована воинская часть. Е. П. Васильчикова работала в Туле преподавателем иностранных языков. В 1936 г. она приезжала в своё имение, и осталась, по словам свидетелей этого её приезда, очень довольна уже хотя бы тем, что её бывшая усадьба, построенная под богадельню в 1883 г., не только сохранилась, но и была качественно отремонтирована и значительно расширена, а главное, в ней продолжилось дело воспитания девочек. Е. П. Васильчикова скончалась в 1940 г.

В распоряжении института оказались 42 га пахотной земли, 20 га парка, 50 га леса. Появились плотники, печники, штукатуры, и под руководством директора разрушенное имение стало превращаться в место, пригодное для размещения учебно-воспитательного учреждения. Буквально через месяц здания отремонтировали.

П. В. Поталак отправился в печально знаменитое пристанище мелких воришек и нищих, – Ермаковскую ночлежку, находившуюся на станции Калачёвская, и уговорил пятерых бездомных девочек поехать с ним, стать первыми воспитанницами института. Они оказались очень способными, сравнительно легко поддавались перевоспитанию и стали ядром будущего коллектива. Девочки помогали сотрудницам института в наборе новых воспитанниц в московских ноч-

лежках и притонах. На 1 января 1928 г. институт имел в своём составе 40 воспитанниц. Это были бывшие воровки, проститутки, нищенки и бандитки. Началась трудная работа по превращению их в полезных членов общества. Была организована двухгодичная школа, в задачу работы которой входило обучение девушек чтению и письму. Затем была открыта школа фабрично-заводского ученичества; после появилась школа-семилетка и, наконец, десятилетняя школа.

Ткацкая, трикотажная и швейная мастерские, рассчитанные на 110 воспитанниц, оснащались современными станками, постепенно превращаясь в рентабельное предприятие. Всё время шло какое-либо строительство: были возведены современное, в кирпичном исполнении здание школы, гараж, учебное хозяйство (скотный двор, молочная ферма), собственный водопровод и даже небольшая электростанция. Институт превращался в благоустроенное учебно-воспитательное учреждение. Конечно, это не был институт в привычном смысле слова, а фактически детский дом для девушек-подростков с обучением основам ряда рабочих профессий. Но директор специально добивался разрешения на такое название, – *институт*, для того, чтобы подчеркнуть некую позитивную генетическую связь с дореволюционными институтами благородных девиц. Он поставил перед собой целью воспитание новой культурной девушки советского образца.

С декабря 1927 г. по июнь 1939 г. через институт прошли 462 воспитанницы. Перед войной в институте воспитывалось до 150 девушек

С началом боевых действий институт был эвакуирован в Нижний Тагил, а Поталака призвали в действующую армию. Помещения института стали использоваться для расквартирования воинских частей. В конце 1942 г. после тяжёлого ранения директор был демобилизован, и по заданию НКП стал восстанавливать институт на старом месте. Всё обширное хозяйство было, конечно, разрушено: оборудование электростанции вывезено, водопровод и канализация не действовали, печи разбиты. Директор вызвал из Нижнего Тагила нескольких прежних сотрудников, пригласил и новых, набрал воспитанников, и этими силами началось восстановление материальной базы. Вскоре институт начал принимать прежний вид. Был получен скот, разбит огород и возделано подсобное хозяйство площадью в 40 гектаров. Количество воспитанниц достигло 160. Вот в такое учебно-воспитательное учреждение и прибыли кировские студенты.

Одна из кировских студенток вспоминала: «Прямо с машины мы вошли в кабинет директора. П. В. Поталак сидел за письменным сто-

лом и, увидев вместо ожидавшихся восьми человек целых восемнадцать, встретил гостей шуткой: «Мы ждали 8 человек, следовательно, остальных будем угощать воздухом. Воздух у нас очень хороший». Директор рассказал много интересного о своём учреждении. Всех позабавила одна история, рассказанная им. Группа воспитанниц самостоятельно ездила в Ивановскую область за элитным скотом. В Москве их «телячий» вагон должны были перецепить к новому железнодорожному составу, который отправлялся с другого вокзала. Девчата решили «упростить задачу»: не стали ждать, а вывели скот из вагона, и повели его прямо по городу, по дороге спрашивая прохожих, как им добраться до вокзала. Ясно, что их остановила милиция. Однако во время столкновения со стражами порядка перевернулась повозка, кое-что разбилось, девушки подняли шум. Милиционеры сочли за благо сделать всё, чтобы как можно быстрее доставить «институток» вместе со скотиной до вокзала, в буквальном смысле слова, взяв быков за рога...

Студентки осмотрели хозяйство института. В мастерских они увидели, как девушки ткут полотно, вяжут кофточки, рейтузы, чулки, носочки, салфетки и шторы, шьют бельё и платья. Всё это делалось изумительно хорошо, порой ещё детскими, но уже умелыми и ловкими руками. Это было настоящее маленькое производство, где девушки чувствовали себя знающими своё дело работницами.

«Какие они у вас все красивые, – заметила одна студентка. На это Потолак ответил: «Они здесь, в институте стали красивыми». На вопрос, оправдывают ли мастерские в материальном смысле сами себя, директор шутливо сказал: «Не только себя, но и всех нас».

Директор показал скотный двор, гараж, кузницу, баню. Все девушки летом работали в поле и на скотном дворе. Он особо подчеркнул, что в их хозяйстве постоянно что-нибудь строится, даже тогда, когда в этом нет большой необходимости. Надо, чтобы воспитанницы видели этот рост, сознавали себя строителями, и вместе с этим росли и воспитывались сами. В музее студентки увидели замечательные образцы работ девочек. И какую бы вещь они не взяли в руки, директор знал, кто её изготовил, и рассказывал целую историю об этой воспитаннице.

Побывали и в изоляторе, – уютном маленьком здании, куда помещались только что прибывшие в институт новички; посетили светлые классы школы. Во всех классах царил идеальная чистота. Специально следует отметить, что задолго до принятия правительствен-

ных решений по школе, предусматривавших открытие специализированных кабинетов, в институте уже в то время действовали кабинеты физики, химии, биологии, лаборатории.

Учительский коллектив состоял из опытных педагогов, причём некоторые работали со дня основания учреждения. Разумеется, условия работы учителей были заметно осложнены тем, что приходилось обучать и воспитывать девочек с болезненной психикой, некоторые из которых по натуре были дезорганизаторами, правонарушителями.

Рабочий день в институте проходил по строгому режиму. В 9 часов начинались занятия в школе, куда девочки являлись в одинаковой форме: синее шерстяное платье с беленьким воротничком. Средняя школа размещалась в специально построенном здании. Программа учебных дисциплин была несколько расширена по сравнению с обычной школой: в 9 классе изучалась психология, в 10 классе, – педагогика, методика арифметики и русского языка.

В течение месяца десятиклассницы проходили педпрактику в младших классах. Многие девушки готовились стать воспитателями детского сада или детдома, учителями начальных классов.

После занятий девушки, переодевшись в рабочие костюмы, шли обедать, а потом в классах выполнялись домашние задания к следующему учебному дню. Книги и все учебные принадлежности оставались у них в партах. На подготовку уроков отводилось два часа, после чего они шли работать в мастерские.

Такое сочетание умственного и физического труда благоприятно сказывалось на развитии девушек. П. В. Поталак был убеждён, вслед за А. С. Макаренко, что только серьёзный труд оказывает воспитывающее воздействие на детей и подростков. Поэтому воспитанницы работали в трёх производственных цехах: швейном, ткацком и трикотажном, оборудованных современным оборудованием.

Важное воспитывающее значение имел тот факт, что воспитанницы шли работать в цеха по собственному желанию, когда «созреют». Прибывшая в институт девочка поначалу не направлялась в мастерскую. Время шло, она видела, что все воспитанницы работают, и постепенно начинала ощущать потребность участия в общем труде. Поэтому она свободно, по собственному желанию, сообразно своим склонностям выбирала себе специальность. В этом сказывалось положительное воздействие коллектива.

Производство давало доход, но доходы не служили самоцелью, хотя для успешного хода работы устанавливались нормы. При этом

нормы выработки периодически повышались вместе с освоением производства воспитанницами. Работа на производстве длилась 2 часа. Заработная плата частично зачислялась на личный счёт воспитанниц. «Борясь за жизнь, – писала одна из воспитанниц, Рая С., – я стала «ловким человеком», научилась врать, таскать то, что «плохо лежит». В институт я попала с характеристикой «неисправимой». До этого я прошла около двадцати детских домов, но нигде не получала того, что в институте. Двухгодичное пребывание в нём изменило русло моей дальнейшей жизни. Я закрыла навсегда дверь моего прошлого» [89].

Интересна судьба другой девушки, – Майи Меньшиковой. Ей едва исполнилось восемь лет, когда у неё умерла мать. Отец находился на фронте, и девочка осталась совсем одна. Соседи определили её в детский дом. Но Майя не нашла в нём чего-то такого, что заставило бы её полюбить своё новое пристанище. В 1946 г. она бежала из детского дома и повела жизнь беспризорницы. Но вот в 1948 г. Майя оказалась в Институте трудового воспитания. Вспоминая о том времени, Майя говорит, что она сразу почувствовала себя здесь очень хорошо. Ей не напоминали о плохих поступках в прошлом, обращались как с равной, подчёркивали положительные качества, старались заинтересовать трудом и учёбой. Конечно, ещё много времени прошло, пока она окончательно отвыкла от своих старых привычек, но жизнь девушки с каждым днём всё больше входила в нормальную колею. Майя Меньшикова вступила в комсомол, окончила десять классов и поступила в педагогический институт [89].

По окончании срока пребывания в институте две трети выпускниц уходили на производство уже опытными швеями, ткачихами и трикотажницами, а остальные направлялись в педагогические учебные заведения. Производственная работа в институте трудового воспитания дисциплинировала девочек, приучала смотреть на труд как на условие существования человека, прививала трудовые навыки и даже хорошую рабочую квалификацию тем, кто не желал впоследствии поступать в вуз.

Большим местом в учреждениях с особым режимом обычно бывает дисциплина. Прочная дисциплина может быть достигнута только при правильной организации коллектива подростков. Нужно какое-то ядро, которое должно быть проводником и помощником педагогов в организации учебно-воспитательных учреждений.

Таким ядром в институте являлись детские организации, которые оказывали педагогам большую помощь. Во главе детских орга-

низаций стоял детский совет. Члены совета избирались общим собранием воспитанниц. Детскому совету были подчинены так называемые малые советы: совет мастерских, совет школы и совет быта. Последний включал в себя хозяйственную, культурную и санитарную комиссии. Детский совет помогал работе школы и мастерских, следил за правильной выдачей продуктов, одежды и приготовлением пищи. Санитарная комиссия помогала выполнять режим и внедрять санитарную культуру. В конце каждой четверти детский совет института отчитывался о своей работе перед общим собранием воспитанников.

Руководил детским советом всё-таки директор. Совет работал в соответствии с годовым планом; это была реальная и надёжная опора в работе всего педагогического коллектива. Девочки глубоко переживали, когда вопрос об их поведении, работе или учёбе выносился на обсуждение детского совета, ведь его решения были законом для каждой воспитанницы.

Методы воспитательной работы в институте характеризовались П. В. Поталаком следующими образами: «В каждом воспитаннике мы, прежде всего, ищем положительные качества и, опираясь на них, уже начинаем методику воспитательных воздействий на данного ребёнка. Стараемся его чем-нибудь заинтересовать, выявить его способности в какой-либо области, и даём все возможности для развития этих способностей. Ребёнок, увлекшись интересным для него делом, постепенно забывает плохое и, таким образом, исправляется».

П. В. Поталак и руководимый им педагогический коллектив внимательно изучали психологические особенности каждой воспитанницы, и давали тонкие индивидуальные характеристики. Чёткий режим, обучение в школе, трудовое воспитание (сельскохозяйственные работы в хозяйстве института, в ткацкой, швейной и трикотажной мастерских, а также по домоводству), налаженная работа комсомольской и пионерской организаций, хорошо поставленная физкультура, развитие внешкольной работы, в частности, хорового и музыкального кружков, педагогическое мастерство директора института П. В. Поталака и педагогического коллектива и умелый индивидуальный подход их к каждой воспитаннице, – всё это делало Институт трудового воспитания «Новая жизнь» замечательным воспитательным учреждением.

Одна из кировских студенток, Татьяна Борисовна Храбрикова, впоследствии кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, в своих воспоминаниях писала:

«Сюда пришли те, кто не ужился ни в семье, ни в школе, ни даже на улице. Здесь детям с тяжелой душевной травмой возвращают здоровье, душевное равновесие, жизнерадостность. Богатый арсенал методов используют для этого педагоги и воспитатели. Режим, лечебные процедуры, физическая культура, изобразительное творчество. Но главным средством неизменно оставался, труд, – учебный и производительный, обучение музыке и пению, занятия по ритмике, пластике и акробатике, – вот некоторые средства воспитания, применявшиеся здесь на основе глубокого изучения особенностей каждого ребёнка».

В основу учебно-воспитательной деятельности института были положены продуманные педагогические методы и приёмы. Это, прежде всего, индивидуальный подход к каждой воспитаннице, глубокое человеческое внимание к её личности. Вся педагогическая работа строилась на выявлении у ребёнка положительных качеств и их развитии.

Работу педагоги стремились соединять с перспективой, захватывающей целью. Однако изначально она строилась на конкретных заданиях, дававших быстрый позитивный результат. Педагогический коллектив исходил из того, что никогда не следует снижать темпов работы. Учителя стремились избегать производственных неполадок, никогда не оставляли воспитанницу без индивидуального внимания.

Немаловажное значение для успешного решения воспитательных задач имело максимальное вовлечение девушек в детские организации и внешкольную работу. Особое значение придавалось проявлению педагогического такта, единства требований, чёткости и чуткости, веры в исправление воспитанницы и направлению её усилий на создание веры в себя. Также педагогический коллектив придавал важное значение созданию детского общественного мнения путём длительной воспитательной работы, а также установлению положительных традиций учреждения.

При институте имелась водолечебница. Обходя помещения института, студентки повсюду отмечали чистоту, уют и даже относительное богатство. Тюль на окнах, ковры на полах, красивые покрывала на кроватках, и нигде ни пылинки, ни соринки. Не встретилось им ни одной комнаты, где бы была хоть одна кровать убрана небрежно, была бы смята салфетка на тумбочке или сбит на полу ковёр. Если раньше у студенток с понятиями «интернат» и «колония» ассоциировалось что-то казарменное, то привлекательные спальни и комнаты, большой гостиный зал с роялем, блестящим полом и розовыми шёл-

ковыми шторами, уютная столовая с белоснежными салфетками на столах создавали впечатление, что здесь жила и росла одна дружная, культурная семья, спаянная трудом и едиными интересами.

Вечером студентки познакомились с девочками-десятиклассницами. Они пригласили гостей в классную комнату и охотно рассказывали о своей жизни, о том, что готовятся стать воспитателями в детдомах, интересовались учебой в вузе. В их рассказах не было и тени недовольства своей жизнью. Только слышалась грусть, когда они говорили о близкой разлуке с подругами в связи с выпуском из института. Видно было, что живётся им здесь отрадно.

Побывали кировчанки в музее института, расположенном в отдельном здании. Здесь проходили вечера, сборы и другие мероприятия. В музее были собраны образцы изделий детей, в том числе вытканые из ткани и сплетённые ковры, «изображавшие товарищей Ленина, Сталина, Молотова и других вождей». Заинтересовали студенток альбомы, письма Н. К. Крупской.

Перевоспитание подростков в детском учреждении с особым режимом должно продолжаться и по выходе подростка в жизнь. Связь с бывшими воспитанницами имела большое значение для их дальнейшего продвижения в самостоятельной жизни. Известно, что иногда бывает достаточно вовремя сказанного слова или совета для того, чтобы предотвратить большой конфликт в жизни молодого человека. Вовремя поданная моральная и материальная поддержка играет очень большую роль.

Институт ежедневно получал письма от бывших воспитанниц, в которых они делились своей радостью по поводу достигнутого ими производственного успеха; спрашивали совета, как им поступить в том или ином случае. Некоторые просили им помочь, например, выслать валенки, так как наступает зима, а им не в чем ходить. Иные сообщали, что вышли замуж, родили ребёнка. Письма самые разные, и на все эти письма нужно ответить, разрешить жизненные вопросы и дать нужные советы. Многие бывшие воспитанницы проводили свои каникулы и даже отпуска в институте.

Самое главное при выходе воспитанниц в жизнь, – это направление их на работу или учебу, туда, где им нравится; причём такое направление должно быть им по силам. Важно было создать хотя бы удовлетворительные бытовые и внимание и культурные условия жизни для бывших воспитанниц.

Как же институт этого добивался? Прежде чем направить воспитанницу на производство, институт знакомился через своего специ-

ально выделенного лица (инспектора) с производством и бытовыми условиями, знакомил администрацию предприятия с характером и особенностями воспитанницы, налаживал связь с профсоюзными и комсомольскими организациями её будущей работы. Учебное заведение или производственный коллектив, конечно, ценили такую заинтересованность со стороны института в судьбах своих выпускниц, и поэтому тоже, в свою очередь, стремились находить подход к ним, изыскивали возможность сделать для них всё возможное, например, прикрепление стахановок для передачи производственного опыта, других опытных наставниц, на которых молодые девушки могли положиться.

Таким образом, работа такого учреждения как институт трудового воспитания, не оканчивалась с выходом воспитанниц за стены учреждения. На протяжении ещё двух-трёх лет они чувствовали заботу со стороны воспитателей.

День в институте «Новая жизнь» закончился для гостей душевной беседой за ужином. Пришли некоторые воспитатели, рассказывали много интересного из жизни института. К концу ужина все собрались вокруг П. В. Поталака, который спокойно, по-отечески заботливо говорил со студентками. От института осталось самое лучшее впечатление. Девушки возвращались домой с проявившейся у них готовностью идти по трудному и благодарному педагогическому пути, с чувством веры в свои силы. Хотелось жить и работать так, как жили и работали Поталак и его коллеги. Опыт работы, возглавлявшегося им учреждения, П. В. Поталак отразил в своей монографии, в которой он неоднократно ссылался на то, что в своей работе он вдохновлялся опытом А. С. Макаренко [88].

В 1960 г. старое здание усадьбы заменили на новое, кирпичное. Сейчас институт известен как Учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением, или «Чеховская спецшкола» (Поблизости город Чехов).

История отечественного образования XX в., в частности период 1920–1950-х гг., изучена в недостаточной степени, а это, в свою очередь, предполагает необходимость взвешенного и объективного изучения практического опыта передовых педагогов прошлого, которыми так богата наша страна. Освоение всего того позитивного, ценного, что было накоплено отечественной педагогикой в предшествующие исторические периоды, несомненно, будет способствовать обогащению современной теории и практики российского образования.

II.V. Макаренко или Сухомлинский?

Выдающийся отечественный педагог Василий Александрович Сухомлинский родился 28 сентября 1918 г. в селе Васильевка Александрийского уезда Херсонской губернии, ныне Кировоградской области Республики Украина, в бедняцкой семье. До Великой Октябрьской социалистической революции его отец Александр Емельянович работал по найму как плотник и столяр в помещичьих экономиях, занимался и в крестьянские хозяйства. В советское время он стал общественником-активистом, принимал участие в руководстве потребительской кооперацией, был активистом колхозного движения, выступал в газетах как селькор, заведовал колхозной избой-лабораторией, руководил трудовым обучением в семилетней школе. Мать, Оксана Иудовна, была домашней хозяйкой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с мужем они подняли на ноги четырёх детей: Василия, Ивана, Сергея и Меланию, и все они стали сельскими учителями.

Василий Сухомлинский учился вначале в Васильевской семилетке (1926–1933), где проявил себя как один из самых способных учеников. Впоследствии он вспоминал своих учителей с благодарностью. Но случались и курьёзные случаи. Вот один из них.

...Учитель географии в Васильевской школе был большим оригиналом. Он носил большой портфель, – для того времени редкость на селе. Портфель всегда был туго набит книгами. Какие это книги, никому из ребят не было известно, потому что учитель доставал из своего портфеля постоянно одну и ту же книжицу, на обложке которой красовалось извержение вулкана. И надо же было Василию спросить однажды учителя о вулканах. «Михайло Евдокимович, почему в Италии, или вот в Японии, или на Яве вулканы есть, а у нас их нет?» «Где это у нас? – настороженно спросил учитель. – И у нас на Камчатке есть. Ты что, урока не выучил?». «Я выучил, – возразил Василь. – Я спрашиваю про нашу Украину. Почему на Украине нет вулканов, а у них там есть?». Учитель прищурил глаза: «Ты зачем такие вопросы задаёшь? Ты ведь знаешь...». «Нет, Михайло Евдокимович, я не знаю...». «А если не знаешь, так я тебе «неуд» поставлю...» [92, с. 110–111].

Летом 1934 г. Сухомлинский поступил на подготовительные курсы при Кременчугском педагогическом институте и стал студентом факультета языка и литературы, но в связи с болезнью вынужден

был в 1935 г. прервать учёбу в вузе. В 1935 г. вышла в свет книга А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», и в тот же год Василий Сухомлинский, 17-летним юношей, начал своё служение на педагогической ниве. В 1935–1938 гг. он преподавал украинский язык и литературу в Васильевской и Зыбковской семилетних школах Онуфриевского района Кировоградской области. Своё обучение В. А. Сухомлинский продолжил в 1936–1939 гг. на заочном отделении Полтавского педагогического института, – ныне педагогический университет имени В. Г. Короленко, – где в течение двух лет получил сначала квалификацию учителя украинского языка и литературы неполной средней школы, а затем – учителя этих же предметов средней школы. С тёплым чувством вспоминал он годы обучения в Полтаве. «Мне, – писал Василий Александрович, – выпало счастье учиться в Полтавском педагогическом институте... Говорю – выпало счастье, ибо нас, двадцатилетних юношей и девушек, окружала в институте атмосфера творческой мысли, любознательности, жажды знаний. Я с гордостью называю Полтавский педагогический институт своей альма-матер...» [82, с. 152].

В. А. Сухомлинский был призван в армию в июле 1941 г. После непродолжительной подготовки в военно-политической академии он в звании младшего политрука воевал на Западном и Калининском фронтах, участвовал в Смоленском сражении и в битве под Москвой.

В январе 1942 г. был тяжело ранен осколком снаряда в область сердца. Чудом выжил и после выписки из уральского госпиталя был комиссован. В 1942–1944 гг. он работал директором школы в посёлке Ува Удмуртской АССР. (В некоторых публикациях ошибочно пишут *Уфа*). Возвратившись в родные места, он узнал, что его жена Вера, участвовавшая в партизанском движении, вместе с малолетним сыном были замучены фашистскими оккупантами. В 1944–1948 гг. В. А. Сухомлинский заведует Онуфриевским роно, с 1948 г. по день смерти (2 сентября 1970 г.) – директор Павлышской средней школы Онуфриевского района Кировоградской области Украинской ССР.

Вместе со своей второй женой Анной Ивановной они воспитали сына Сергея и дочь Ольгу. Ныне О. В. Сухомлинская – доктор педагогических наук, профессор, президент академии педагогических наук Украины. А. И. Сухомлинская работала в Павлышской школе вместе с Василием Александровичем, а ранее – инспектором роно в Удмуртской АССР. В. А. Сухомлинский не был обойдён наградами и вниманием со стороны властей. В 1958 г. он стал заслуженным учи-

телем школы Украинской ССР. Был награждён двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, а также медалями К. Д. Ушинского и А. С. Макаренко. Ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда (1968).

Научные достижения Сухомлинского нашли своё признание и в том, что ещё в 1957 г. он стал членом-корреспондентом АПН РСФСР. Позднее, в связи с реорганизацией АПН, – из российской во всесоюзную, – Василий Александрович был переутверждён в звании члена-корреспондента АПН СССР (1968). В 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Директор школы – организатор учебно-воспитательного процесса». Подготовил он и докторскую диссертацию, но в связи с безвременной кончиной не успел её защитить. Уже посмертно, в 1974 г. он стал лауреатом государственной премии УССР (1974) за книгу «Сердце отдаю детям», впервые вышедшую в свет в 1969 г. На корпусе №1 Полтавского педагогического института (сейчас – университет) по ул. Остроградского, дом 2 установлена мемориальная доска в честь Сухомлинского. В самом университете находится музей его имени.

В честь выдающегося педагога назван Николаевский национальный университет. Созданы международная ассоциация Сухомлинского и международное объединение исследователей наследия Сухомлинского, педагогический музей в Павлышской школе (1975).

В. А. Сухомлинского многое роднит с А. С. Макаренко, хотя они жили в разное время и осуществляли свою педагогическую деятельность в разных условиях, с различным контингентом детей. Их роднит, прежде всего, самоотверженность и полная самоотдача в работе; творческий подход, выразившийся, в частности, в том, что оба педагога оставили богатейшее научно-педагогическое литературное наследие, позволяющее новым поколениям педагогов учиться у своих великих предшественников. Они окончили один и тот же институт в Полтаве; вторая жена у каждого из них была инспектором отдела образования. Наконец, оба скончались в 52 года из-за болезни сердца. Сами фамилии Макаренко и Сухомлинский стали у нашего народа нарицательными, своего рода символами человечности, гуманности, школы, педагогики, воспитания, культуры. Это единственные в своем роде педагоги, которые (наряду с Ушинским) известны в нашей стране абсолютно всем, даже тем, кто не имеет никакого отношения к воспитанию детей.

Макаренко и Сухомлинский даже стали героями народного юмора. Приведём один из вариантов такого «бородатого» анекдота.

«Захожу как-то к соседу и вижу у него на вешалке висят два ремня. Один – солдатский, другой – обыкновенный, «гражданский». «Это что?», – спрашиваю. Тот отвечает: «Солдатский, это *Макаренко*, а тот, что помягче, *Сухомлинский*. Иначе – никак». Да, тяжёл труд родителя...».

В. А. Сухомлинский вовсе не был «простым учителем» в общепринятом, обычном смысле этого слова. Нет, это был образец учителя совершенно *нового типа*; он был едва ли не первым в стране учителем-исследователем; во всяком случае, первым учителем, имя которого стало известно всей стране, а его статьи и книги читали даже люди, в своей профессии далёкие от учительской работы. Конечно, для того, чтобы получить возможность излагать своё педагогическое видение на всю огромную советскую страну, ему было необходимо заручиться поддержкой столичных учёных.

Одним из таких учёных стала кандидат педагогических наук Ольга Сергеевна Богданова (8.02.1921–17.08.1993), научный руководитель по кандидатской диссертации автора данной монографии. В дальнейшем О. С. Богданова стала доктором педагогических наук, профессором, членом-корреспондентом АПН СССР (с 1992 г. – РАО).

В. А. Сухомлинский стремился не только осуществлять свою педагогическую деятельность максимально творчески, предельно насыщая её значительным количеством воспитательных мероприятий и дидактически обоснованных средств, но и в предельно яркой, художественно-литературной форме изложил свои достижения в огромном количестве книг (их вышло около тридцати) и статей в журналах и газетах (всего их опубликовано около пятисот).

Именно благодаря его выдающемуся литературному таланту современные педагоги, – учёные и практики, – имеют возможность и сегодня проникать в его творческую лабораторию.

В. А. Сухомлинский ещё в бытность студентом в Кременчуге сдружился с преподавателем педагогики, доцентом Григорием Михайловичем Боришпольцем, ставшим впоследствии его научным руководителем по кандидатской диссертации. Именно Боришполец познакомил Сухомлинского с директором НИИ педагогики Украины профессором Саввой Христофоровичем Чавдаровым, с легкой руки которого Павлышская школа стала экспериментальной площадкой, одной из первых в стране, – тогда эта форма научно-исследовательской работы только начинала появляться. Молодой директор школы увлёк идеей перестройки работы весь педагогический коллектив, детей и их родителей.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основывавшуюся на принципах гуманизма и патриотизма, на признании личности ребёнка высшей ценностью. Он трактовал педагогический процесс как единство трёх сил. В качестве первой выступает *развитие*, то есть раскрытие неотъемлемо присущих ребёнку внутренне заложенных, то есть врождённых, свойств и задатков способностей.

В качестве второй силы он выделял правильно организованное *воспитание*, – специально организованную деятельность, осуществляемую педагогами по специальному плану, в определённой последовательности и со специально поставленными задачами и целью. При этом воспитание понималось им в широком смысле слова, то есть как процесс, включающий и обучение.

Наконец, в качестве третьей силы большое значение Сухомлинским придавалось специально организованному *формирующему* личности ребёнка социуму. Лишь единство всех этих трёх сил, наполнение их соответствующим полезным для детей содержанием, позволяет надеяться на положительные результаты осуществления педагогического процесса.

В первой половине 1950-х гг. ещё очень ощущалось близкое по времени влияние недавно отгремевшей войны. Люди нуждались в самом необходимом, особенно на Украине, территория которой на протяжении первой половины XX в. неоднократно становилась ареной военных действий и противоборства враждебных друг другу социальных, политических и этнических сил.

Всё это крайне негативно сказывалось на нравственном развитии и психологическом самочувствии детей, многие из которых пережили ужасы оккупации, потеряли родных и близких, были сиротами, жили в крайней нужде.

В своём стремлении способствовать налаживанию нормальной материальной жизни учащихся В. А. Сухомлинский увлёк коллектив идеей организации опытнической работы и ученической производственной бригады. Бригада школы стала одной из первых в стране.

(Первой в 1954 г. была организована бригада Григорополисской школы на Ставропольщине).

Вслед за Макаренко Сухомлинский трактовал сельскохозяйственный труд, прежде всего, как основное средство развития личности. Педагог понимал, что производительный труд, к тому же, способствует профессиональной подготовке детей и подростков. Вместе

с тем, важное значение он придавал и переживанию школьниками положительных эмоций в процессе созидательного труда, эстетике его организации и формированию нравственных чувств в процессе трудовых отношений.

В начале 1960-х гг. важнейшей в педагогической деятельности и научно-педагогической работе стала для В. А. Сухомлинского проблема коммунистического воспитания.

Связано это было, прежде всего, с принятием в июле 1961 г. новой Программы КПСС, провозгласившей идею построения коммунизма в СССР к 1980 г. В Программу КПСС был включён раздел «Моральный кодекс строителя коммунизма». Небольшой по объёму, он был чрезвычайно ёмким по содержанию и включал в себя перечень тех качеств, которые должен был иметь «человек коммунистического будущего». Этот идеальный человек должен был сочетать в себе моральную чистоту, духовное богатство и физическое совершенство.

Коммунист В. А. Сухомлинский в своих произведениях неизменно подчёркивал свою лояльность партийным установлениям. Собственного говоря, у него не было иного выбора. Если бы он был дидактом, как, например, его старшие современники Б. П. Есипов, И. Т. Огородников, Ф. Ф. Королёв и М. А. Данилов, он мог бы ограничиться в своих трудах кратким, ни к чему не обязывающим упоминанием о «ведущей и направляющей роли КПСС».

Однако он, наряду, например, с академиком Э. И. Моносоном, писал почти исключительно о воспитании, которое по сравнению с обучением, значительно сильнее увязано с текущими политическими процессами. Поэтому в некоторых работах Сухомлинского встречаются панегирики в адрес КПСС и даже «лично тов. Л. И. Брежнева».

Современному молодому читателю, конечно, невдомек, что это было абсолютно неизбежно; без хвалебных ссылок на КПСС и её деятельность, а также на Ленина, Маркса и Энгельса не могла быть издана ни одна книга по педагогике; да что там книга! Даже статья в педагогическом (и, разумеется, не только в педагогическом) журнале должна была в обязательном порядке включать в себя ссылки на съезды и пленумы КПСС, партийные постановления и указания, цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма, о чём бы ни шла речь в этой статье!

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любой педагогический журнал или «Учительскую газету» «доперестроечного» периода (то есть до весны 1985 г.). Собственно говоря, точно

в таком же положении, только тремя десятилетиями раньше, находился и Макаренко. Для прохождения своих произведений через цензуру ему приходилось «славить» Сталина и Кирова, «восхищаться» «славной» деятельностью чекистов. Всё это входило в своеобразные «правила игры» с властью.

Однако, в связи с этим, перед современными издателями произведений авторов советского периода неизбежно встаёт мучительный вопрос: «А как печатать их труды?»

Ранее, в советский период, этот вопрос решался «очень просто»: печатали выборочно; всё то, что не совпадало с современным политическим положением, просто не печаталось. Однако с приходом «перестройки и гласности» печатать с «купюрами» стало «как-то неудобно». Поэтому вопрос стал решаться «ещё проще»: Макаренко и Сухомлинского с начала 1990-х гг. *просто не издают*, хотя по-прежнему «много хвалят»... Да, да, не издают. Для того, чтобы убедиться в этом, побывайте в любом книжном магазине.

И здесь нам хотелось бы привести историческую аналогию, имевшую место в совсем другую эпоху.

Известно, что в своё время одним из провозвестников буржуазной эпохи был Жан-Жак Руссо. Однако когда буржуазия пришла к власти, он стал ей не нужен. Н. К. Крупская в работе «Народное образование и демократия» писала: «Теперьшняя буржуазия относится к Руссо холодно, свысока, и хотя по традиции называет его «великим», но неизменно добавляет – «утопистом». Причём под утопией понимает не только то, что действительно утопично в произведениях Руссо, но и его демократизм, его уважение перед «человеком», перед «трудом». Не правда ли, всё это сказано как будто в наши дни и именно о Сухомлинском и Макаренко!

Вряд ли найдётся в нашей стране специалист в области образования, который бы стал оспаривать тезис о том, что современное российское школьное образование находится сейчас в полном разрыве с учением А. С. Макаренко о необходимости гармоничного сочетания умственного воспитания и трудового, а лучше всего, производственного, обучения.

Отсюда, по-видимому, следуют, как минимум, два важных вывода.

Первый вывод заключается в том, что Макаренко «устарел», и его идеи, востребованные в своё время, теперь «окончательно и бесповоротно» перешли в «ведомство» истории педагогики.

Второй вывод, прямо противоположный первому: педагогика Макаренко – «на все времена», и отечественной системе образования следовало бы всё более активно внедрять на практике её важнейшие положения.

Но вот каким путём в реальности пойдёт отечественная система образования, покажет только будущее.

Если в творчестве А. С. Макаренко ведущее место занимают *внешние* проявления жизни детей (труд, дисциплина, спортивные игры, художественная самодеятельность и т.п.), то В. А. Сухомлинский, сохраняя всё ценное, что есть в опыте Антона Семёновича, идёт как бы «вглубь»; его занимает, прежде всего, внутренний мир ребёнка, его душа.

Нам представляется, что павлышского педагога не вполне устраивал казавшийся аксиоматичным во времена его педагогической деятельности лозунг «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Ведь он считал, что главная задача педагога, – воспитать счастливых людей, а счастливые люди и страну сделают счастливой.

Разумеется, всей своей жизнью он доказал, что был великим патриотом и никто не сомневался в патриотичности его педагогической деятельности.

Противники В. А. Сухомлинского, упрекавшие его в проповедовании «абстрактного гуманизма», стремились в полной мере соответствовать установкам КПСС. Программа КПСС призывала учителей воспитывать строителей коммунистического общества.

При этом имелось в виду, что «когда богатства польются полным потоком и осуществится вековая мечта человечества – коммунизм», тогда и все люди станут счастливыми. А пока...

А пока надо трудиться, трудиться и трудиться, а счастье придёт само. Потом, в очень далёком и прекрасном будущем.

Но ведь уже тогда были миллионы счастливых людей; причём почему-то преимущественно как раз в тех странах, где и не думали строить счастливое коммунистическое будущее...

Традиционное представление об образовании как о процессе и результате усвоения знаний, умений и навыков, как об условии подготовки к жизни представлялось Сухомлинскому не вполне достаточным, поскольку такой подход определяет ученика только как пассивного потребителя, – в терминах современной педагогики *толерантного* и *социализуемого*, – готовящегося к выполнению *традиционных* общественных функций, и вовсе не нацеливает на рассмотрение его как конкретной, уникальной и активной личности

Однако ещё Н. А. Бердяев отмечал, что «если человека рассматривать исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, то есть об углублении процесса дегуманизации. Человек оказывается лишенным измерения глубины, он превращается в двумерное, плоскостное существо» [10, с. 34].

Личностная ориентированность образования, наряду с его социальной ориентированностью помогают человеку обрести не только общественный, но и индивидуальный, собственный смысл жизни, преодолеть «двумерность» и «плоскостность» [80, с. 6].

Богатый опыт, накопленный коллективом Павлышской школы в деле коммунистического воспитания учащихся, нашёл отражение в большой монографии В. А. Сухомлинского «Формирование коммунистических убеждений молодого поколения», написанной в 1959–1960 гг. и изданной издательством АПН РСФСР в Москве в 1961 г.

Книга привлекла самое пристальное внимание учёных и рядовых педагогов. Её обсуждению, в котором принял участие и сам автор, было даже посвящено специальное заседание АПН РСФСР 11 апреля 1962 г. (отчёт опубликован в журнале «Советская педагогика», № 6, 1962 г.).

В своей работе автор одним из первых в отечественной педагогике сделал попытку определить систему формирования нравственных убеждений подрастающего поколения. Особый акцент был сделан учёным на вопросе о взаимосвязи нравственного, трудового и интеллектуального развития школьников.

В педагогической науке и практике, тогда и сейчас, необходимость такой взаимосвязи, разумеется, никем не оспаривается; в то же время, добиться этой взаимосвязи удаётся в реальной школьной жизни совсем немногим, – всегда что-то превалирует, а что-то отстаёт. В итоге, получается, что личность формируется дисгармонично.

Проблема формирования всесторонне и гармонично развитой личности была, разумеется, актуальна во все времена, но она приобрела особую значимость в наше время в связи со стремительным развитием научных и промышленных технологий, в условиях беспрецедентного роста значимости так называемого человеческого фактора, когда неадекватные, безответственные или безнравственные действия тех или иных людей (специалистов, политиков, руководителей разного уровня) приводят к многочисленным катастрофам, жертвам, материальным потерям и страданиям большого количества людей.

Увы, в современной отечественной педагогической мысли само понятие «всесторонняя и гармонично развитая личность» зачастую «укладывается» в одну парадигму с такими лексемами как «проклятое коммунистическое прошлое», «ежовые рукавицы», «брежневская эпоха застоя», «горбачевская катастрофа» и т. п.

Многие работы В. А. Сухомлинского были изданы лишь после смерти автора. Такая судьба постигла, в частности, его книгу «Как воспитать настоящего человека (Советы воспитателям)» (1967–1970), написанную в форме цикла поучений, направленных на воспитание у детей советского патриотизма, коммунистической идейности, высокой гражданственности, социалистического гуманизма, любви к знаниям, к учителю, глубокого понимания красоты и т. д.

Помещённые в книге этические беседы состоят из двух частей: 1-я часть представляет собой фактический материал, адресованный детям; 2-я часть включает методический иллюстративный материал для педагога-воспитателя, содержащий много притч, новелл, сказок и легенд. Художественно-иллюстративный материал к поучениям, изложенным в книге, Сухомлинский подготовил также в форме хрестоматии по этике, которая составила пятитомный сборник рассказов и сказок, предназначенный для проведения воспитательной работы с детьми различного возраста.

В наиболее полном виде свои гуманистические идеи В. А. Сухомлинский выразил в работе «Этюды о коммунистическом воспитании» (1967). Ведущими идеями книги выступили: ограничение сферы влияния коллектива на личность, воспитание без наказания, признание самоценности и неповторимости каждой отдельно взятой личности, предоставление ребёнку свободы выбора (интеллектуального, профессионального, нравственного).

Указанные идеи входили в явное противоречие с официально установленной идеологией. Некоторые видные в то время учёные (В. М. Коротов, Б. Т. Лихачев, Л. Ю. Гордин, И. Ф. Козлов, – автор первой диссертации о Макаренко, защищённой в июне 1941 г.), увидели в этом отказ от ставшего «классическим» наследия Макаренко.

Особенно возмущал их отход Сухомлинского от макаренковской идеи «воспитания в коллективе, посредством коллектива и для коллектива». Разумеется, этой идее Макаренко неуклонно следовал на практике, хотя в его текстах вообще нет такого выражения. В. А. Сухомлинский был фактически обвинён в отступлении от коммунистических идеалов и в провозглашении идеологии «абстрактного гуманизма».

Свои статьи указанные авторы публиковали в журнале «Народное образование». В этих материалах явственно, хотя и между строк, читалась мысль о том, что коммунистическая фразеология, используемая Сухомлинским, выступает лишь как прикрытие для выражения автором своих *истинных* мыслей.

Самое любопытное состоит в том, что сейчас, по прошествии более чем полувека со дня смерти Сухомлинского, становится совершенно очевидным, что эти авторы были совершенно правы.

Как раз в этот период времени в ряде стран народной демократии росло количество сторонников социализма «с человеческим лицом», набирала политический вес «пражская весна», в СССР прошёл первый процесс над «инакомыслящими» диссидентами (А. Синявский и Ю. Даниэль), появились так называемые «шестидесятники». Поэтому критика идей Сухомлинского несла в себе своеобразный подтекст; о нём, этом подтексте, никто вслух не говорил, но он явственно ощущался и подразумевался. Разумеется, времена физической расправы с неугодными и инакомыслящими педагогами давно миновали и Сухомлинскому, в отличие от того же Макаренко, не приходилось опасаться за свою жизнь. Василий Александрович, как и прежде, успешно работал, получал заслуженные награды; был на Украине, своего рода, живой легендой.

И всё-таки, эти нападки помешали ему защитить докторскую диссертацию; целый ряд крупных произведений Сухомлинского увидел свет лишь после смерти автора, тогда, когда он уже перестал мешать своим оппонентом и всеми был признан «классиком», повторив и в этом судьбу А. С. Макаренко.

Своеобразным «манифестом» вышеуказанных авторов стала их книга «Методика воспитательного процесса: Лекции по педагогике» (М., 1969). Красной линией через всю монографию проходит мысль о необходимости строгого и неукоснительного следования заветам Макаренко. Причём из всего богатейшего наследия Антона Семёновича ими взяты лишь те положения, в которых Макаренко и Сухомлинский расходятся во взглядах.

Примечательно, что при этом фамилия Сухомлинского *ни разу не упоминается* на протяжении всех 336 страниц книги!

Главным средством воспитания вышеуказанные авторы видят *внешнее педагогическое воздействие*. Центральное место в своей работе они уделяют раскрытию методики требования и наказания.

Вот, оказывается, чем должен заниматься педагог! Спору нет, и требование, и наказание вправе занимать своё, причём весьма огра-

ниченное, место в педагогическом арсенале средств. Однако это лишь часть этого арсенала, и при этом далеко не самая важная, что и пытался доказать Сухомлинский, демонстрируя в своих работах то, что отрицали сторонники авторитарной педагогики.

Со времени этого спора прошли десятилетия. Автор данной монографии был хорошо знаком с Борисом Тимофеевичем Лихачёвым, Львом Юльевичем Гординым, Виктором Михайловичем Коротовым. Последний, в частности, был директором НИИ ОПВ АПН СССР, в те годы, когда автор этих слов был там аспирантом.

Все трое запомнились нам исключительно порядочными людьми, крупными учёными, много сделавшими для подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, то есть кандидатов и докторов наук.

Их позиция, с одной стороны, и позиция Сухомлинского, с другой стороны, были, в сущности, двумя сторонами одной медали, а именно того, что именуется «советской педагогикой». Просто они несколько по разному понимали цели воспитания и пути достижения этих целей, но каждый из них прожил достойную, наполненную научными и иными достижениями жизнь.

В. А. Сухомлинский стремился к воспитанию «мыслящих личностей, а не беспрекословно выполняющих партийные решения «винтиков». Он был категорически против нивелирования личности и авторитарной педагогики, утверждал приоритет интересов личности над интересами коллектива [81, с. 360].

Подспудно в трудах Сухомлинского пробивается мысль о том, что, не коллектив, который, как известно, является конструкцией временной, обречённой не только на постоянные изменения, но и на неизбежную и весьма скорую гибель, а именно ребёнок является центром приложения усилий педагога. Ребёнок и его внутренний мир, духовное и физическое развитие должны выступать в качестве объекта воспитания. В. А. Сухомлинского заботили, прежде всего, проблемы индивидуального воспитания детей, выработки у них чёткой мировоззренческой позиции, привития им эмоциональной культуры.

В структуру педагогической науки Сухомлинский включал такие категории этики, как совесть, долг, честь, достоинство, свобода, добро и т. п., чем, несомненно, раздражал тех «теоретиков-педагогов», обладавших высокими учёными степенями и званиями, но никогда не работавших с реальными детьми, и считавших, что педагогика есть наука, основные понятия которой должны быть установлены «раз и навсегда».

Неудивительно, что в учебниках педагогики не встретишь, например, главы о том, что делать педагогу для установления дисциплины в классе, привития у детей интереса к учёбе и тому подобным вопросам, которые как раз особенно и интересуют учителя.

Сухомлинский строил процесс обучения как радостный труд; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений.

Особенностью педагогического наследия В. А. Сухомлинского является то, что применяемые им педагогические средства осуществлялись через художественные образы в форме разного рода притчей, сказок, поучений, наставлений, легенд, поверий и т. п., через культурную основу воспитания, народные, прежде всего украинские, этнопедагогические ценности.

В связи с этим пересказывать содержание произведений Сухомлинского представляется весьма затруднительным делом; это своего рода «поток сознания» в «педагогическом варианте». Их надо читать, в их содержание нужно вживаться...

В своих последних произведениях, таких как «Рождение гражданина», «Сто советов учителю», «Разговор с молодым директором школы», «Мудрая власть коллектива» (другое название – «Методика организации коллектива»), «Духовный мир школьника», «Разговор с сыном», «Письма к сыну», Сухомлинский отходит от акцента на всестороннее развитие личности, и больше внимания уделяет идее иерархичности воспитания; ведущей сферой им теперь признаётся духовность.

В советской педагогике В. А. Сухомлинский одним из первых стал развивать гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли. Совместное с детьми сочинение сказок и художественных миниатюр служило для Сухомлинского средством развития эмоционально-образного мышления детей.

Он разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». Самая сущность этики воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верил в реальность, осуществимость и достижимость воспитательного идеала, измерял свой труд критерием и меркой идеального.

Особенно ярко методика их использования показана в книге «Сердце отдаю детям» (1969), в которой педагог подводит итоги сво-

ей насыщенной плодотворной научной и практической педагогической деятельности.

Чрезвычайно ценной для современного педагога мы считаем книгу «Павлышская средняя школа», в которой в систематизированном виде изложено педагогическое кредо В. А. Сухомлинского, изложенное им последовательно и всесторонне.

Каждая глава книги посвящена раскрытию то или иной стороны деятельности, возглавлявшейся им школы: создание педагогического коллектива, материальная база школы, забота о здоровье и физическое воспитание детей, нравственное воспитание, умственное воспитание, трудовое воспитание, эстетическое воспитание.

При этом автор, разумеется, не ставил перед собой задачи «выдать на гора» ещё один образец схоластического учебника педагогики. Читая эту, как, впрочем, и другие книги Сухомлинского, педагог школы получает исчерпывающий ответ на вопрос «Что делать?».

В. А. Сухомлинский имел свои взгляды на роль и значение учителя в жизни ребёнка. Профессию учителя он называл *человековедением*, подчёркивая тем самым то важное обстоятельство, что педагог должен постоянно проникать в сложный духовный мир ученика, открывать в нём что-то новое, восхищаться этим новым, видеть человека в процессе его становления. У педагога должны быть призвание и беспредельная вера в ребёнка и в силу воспитания. Он говорил: «Я вижу воспитательный смысл в том, чтобы ребёнок видел, понимал, ощущал, переживал, постигал как большую тайну, приобщение к жизни в природе...» [82, с. 157].

В книге «Сердце отдаю детям» В. А. Сухомлинский даёт учителям совет: «Идите в поле, в парк, пейте из источника мысли, и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми; исследователями, пытливыми, любознательными людьми и поэтами».

Он отмечал, что «вывести детей на лужайку, побывать с ними в лесу, в парке, – дело значительно более сложное, чем провести уроки». На организацию экскурсии учителю надо уделять столько же времени и внимания, как на организацию урока, а то и больше. Случается, что учителя проводят экскурсии «спустя рукава», не готовясь к ней вовсе. Но и при подготовке следует учитывать, что не обязательно все время экскурсии должно быть занято разговорами.

Сухомлинский отмечал: «Детям не надо много говорить, не надо пичкать их рассказами; слово не забава, а словесное пресыщение, – одно из самых вредных пресыщений. Ребёнку нужно не только слу-

шать слово воспитателя, но и молчать; в эти мгновения он думает, осмысливает услышанное и увиденное. Нельзя превращать детей в пассивный объект восприятия слов. Среди природы ребёнку надо дать возможность послушать, посмотреть, почувствовать» [82, с. 158].

Отношение детей к объектам природы известный педагог тесно связывал с тем, что природа это наш родной край, земля, которая нас вырастила и кормит, это земля, преобразованная нашим трудом.

В. А. Сухомлинский неоднократно отмечал, что сама природа не воспитывает; воспитывает только активное взаимодействие с ней. «Меня поражало, – говорил он, – что восхищение детей красотой переплеталось равнодушием к судьбе прекрасного. Любование красотой, это лишь первый росток доброго чувства, которое надо развивать, превращать в активное стремление к деятельности» [82, с. 158]. Он любил повторять слова немецкого поэта Ф. Шиллера: «Кто красоту не может защитить, её златой награды недостоин».

В. А. Сухомлинский предлагал для реального воплощения этого положения в действие создавать «живые уголки», где все дети могли бы принять участие в уходе за животными, организовать «птичью» и «звериную» лечебницы, садить растения. Чтобы ребёнок научился понимать природу, чувствовать её красоту, читать её язык и беречь её богатства, нужно прививать все чувство любви к природе с раннего возраста.

Сухомлинский писал: «Опыт показывает, что добрые чувства должны уходить своими корнями в детство, а человечность, доброта, ласка, доброжелательность рождается в труде, заботах, волнениях о красоте окружающего мира» [82, с. 158].

Сухомлинского многое роднило не только с Макаренко, но и с другими великими педагогами. Так, в построении диалогического общения видели способ осуществления воспитания В. А. Сухомлинский и польский педагог-гуманист Януш Корчак; они выделяли при этом ряд следующих его характеристики.

Во-первых, равенство позиций воспитателя и воспитуемого, которое выражается в том, что ученик является активным субъектом воспитания и самовоспитания, имеет возможность воздействия на воспитателя.

Во-вторых, познание, изучение ребёнка является основным стержнем, на котором строится всё общение с ним.

В-третьих, результаты общения не сводятся к оцениванию; подход к воспитаннику через усиление положительных личностных ка-

честв и устремлений, активизация его сильных сторон на борьбу с собственными слабостями таким образом, чтобы ребёнок, получая от воспитателя сведения о себе, учился давать себе оценки сам.

В-четвёртых, подчеркивалась необходимость искренности и естественности в проявлении эмоций. Центральная роль в реализации принципа самовоспитания принадлежит воспитателю.

Опыт В. А. Сухомлинского показывает, что общение-диалог развивает у воспитателя и воспитанников уверенность в собственных силах и критичность в отношении к себе, доверие и требовательность к окружающим людям, готовность к творческому решению встающих проблем и веру в возможность их решения.

В. А. Сухомлинский рассматривал диалог как средство «духовного общения, обмена духовными ценностями», пробуждения взаимного интереса педагога и учащегося.

Еще раз подчеркнём, что В. А. Сухомлинский – талантливый педагог и человек большой душевной щедрости, посвятивший свою жизнь детям и раздумьям об их воспитании. Его книги явились редким в 1950–1960-е гг. примером гуманной педагогики, нашедшей блестящее воплощение в практике работы его «школы радости».

Педагогические идеи Сухомлинского представляются актуальными и в наше время. Искренняя любовь к детям, романтическая устремленность личности, страстность и убежденность отличали выдающегося педагога Василия Александровича Сухомлинского.

Замечательный педагог-новатор, страстный публицист, он продолжил и творчески развил лучшие традиции советских педагогов. Ещё при жизни о В. А. Сухомлинском говорили: не человек, а целое научное учреждение.

Творчество Сухомлинского сравнивали с вечнозелёным деревом, у которого гибкие корни, крепкий ствол и раскидистая крона, ветви которой из года в год дают новые побеги. Он до последнего дня жизни оставался директором Павлышской школы, обычной сельской школы, в которой учились обыкновенные деревенские ребята.

Жизнь Сухомлинского была без остатка отдана воспитанию детей, развитию личности полноценного гражданина – патриота своей Родины. В условиях господства жёсткого атеизма, тоталитарной системы и политической ксенофобии он воспитывал в детях чувство достоинства, качества гражданина и прожил яркую педагогическую жизнь, оставил богатое педагогическое наследие, дал путёвку к жизни и успеху не только школьной молодёжи, но и целой плеяде талантливых педагогов.

II.VI. Педагоги-новаторы 1980-х гг.

Автор данной монографии посчитал необходимым включить в неё главу о педагогах-новаторах 1980-х гг. При этом автор отчётливо понимает, что те, о ком идёт речь в данной главе, не являются напрямую проповедниками системы А. С. Макаренко, да и известными многие педагоги-новаторы стали, прежде всего, именно как учителя-предметники, и в меньшей степени как воспитатели.

К тому же, никто из них не заводил в своих школах подсобное хозяйство, не организовывал производительный труд детей.

Тем не менее, объединяет их с А. С. Макаренко главное, а именно любовь к ребёнку, стремление сделать его счастливым, подготовленным к жизни в обществе.

В октябре 1986 г. в педагогической жизни страны произошло событие, которому суждено было надолго стать катализатором объявленной двумя года ранее реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

По инициативе Владимира Фёдоровича Матвеева, главного редактора «Учительской газеты», издания, активно выступавшего с новаторских позиций за действительную перестройку и демократизацию отечественного образования, в подмосковном поселке Переделкино была организована двухдневная творческая встреча группы известных педагогов-практиков.

Назовём их поименно. Это: учитель начальных классов школы № 587 г. Москвы Софья Николаевна Лысенкова; учитель математики и физики школы №5 г. Донецка Виктор Фёдорович Шаталов; учитель труда и рисования школы № 2 г. Реутово Московской области, кандидат педагогических наук Игорь Павлович Волков; старший научный сотрудник НИИ ОПВ АПН СССР Михаил Петрович Щетинин; учитель русского языка и литературы школы № 307 г. Ленинграда Евгений Николаевич Ильин; профессор, доктор психологических наук, директор научно-производственного педагогического объединения в г. Тбилиси Шалва Александрович Амонашвили; директор школы № 825 г. Москвы Владимир Абрамович Каракровский, а также известные всей стране по документальным фильмам и своим книгам многодетные родители, мастера семейного воспитания, супруги Лена Алексеевна и Борис Павлович Никитины.

Итогом встречи стала подготовленная учителями-экспериментаторами статья под названием «Педагогика сотрудничества», опубли-

ликованная в «Учительской газете» 18.10.1986 г. Эту дату и принято считать хронологической точкой отсчёта движения педагогов-новаторов, а сама статья стала именоваться в прессе не иначе как «Переделкинский манифест».

В последующие два года состоялись ещё три подобные встречи, на которых были приняты, и опубликованы в «Учительской газете», отчёты под многозначительными названиями: «Демократизация личности» (17.10.1987), «Методика обновления» (19.03.1988), «Войдём в новую школу» (18.10.1988).

В некоторых встречах принимали участие видные представители психолого-педагогической науки (Э. Д. Днепров, В. П. Зинченко, В. В. Давыдов), публицист С. Л. Соловейчик, художник-педагог Б. М. Неменский и др.

В эту группу принято включать и ленинградского профессора Игоря Петровича Иванова, разрабатывавшего в теории и проводившего в жизнь на протяжении почти сорока лет идеи коммунарской педагогики, которую принято считать предшественницей «педагогики сотрудничества».

Педагогическое творчество каждого из названных выше, и целого ряда других, педагогов включало значительное количество публикаций, в том числе монографий и методических пособий.

Укажем лишь некоторые из них: *Амонашвили Ш. А. Как живёте, дети? М., 1986. 176 с.* *Волков И. П. Приобщение школьников к творчеству. М., 1982. 116 с.* *Иванов И. П. Воспитывать коллективистов. М., 1982. 62 с.* *Ильин Е. Н. Рождение урока. М., 1986. 180 с.* *Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы, наши дети и внуки. Петрозаводск, 1990. 160 с.* *Педагогический поиск: сост. И. Н. Баженова. М., 1987. 542 с.* *Шаталов В. Ф. Куда и как исчезли тройки. М., 1979. 116 с.*

Отметим также, что идеи названных учителей в полной мере разделяли и развивали и многие другие, известные всей стране педагоги-практики, такие как Татьяна Ивановна Гончарова, Николай Петрович Гузик, Александр Фёдорович Иванов и др.; они также излагали свои взгляды в публикациях, ставших в 1980-е гг. своего рода педагогическими «бестселлерами» [16; 20; 22].

В работе над своей монографией мы использовали как публикации вышеуказанных педагогов, так и впечатления от непосредственного общения с ними (А. Ф. Иванов, В. А. Караковский, С. Н. Лысенкова, Б. П. Никитин и др.). Теперь, по прошествии почти сорока лет, когда в силу естественных причин все «отцы-основатели» педагогики

сотрудничества закончили активную педагогическую деятельность, а многих, увы, уже нет в живых (И. П. Волков, А. Ф. Иванов, И. П. Иванов, В. А. Караковский, С. Н. Лысенкова, В. Ф. Матвеев, Б. П. Никитин, С. Л. Соловейчик), представляется важным и полезным обратиться к их научно-педагогическому и практическому наследию, попытаться выделить предлагавшиеся ими те конкретные новаторские идеи, которые и составляют суть педагогики сотрудничества.

Прежде всего, следует отметить, что к середине 1980-х гг. в отношениях учителя и ученика произошли глубокие изменения. Важной причиной этого стало постановление ЦК КПСС и правительства СССР по школе (1977 г.), провозгласившее, среди прочего, срочный переход к всеобщему среднему образованию, а позднее и документы реформы школы (1984).

Прежде ученик, не желавший учиться, нередко становился второгодником, а то и выбывал из школы. С введением всеобщего среднего образования и фактического запрета на отчисление из школы все эти ученики продолжали оставаться в классе. А как учить тех, кто не хочет учиться?

Поколение учителей эпохи «перестройки» стало первым в истории образования в нашей стране, кому выпало учить детей без выбора и отсева. Приёмы и навыки такого обучения «в наследство» они не получили, и должны были вырабатывать их сами. То, о чём веками мечтали выдающиеся педагоги-гуманисты (обязательное среднее образование для всех детей), то для педагогов 1970–1980-х гг. стало обыденной реальностью.

Но все ли педагоги были готовы к работе в условиях всеобщего среднего образования? Очевидно, нет, ибо не каждый оказался в состоянии отыскать в своём педагогическом арсенале новые стимулы для детского учения.

Итак, внешних побудителей к учебе почти не осталось, способов к принуждению вообще нет, на всеобщий интерес к учебному предмету рассчитывать не приходится... Что же остаётся?

Перед нами есть лишь один путь, – рассуждали передовые педагоги эпохи перестройки, – мы должны вовлекать детей в общий труд учения, вызывая у них радостное чувство успеха, движения вперед, развития; иначе детей не выучишь. Результат учения равен произведению способностей на старательность. Если старательность равна нулю, то и всё произведение обращается в нуль. Нужна *новая* педагогика, которая отличалась бы от прежней педагогики тем, что делает

упор на вовлечение детей в учение, на совместный труд учителя и детей. Ее можно назвать *педагогикой сотрудничества*.

Именно в сотрудничестве глубинно совпадают цели и средства, обучение и воспитание. Центральная точка педагогики сотрудничества, – исключение принуждения к учению. Педагог должен обходиться без него, как по соображением гуманности, так и в силу того, что средств принуждения в его распоряжении просто не осталось.

Педагогика сотрудничества направлена на то, чтобы дать ребенку уверенность в том, что он непременно добьётся успеха, если научиться его трудиться и не допускать отставания. А для этого необходимо развивать даже самые малые способности детей и вызывать у них общественные чувства; это и есть, по мнению педагогов-новаторов, два условия, необходимые для осуществления на практике педагогики сотрудничества.

Рассмотрим подробнее, последовательно ключевые идеи указанных нами выше педагогов, иными словами, идеи педагогики сотрудничества.

Идея содержания личности. Педагоги-новаторы справедливо полагали, что для учителя-практика представляет неподъёмную трудность выявление тех позитивных (или негативных) изменений, которые происходят в развитии личности ребёнка. «Развитие никак не измерить, поскольку само развитие, т.е. переход из одного состояния в другое, сложно уловить». Вместо этого ими предлагалось понятие «содержание личности», включающее такие наглядные и зримые компоненты, как нравственность, культура, мировоззрение, идейность, кругозор, физическое совершенство, готовность к выбору профессии и др. Тем самым, ими был сделан важный шаг, на который десятилетиями по понятным причинам никто не решался: от демагогического и расплывчатого «всестороннего развития личности» к значительно более реальному «разностороннему развитию личности». Такое уточнение цели образовательной работы значительно конкретизировало сам объект приложения педагогических усилий.

Идея личностного подхода. Педагоги-новаторы были убеждены в необходимости именно *личностного*, а не *индивидуального* подхода. В школу приходят не только ученики, – существа, занятые учением. Нет, перед нами личности! Каждый ребёнок приносит в школу свой мир чувств и переживаний, принципиально не отличающийся от внутреннего мира учителя. В этом смысле педагог и ребёнок равны; они оба знают радость, страдание, стыд, страх, удовлетворение, чувство поражения и победы.

Сколько бы ни говорили о необходимости индивидуального подхода, учитель, перегруженный делами, реально не может осуществить его в полной мере.

Педагогика сотрудничества вырабатывает такие приёмы, при которых каждый ученик чувствует себя личностью, ощущает внимание учителя лично к нему. Это проявляется в том, что каждый ребёнок на уроке получает оценку своего труда; каждый выбирает задачи по своему вкусу; внешкольное творчество каждого получает признание и оценку; каждый школьник на самом деле, а не на словах уважаем и уверен в том, что никто не оскорбит его подозрением в неспособности; все защищены в классе (в школе). Учащихся, которые вырастают в атмосфере сотрудничества, можно охарактеризовать так: все они умеют и любят думать; процедура мышления есть ценность для них. Все дети проявляют дидактические способности, и каждый в состоянии объяснить непонятый материал своему товарищу.

Идея развития творческих и исполнительских способностей. Нередко встречаемая в школе ориентация лишь на исполнительские способности глушит в человеке главное, – его способности к творчеству, самостоятельность мысли. Нередко самые способные в творческом отношении ученики, оказываются в числе «худших», поскольку они, де, не в ту сторону «закруглили палочку» (на уроке чистописания).

Идея трудной цели. Для поддержания духа сотрудничества нужно ставить перед детьми как можно более сложную цель, указывать на ее исключительную трудность и внушать при этом уверенность, что цель будет непременно достигнута, тема будет хорошо изучена. Учеников в этом случае объединяет не просто цель, – цель сама по себе может быть и не такой уж интересной, – а именно вера в возможность преодоления трудности. Без общего воодушевления сотрудничества с детьми добиться трудно.

Идея опоры. Педагоги-новаторы отвергают деление учащихся по способностям и их дифференциацию даже на уровне помощи или предъявления заданий («тебе – задача полегче, а тебе – потруднее»), поскольку они в принципе против дополнительных занятий, особенно с маленькими детьми; против всего того, что может вызвать у ребёнка подозрение в том, не считают ли его «учеником второго сорта». Однако в каждом классе обучаются дети с очень разными способностями. Как быть?

Не сговариваясь друг с другом, педагоги-новаторы пришли к идее опоры; это опорный сигнал у В. Ф. Шаталова, схемы С. Н. Лы-

сенковой, зримая модель поведения в методике творческого поведения (И. П. Иванов), опорная деталь у Е. Н. Ильина, певческий алгоритм в методике Д. Е. Огороднева... Формы опор самые разные, но общий принцип един: они позволяют даже слабому ученику отвечать у доски достаточно свободно, не задерживая класс и не сбивая темп урока.

Перед учеником должна быть опора. Это не наглядное пособие в виде таблиц, а путеводная нить рассказа, зримые правила или способы решения задачи. Слабые ученики пользуются опорой дольше, чем сильные, но это различие в классе незаметно; все, в итоге, отвечают уверенно и заслуженно получают хорошие отметки [24; 45; 107]. Особенно подробно идея опоры в форме набора ключевых слов, знаков и других опор для мысли особым образом расположенных на листе, разработана в методике В. Ф. Шаталова [106].

Сигнал позволяет ученикам свертывать и развертывать предъявляемый для изучения текст, и сама эта операция свертывания и развертывания, доступная каждому ученику, сильно облегчает понимание и запоминание материала, и полностью исключает необходимость зубрежки. Ученики не только следят за мыслью учителя во время его рассказа, но они теперь могут и сами проходить «путями учительской мысли», как по лабиринту.

Идея оценки работ. Конспекты В. Ф. Шаталова привлекли всеобщее внимание педагогов. Они были опубликованы в ряде его книг; ими пользовались, разумеется, с соответствующими поправками, учителя и преподаватели многих предметов.

Секрет успеха состоял еще и в том, что опорные сигналы позволяют решать сложнейшую педагогическую проблему массового обучения, – они дают возможность проверить домашнюю работу ученика в свернутом виде; при этом одного взгляда учителя на опорный сигнал достаточно, чтобы справедливо оценить работу каждого ученика на каждом уроке. Это побуждает ученика работать систематически. В итоге, он быстрее развивается и больше не числится в отстающих. Это так его воодушевляет, что дальнейшая работа в атмосфере успеха ему в радость.

Успех детей зависит и от повторения. Многократное повторение с включением зрительной, слуховой и моторной памяти приводит к тому, что хочет ученик или не хочет, он все равно будет знать и уметь все, что требуется.

Шаталов в шутку называл свою методику обучения «системой соленого огурца»: у огурца ведь не спрашивают, хочет он пойти на

засолку или нет; его просто бросают в банку, и он доходит до готовности «независимо от своего желания». Так и ученика не спрашивают, есть у него желание или нет осваивать учебный материал: если ученик присутствует на занятии, он непременно будет успевать.

В итоге, ребенку можно ставить отметку, а можно и не ставить. Ш. А. Амонашвили вообще не ставил маленьким детям отметки [1]. В. Ф. Шаталов в случае невыполнения работы оставлял пустую клетку в ведомости ежедневного учета знаний.

Идея свободного выбора. Для того чтобы дети чувствовали себя сотрудниками педагога в учении, надо, где только можно, предоставлять им свободный выбор. Амонашвили оставлял на выбор детей, какую задачу им предстоит решать. Шаталов задавал ученику избыточное количество задач и оставлял за ним право самому решать, какие решать. У Лысенковой дети выбирали, какие трудные слова учитель должен написать на доске при работе над изложением. Волков давал детям тему («делаем самолеты»), но как делать, из чего, – предоставлял на выбор ребенка. Свобода выбора – самый естественный шаг к развитию творческой мысли.

Идея перевоплощения. Дети быстро развиваются, когда играют роль учителя. У С. Н. Лысенковой все ученики по очереди «вели класс», то есть вслух комментировали выполняемую письменную работу. Как настоящие педагоги, учили второклассников старшие ребята И. П. Волкова [12]. Старшеклассники В. Ф. Шаталова проверяли тетради младшего класса. Ученики должны помогать друг другу, но нельзя, чтобы они ставили отметки.

Идея опережения. Опережение программы доставляет ученикам удовольствие, вызывает чувство гордости. Обычно учитель оперирует понятием «вчера (или сегодня) на уроке мы с вами...». С. Н. Лысенкова сделала попытку ввести на уроке «завтра». Исподволь, заранее подбираясь к будущей сложной теме, она давала детям время «для созревания мысли».

Идея крупных блоков. Опыт показывает, что когда материал сводится в крупные блоки, то появляется возможность значительно увеличить объем изучаемого при резком снижении нагрузки на ученика. По десять–двадцать уроков объединял в один блок В. Ф. Шаталов. На одном уроке раскрывал красоту и смысл большого произведения Е. Н. Ильин. Сводил в единое навыки, необходимые для разных видов труда И. П. Волков. Подробно разрабатывал способы преподавания крупными блоками педагог из г. Элисты Пюрвя Мучкае-

вич Эрдниева. По пять–шесть творческих дел проводили в день на коммунарских сборах, организованных в соответствии с методикой И. П. Иванова. Экспериментировал с идеей «погружения» М. П. Щетинин [110].

Педагоги-новаторы считали, что в крупном блоке легче устанавливаются логические связи, проще выделить ведущую мысль и показать ее ученикам. Изучение материала блоками освобождает ребенка от страха перед трудностями: блок пройден, основная мысль схвачена, и ученик не боится, что он не поймет ее и отстанет от других детей. Он спокойно работает дальше, постепенно уясняя детали и подробности.

Идея соответствующей формы. Урок должен по форме отвечать изучаемому предмету. На уроках математики Шаталов, доказывая теорему, стремился к тому, чтобы не допускать ни одного лишнего слова, – рассказ учителя должен быть абсолютно точным. На уроках творчества Волкова дети шумели, теребили учителя, обращались к нему с тысячей вопросов. Ильин, анализируя художественное произведение, добивался, чтобы и анализ имел художественную форму; для этого он использовал те же приемы, с помощью которых писатель создает свое произведение: прием, вопрос и деталь; в итоге получается художественный анализ художественного произведения.

Идея самоанализа. Результаты учения ученик обычно не может оценить самостоятельно, он нуждается в оценке учителя. Между тем, самостоятельность человека заключается, в частности, и в том, способен ли он вынести себе точную оценку. Педагоги-новаторы, хоть и по-разному, учат детей индивидуальному и коллективному самоанализу. Е. Н. Ильин подводил своих учеников к размышлению о собственной жизни: «А как поступил бы я? А что я собой представляю?» [23].

Сильно развит коллективный анализ ответа учеников у доски в методике В. Ф. Шаталова, потому что отметка за работу в этом случае не ставится, и ученики не боятся давать замечания отвечающему, и свободно обсуждают его работу. Ш. А. Амонашвили специально учил маленьких детей оценочным действиям и суждениям. Его ученики проверяли и оценивали работу товарищей, не выставляя отметок, рецензировали письменные работы друг друга. При этом они пользовались эталонами, с тем, чтобы их суждения были содержательными.

Важнейшим элементом воспитания выступает коллективный анализ общей работы в методике И. П. Иванова, творчески использо-

вавшейся В. А. Караковским и М. П. Щетининым. По этой методике каждое общее дело, – будь то производительный труд, поход или вечер отдыха, – обязательно должно быть проанализировано его участниками, иначе работа считается незаконченной. Обучение ребят коллективному самоанализу, – дело, требующее от педагога большого мастерства и настойчивости. Но именно так возникает и укрепляется атмосфера сотрудничества детей и взрослых, ученики приучаются болеть за общее дело; быстрее развиваются их общественные навыки. Невозможно переоценить дисциплинирующее значение такой работы. Когда ученики знают, что их труд будет оценен не только учителем, но и всем коллективом, они ведут себя достойно, работают гораздо старательнее.

Интеллектуальный фон класса. На достижение целей учения и формирование позитивных ценностей сильное влияние оказывает интеллектуальный фон класса (выражение В. А. Сухомлинского). Чтобы создать обстановку сотрудничества, учитель старается усилить стремление детей к знаниям из разных областей жизни.

В. Ф. Шаталов проводил много экскурсий, в его классе всегда был набор папок с газетными вырезками самых важных статей, которые должен прочесть каждый. С. Н. Лысенкова стремилась давать немного письменных заданий на дом, но подчеркивала перед детьми, что высвобожденное время должно использоваться для чтения.

И. П. Волков вводил «творческие книжки», в которые записывались все работы, выполненные учащимся, будь то техническая модель, доклад или урок, проведенный шестиклассником во втором классе. В этом же направлении работали школьные «кафедры» М. П. Щетинина, которые помогали детям достичь наивысших результатов.

Коллективное творческое воспитание. И. П. Иванов разработал идею коллективного творческого воспитания, которая впервые была воплощена на практике в работе «Фрунзенской коммуны» школы № 308 г. Ленинграда, в пионерском лагере «Орленок», во множестве других школ, в том числе в школах, возглавляемых В. А. Караковским и М. П. Щетининым. Смысл методики состоит в том, что ребята, – с первого класса по выпускной, – учат коллективному общественному творчеству. Основное правило – «Все творчески, иначе зачем?» В коллективных творческих делах на пользу людям, школе или своему классу участвует весь коллектив; деление на выступающих и слушающих, на актив и пассив исключается.

Творческий производительный труд занимает важное место в педагогике сотрудничества. В 1959 г. объединение ленинградских

школьников «Фрунзенская коммуна» выехала на работу в подшефный колхоз Ефимовского района; так начал работу первый в стране лагерь труда и отдыха. С организации производительного труда на молокозаводе начала свою работу коммунарская школа № 308. На творческих основаниях был организован труд в экспериментальных школах М. П. Щетинина. Особенность труда в коммунарских коллективах в том, что ребята постоянно изобретали, как улучшить работу, как ее украсить, как сделать труд более радостным и эффективным. Сплоченные в коллектив, привыкшие к сотрудничеству с взрослыми, принимающие положительные ценности старших поколений, школьники старались работать лучше, оказывать помощь друг другу.

Творческое самоуправление. На тех же принципах строится и школьное самоуправление. Весь школьный актив меняется несколько раз в год, потому что детям и подросткам нельзя слишком долго ходить в «записных активистах». Самоуправление рассматривается не как управление без взрослых; наоборот, дух сотрудничества заставляет детей искать помощи у старших друзей.

Идея детской половины дня. Развитие невозможно без учета интересов и склонностей ученика. Необходимо учить так, чтобы не зависеть от того, выполнил он домашнюю работу или нет. Все проблемы надо решать на уроке, вторая же половина дня, – детская; она должна включать их занятия по интересам. В школе В. А. Сухомлинского после уроков все сразу уходило домой, а к пяти часам вечера школа снова открывалась для самых разнообразных занятий. Свободная личность может развиваться лишь в свободно избранных ею занятиях.

Идея самоуважения. Предметом педагогического внимания должно стать отношение ребенка к самому себе. Именно в неуважении к себе, в обесценивании собственной личности одна из причин алкоголизма, наркомании, преступности. Молодой человек как бы мстит обществу и самому себе за свою не сложившуюся судьбу. Его не пугают наказания и угрозы, не трогают никакие доводы, ибо он сам смотрит на себя как на конченого человека, не уважает себя. И точно так же не уважает себя учитель, когда игнорирует творческий потенциал своей личности, довольствуется малыми и приблизительными успехами, позволяет кричать на себя на педсоветах, не отстаивает свои права, когда терпит разоренную школу...

Идея уважения к ребенку внедряется не словами, а лишь реальными поступками, в частности, разумной организацией учебно-образовательного процесса, направленного на развитие личности.

Идея саморегуляции. Основа достоинства и ответственности, – саморегуляция личности. Обучение с принуждением, воспитание одного лишь послушания опасно тем, что отучает ребенка от саморегуляции. Педагоги-новаторы предлагают идти от работы к поведению, а не наоборот. Интересная, правильно организованная работа неизменно приводит к хорошей дисциплине, то есть к саморегуляции.

Идея уникальности. Каждая личность неповторима, уникальна. На уроке уникальное в ребенке поддерживается тем, что мы даем ему возможность вести класс, предоставляем роль ведущего (С. Н. Лысенкова). Маленькая удача ученика, неожиданный ответ, искра творческой уникальности, – если учитель вовремя заметит и поддержит уникальное проявление ученика, это может перевернуть всю жизнь ребенка.

Идея диалога с учеником. Учителю приходится сталкиваться с тем, что дети приносят в школу все, что они слышали дома или на улице: слухи, заведомо неправильные утверждения, анекдоты. По идее, учитель должен всему этому «давать отпор». Учитель даже боится обвинений в свой адрес в том, что он оставил без внимания разного рода сомнительные утверждения. Однако «отпор» означает конец диалогу учителя с учеником. Поэтому ученик уходит из школы со своими, порой ложными мнениями. Его не переубеждают, а заставляют молчать. Он уходит из-под влияния учителя и окончательно подпадает под антиобщественное влияние.

В школе, где постоянно «дают отпор», вместо того, чтобы вести диалог, – ученики ведут двойную жизнь: на глазах учителей они отличники и активисты, а в душе, – циники. Многое учителям может не нравиться в современной молодежи: одежда и косметика, идейные и музыкальные пристрастия... «Дать отпор» – на это достаточно одной минуты, а диалог порой длится годами.

Сотрудничество с родителями. Педагогика сотрудничества предполагает, что дети открыто, доверчиво относятся к взрослым в школе и семье. Для этого нужны не «единые требования», а дружелюбные, товарищеские отношения с детьми в семье. Педагоги-новаторы отказались от критических замечаний о детях на родительских собраниях; нельзя ссорить детей с родителями.

Учитель не должен жаловаться родителям на детей в дневниках, разжигать соревнование между родителями, вывешивать ведомости успеваемости по месту работы родителей. Если ученик требует внимания и помощи, то надо оказывать ее до тех пор, пока он прочно не станет на ноги.

Сотрудничество учителей. Любой учитель может осуществить на практике принципы педагогики сотрудничества. Для нее не нужно никаких особых условий. Это заключается не в перестройке программ и учебных планов, а в перестройке педагогического мышления. Каждый может начать перестройку в собственном классе, не дожидаясь каких-то особенных указаний сверху.

Более того, педагоги-новаторы выступали против ее «узаконенного» внедрения; они были не согласны с таким положением, когда кого-то хвалят или ругают, ставят в пример за применение каких-то особых приемов и методов. Нельзя противопоставлять детей в классе, нельзя и учителей противопоставлять друг другу.

Учителя работают с детьми, оттого они и сами отчасти дети, – в этом их профессиональная сила. Только сохраняя в себе некоторую детскость, детское самолюбие, ранимость, способность к воодушевлению, яркому восприятию жизни учитель способен передавать свои лучшие качества своим ученикам.

Таковы, в кратком изложении, основные идеи педагогики сотрудничества. Ведущие положения педагогики сотрудничества вызвали в стране большую полемику в учительской среде.

Незамедлительно возникли вопросы такого рода, – что такое передовой опыт; что считать новаторством; кто может считаться передовым учителем, а кто – новатором; почему именно этот опыт надо внедрять, а не какой-то иной....

Позволим себе высказать собственное мнение по данному вопросу. Нам представляется, что при анализе передового педагогического опыта самое главное заключается в том, чтобы показать, к каким конкретным результатам пришел учитель, чего реально он достиг, пользуясь, порой, самыми простыми средствами.

Было бы правильно, если бы этот результат показывался не только в количественных показателях, например, в количестве отличников и уровне успеваемости, а и в качественных показателях (атмосфера урока, увлеченность детей делом, отсутствие дисциплинарных замечаний со стороны учителя), которые невозможно измерить цифровыми показателями. Работа учителей, которым удается стабильно добиваться высоких результатов, и есть передовой опыт.

Описанию такой опыт поддается с большим трудом: в пересказе неизбежно теряется атмосфера урока, неповторимость обаяния конкретного учителя, его движения и мимика, тон его голоса и многое другое. Все это надо видеть «в натуре».

Нередко педагоги стремятся использовать в своей практике какой-то прием передового учителя, и бывают разочарованы, когда перенятый ими прием не дает ожидаемого результата. Но дело ведь заключается не в новизне приемов, – хотя в ряде случаев применение какого-то нового приема способно в чем-то помочь учителю, – а, прежде всего, в выдающемся качестве реализации всей совокупности приемов и методов, используемых передовым учителем.

Наметившееся в 1980-е гг. в педагогической практике противоречие между социально осознанной необходимостью учить всех без исключения, и стандартными методами, рассчитанными на возможность отсева, и вызвало к жизни целую группу педагогов-новаторов, учителей, добивающихся значительных позитивных результатов не только за счет личных качеств (исключительная добросовестность, огромный опыт, эрудиция, способность любить и понимать детей, мастерство и артистизм), но и за счет применения новых, ранее неизвестных или малораспространенных методов, которые в чем-то противоречат принятым и привычным методическим средствам.

Чем же передовой педагогический опыт отличается от новаторского? Передовой педагогический опыт представляет собой достаточно распространенную успешную педагогическую практику, доступную значительному количеству учителей, и характеризующуюся применением всего комплекса положительно зарекомендовавших себя методов и средств обучения и воспитания.

Передовой учитель стремится использовать весь арсенал доступных ему методических средств; он полностью реализует свои творческие, интеллектуальные и физические возможности в интересах дела образования. Сказать что-то более конкретное об опыте, дать подробное описание его опыта, дело крайне затруднительное. Дело в том, что передовой учитель действует в рамках устоявшейся, сложившейся методической системы, в узаконенных свыше содержательных парадигмах.

Для *педагога-новатора* уровень передового педагогического опыта, то есть то, к чему многие только еще стремятся, стало обыденностью; он уже стремится к большему. Отличить новаторский опыт от передового нетрудно, например, по возможности его описания.

Выше мы уже указывали, что дать описание передового опыта крайне сложно. Напротив, новаторский опыт характеризуется в нескольких предложениях. Так, В. Ф. Шаталов открыл новый способ творческого мышления с помощью сигнальных опор; он научился на

каждом уроке ставить отметку каждому ученику по всему объему заданного материала при минимальных затратах учительского времени.

Для передового опыта важна массовость, для новаторства важна ценность идей. Передовой опыт распространяется через личные контакты, новаторский, – через публикации и последователей. На пути продвижения новаторского опыта, как это нередко бывает, встают барьеры психологического и административного свойства. Барьер первый проявляет себя уже на местном и школьном управленческом уровне. Он выражается обычно такими бюрократическими словосочетаниями, как, – «опыт недостаточно проверен», «это дискуссионно» и т. п.

Но новаторский опыт потому и является новаторским, что он никогда не будет проверен в достаточной степени; он проверяется только внедрением.

Надо доверять учителю: он не станет подхватывать опыт, противоречащий здравому смыслу. Новаторский опыт для того и нужен, чтобы внести в школьную среду атмосферу дискуссии, обеспечить возможность выбора. Второй барьер выражается в снисходительном отношении представителей педагогической науки в отношении практиков. «Нет научного обоснования», – нередко звучит как приговор, и зачастую ставит точку в творческих поисках учителей.

Однако новаторский опыт и не может появляться научно обоснованным. Он появляется как явление, позитивно влияющее на весь ход педагогической практики, дающее неоспоримые позитивные результаты. И если это явление не укладывается в какие-то теории, что ж, тем хуже для теории. «Суша теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет», – замечал Й. В. Гёте. Реальная практика побеждает любые теории.

Педагоги-новаторы ставили вопрос и о том, что каждый учитель должен обладать реальным правом на творчество. Это важно уже потому, что творчество всегда сопровождается учительским энтузиазмом, и этот энтузиазм педагога сам по себе для него очень полезен. Кроме того, он должен учить детей творческому подходу. Опасение в том, что каждый учитель захочет экспериментировать и что это может привести к прожектерству, педагоги-новаторы считали безосновательными: педагогический труд не такое легкое дело, чтобы каждый мог придумать что-то новое.

Публикация воззрений учителей-новаторов в «Учительской газете» породила интерес к педагогическим проблемам в ряде других периодических изданий, в том числе в тех, которые никогда ранее не

предоставляли свои страницы для материалов на эту тематику. Большую помощь в пропаганде идей педагогики сотрудничества оказывало центральное телевидение, организовывавшее в течение ряда лет встречи с педагогами в Останкино, которые имели огромный успех у самой широкой телеаудитории.

С целью аккумуляции всего самого ценного, что рождалось в педагогической практике тех лет, и для координации усилий по пропаганде и внедрению педагогики сотрудничества и других прогрессивных, соответствовавших духу времени и идеям перестройки педагогических воззрений в 1988 г. был создан Всесоюзный совет по народному образованию во главе с В. А. Караковским, а в каждом регионе страны, – соответствующие областные (республиканские) советы. Советы регулярно проводили свои съезды, пропагандировали опыт передовых учителей, издавали методические пособия. Правда, эти советы не обладали какими-либо административными правами и со временем они самоликвидировались.

Атмосфера духовной свободы и стремления к эксперименту конца 1980-х – начала 1990-х гг. дала толчок к созданию в стране специализированных школ (гуманитарные гимназии, физико-математические и экономико-правовые лицеи, лицеи естественных наук и т. п.), в деятельности которых в полной мере проявились характерные черты педагогики сотрудничества и другие позитивные тенденции тех лет.

Прошедшие три десятилетия подтвердили значимость основополагающих идей педагогики сотрудничества. Эти идеи и сегодня остаются в числе наиболее востребованных в современной педагогической науке и практике.

II.VII. Последователи (Г. М. Кубраков, А. А. Католиков)

Подвижническая практическая педагогическая деятельность А. С. Макаренко вызвала к жизни немало последователей. В данном разделе монографии автор рассказывает о двух из них, – Г. М. Кубракове и А. А. Католикове.

Григорий Максимович Кубраков родился 2 апреля 1920 г. в селе Петровка Омской губернии, ныне Есильского района Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. С юных лет Григорий Кубраков мечтал посвятить себя врачебному делу.

В 1939 г. Григорий окончил медицинский техникум, работал фельдшером. Во время войны служил в полевом госпитале, был

награждён двумя орденами, – Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями. В 1944 г. осколком противотанкового снаряда ему раздробило бедренную кость. Он перенёс двенадцать операций, стал инвалидом.

После демобилизации Г. М. Кубраков возглавлял в родных краях райздравотдел и райплан, редакцию газеты, работал в сельскохозяйственном производстве. Уже в то время его увлекали вопросы воспитания. В 1958 г. он окончил филологический факультет пединститута в г. Петропавловск-Казахстанский, и сделал окончательный профессиональный выбор.

Он трудился учителем и директором в двух школах области. Сначала это была Воскресеновская сельская «семилетка», где за успешную работу райком профсоюза и районный отдел народного образования премировали его подписным семитомным изданием сочинений А. С. Макаренко (издание 1957–1958 гг.). С нетерпением ожидал учитель Кубраков выхода очередного тома.

Его всё больше захватывала идея воплотить идеи Антона Семёновича в своей практической работе. Начало осуществлению этой идеи было положено в Булаевской сельской школе. В августе 1963 г. Григория Кубракова, как специалиста в области медицины и педагогики, назначили директором Мамлютской санаторной школы-интерната для детей с ослабленным здоровьем и туберкулёзной интоксикацией.

Помимо повседневной работы ему приходилось, как это нередко бывает в таких случаях, фактически руководить строительством нового корпуса школы, который был пущен в эксплуатацию в январе 1965 г. Новый директор не только глубоко и настойчиво изучал произведения А. С. Макаренко, но и старался перенять лучший школьный опыт в поездках по стране. Несколько дней он провёл в Павлышской школе В. А. Сухомлинского, видел в работе выдающегося советского педагога, которого он считал идейным продолжателем дела Макаренко.

Полезными для себя Кубраков считал также поездки в школы Латвийской ССР в апреле 1964 г., а несколько позднее – в московскую школу санаторного типа № 93 и школу-интернат № 61 Москвы, работавшую тогда по системе А. С. Макаренко.

В итоге, он твёрдо убедился в необходимости работы по-макаренковски. Но не тут-то было... Вместо ожидаемой им поддержки, он, как и Макаренко сорока годами раньше, встретил непонимание и «сомнения», а порой и подозрения в делячестве и стремлении подза-

работать на детском труде. Это нашло своё проявление не только со стороны областного начальства, но нередко и в своём коллективе, где многие педагоги привыкли, что главный труд для школьников – только учёба.

Г. М. Кубраков вспоминал: «Я злился, когда со мной не соглашались в коллективе, хотя и держал себя в рамках дозволенного, страшно возмущался и горячился, когда мне говорили, что санаторная школа и Макаренко, – явления несовместимые. И когда я возвращался с совещаний, где слышал то же самое, падал духом, страшно переживал, но, к счастью, находил силы брать себя в руки и снова идти в бой. Были моменты, когда решался вопрос, что выбрать, что предпочесть: быть понятым сейчас или быть верным себе и оставаться в одиночестве. Убеждён, что нечто подобное предстоит пережить каждому, кто начнёт перестройку в духе Макаренко» [122].

Однако далеко не всё ясно в системе Макаренко оказалось и для, вроде бы, изучившего его труды «вдоль и поперёк» самого Г. М. Кубракова. Практическое освоение наследия великого педагога давалось с трудом, и, по словам самого Григория Максимовича, неизвестно, чем бы закончилось, если бы не одно событие, оказавшее огромное влияние на ход экспериментальной работы педагога из Казахстана.

В 1968 г. в Москве защищал кандидатскую диссертацию макаренковед В. В. Кумарин. Кубраков прочитал в «Учительской газете» статью О. С. Кель о содержании диссертации, а через некоторое время получил и саму диссертацию, любезно присланную автором. Давно волновавшие его идеи Антона Семёновича в диссертации он увидел как бы в новом свете, в новых связях.

Накопленный собственный опыт, большое желание воплотить систему Макаренко у себя в школе плюс необходимые пояснения теоретика-макаренковеда В. В. Кумарина дополнили друг друга, и система Макаренко, наконец, заработала. А с В. В. Кумариным Г. М. Кубракова в дальнейшем связывало многолетнее плодотворное сотрудничество.

Важной особенностью санаторной школы-интерната, которой руководил Г. М. Кубраков, являлась большая текучесть состава воспитанников, до 40–50% в год, поскольку восстановив и укрепив своё здоровье, учащиеся выбывали из школы. Поэтому каждый новый учебный год, с приходом значительного пополнения новичков, коллектив школы, по Макаренко, откатывался на вторую, а то и на первую, начальную стадию своего развития. Не всё, но очень многое, по сути, каждый год приходилось начинать с самого начала.

При этом многие поступающие на оздоровление дети были настолько «освобождены» не только от физкультуры, но и от иных бытовых нагрузок, что поначалу были не в состоянии даже сносно заниматься бытовым самообслуживанием в школе-интернате, затруднялись собраться в школу, а уж про трудовые навыки и говорить нечего. Отсутствие закалки при самых незначительных переменах погоды приводило к массовым затяжным эпидемиям простуды и другим заболеваниям.

Первым делом Г. Кубраков отменил ставшее столь привычным уже для многих освобождение от физкультуры. В то же время, с участием врачей строго учитывались действительные возможности и ограничения каждого воспитанника и определялось, какие физкультурные упражнения показаны и допустимы в каждом данном случае, а также категория посильной и полезной трудовой деятельности, к которой можно было приглашать данного воспитанника.

При распределении работ эта категория, естественно, вслух не упоминалась и внимание других членов отряда на этом не сосредоточивалось. В ежедневную утреннюю зарядку включили разнообразные посильные закаливающие упражнения. Часть уроков стали по возможности проводить на свежем воздухе. В итоге, вскоре удалось добиться существенного снижения простудных заболеваний.

К трудовой деятельности приучали очень постепенно. Например, малышей занимали трудом два раза в неделю по 30–40 минут, а сама деятельность больше напоминала игровую. С возрастом, а также при соответствующей готовности по здоровью, трудовая нагрузка умеренно увеличивалась. При этом главной целью ученического труда, само собой, ставился не заработок, а воспитательные и оздоровительные цели, – не труд-работа, а труд-забота, – которые успешно выполнялись. Более подробно об этом можно прочитать в книгах Григория Максимовича Кубракова.

Двадцать пять лет проработал Г. М. Кубраков в Мамлютской санаторной школе-интернате, и все эти годы он с успехом применял педагогические подходы А. С. Макаренко. Вместе со своими сотрудниками он учил детей бороться с физическим недугом, стремился подружить их с радостью движения, открыл дорогу в жизнь.

Под его руководством учебно-медицинское заведение стало образцовым в республике. Он продолжил макаренковский обычай укрощать школу и её окрестности; посадил со своим коллективом сосновый парк к 25-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Свой опыт воспитания по Макаренко Г. М. Кубраков отразил более чем в 40 книгах и статьях, изданных в ведущих казахстанских и союзных издательствах. Он был доцентом Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева. Заслуженный учитель школы Казахской ССР, народный учитель СССР (1988).

Он был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а также орденом Благородства (Парасат), которым награждаются деятели науки и культуры, литературы и искусства, государственные и общественные деятели, а также граждане, внёсшие большой личный вклад в развитие и умножение духовного и интеллектуального потенциала Республики Казахстан, за активную деятельность по защите прав человека и его социальных интересов.

Григорий Максимович Кубраков скончался 6 октября 2006 г. в г. Мамлютка, Северо-Казахстанская область.

Александр Александрович Католиков родился 13 октября 1941 г. в Новосибирске в семье военнослужащего Александра Иосифовича Католикова и его супруги Надежды Семёновны. В семье было два сына, – старший Борис и младший Александр. Отец погиб на фронте и Надежда Семёновна растила сыновей одна. Уже в детские годы Сашу нередко выбирала своим предводителем местная детвора, а вскоре он попал в базовую школу № 10 Новосибирского пединститута, директором которой был тогда В. Н. Михайлин.

В послевоенные годы он сумел создать в школе учебный цех завода, где школьники выпускали сверлильные станки, практиковался хозрасчёт. Ещё будучи школьником Католиков стал знакомиться и на деле познавать систему А. С. Макаренко.

После 9-го класса, из желания подработать и помочь маме, впервые попал в качестве пионервожатого в летний детский лагерь. Вскоре он так «прикипел» к своим воспитанникам, что проводил в лагере все три смены каждое лето вплоть до окончания 11 класса.

В 1961 г. поступил на физико-технический факультет Московского госпединститута им. В. И. Ленина, где сразу же создал и возглавил едва ли не первый в стране студенческий педотряд. Здесь же он познакомился со своей будущей женой, – преподавателем кафедры педагогики Лией Васильевной Плаксиной.

В студенческие годы он познакомился с друзьями и соратниками А. С. Макаренко В. Н. Терским, Н. Э. Фере. В составе созданного им студенческого педотряда неоднократно посещал Егорьевский детский дом, которым заведовал С. А. Калабалин. Позже Семён Афа-

насьевич приезжал уже в интернат к А. А. Католикову в Сыктывкар. Дружба связала А. А. Католикова с Антоном Калабалиным.

В 1966 г. по окончании института он приехал в Сыктывкар, где работал учителем физики и организатором внеклассной и внешкольной работы средней школы № 1. В 1967–1973 гг. был директором Дворца пионеров и школьников. За время работы под его руководством у Дворца появились мотоциклы, машины и даже двухпалубный теплоход, который стал затем плавучим детским лагерем «Коми пионер», на котором дети плавали до Архангельска и Соловецких островов.

18 июля 1973 года Католиков принял школу-интернат в Сыктывкаре. Начинать пришлось с ремонта главного здания. Умелое совмещение учёбы с ремонтом на основе макаренковских подходов сильного и увлекательного труда-заботы сдружили педагогов и ребят. Свой опыт воспитания и руководства большим коллективом А. А. Католиков обобщил в ряде книг [26; 27; 28].

Вместе с единомышленниками А. А. Католиков сумел создать постоянно действующую систему повышения квалификации каждого учителя школы-интерната. Для каждого учителя был создан и вёлся педагогический паспорт. В школе работал педсеминар. Директор ввёл практику посылать наиболее заинтересованных учителей в командировки для ознакомления с опытом лучших педагогов-новаторов страны.

По воспоминаниям коллег, А. А. Католиков любил бывать среди детей: пел с ними песни, работал на участке. Все вместе выезжали в Межадор, на летнюю дачу школы-интерната, в 70 км от Сыктывкара. С приходом нового директора дача вскоре преобразилась в учебно-опытное хозяйство «Межадорское», в котором была создана полноценная основа для полноценного отдыха и приобщения к труду. Ныне хозяйство располагает 200 га сельскохозяйственных угодий и 2 га теплиц. Сюда же он приглашал друзей и гостей школы-интерната. Здесь побывали гости из Индии, Финляндии, Америки, Франции, Венгрии и других стран [90, с. 61].

Очень чутко А. А. Католиков относился к пожилым людям, особенно к ветеранам-фронтовикам. Среди воспитанников интерната стало обычаем помогать пожилым людям вскопать огород, посадить и убрать картошку, оказать другую посильную помощь.

Благодаря его усилиям в школе-интернате воспитанники смогли окончить полный курс средней школы, открылось дошкольное отделение. В 1993 г. Сыктывкарская школа-интернат № 1 была преобразована в Сыктывкарскую агрошколу-интернат.

Много сил и внимания Католиков уделял общественной деятельности. Он был депутатом Сыктывкарского горсовета, делегатом Всесоюзных съездов учителей (1978, 1989), делегатом Съезда учителей РСФСР (1987), Народным депутатом СССР (1989), Председателем республиканского Детского фонда, членом Правления Центра народной помощи «Благовест», членом редколлегии журнала «Школьная роман-газета». Член-корреспондент АПН СССР (1989), член-корреспондент РАО (1992). Заслуженный учитель школы Коми АССР (1976), заслуженный учитель школы РСФСР (1982), народный учитель СССР (1988). Почётный гражданин Сыктывкара (1982), почётный гражданин Республики Коми, посмертно (2015). А. А. Католиков был награждён медалью «За трудовую доблесть» (1970), орденом Трудового Красного Знамени (1978), орденом Ленина (1986), орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1995), медалью А. С. Макаренко (1993), золотой медалью им. Л. Н. Толстого (1994).

А. А. Католиков скоропостижно скончался 12 июня 1996 г. Один из детских домов Республики Коми ныне носит имя А. А. Католикова. В холле института физики и информационных технологий МПГУ, где учился Александр Католиков открыта памятная доска.

II.VIII. Макаренковедение (И. Ф. Козлов, В. В. Кумарин, В. М. Опалихин, А. А. Фролов)

Первая кандидатская диссертация по творчеству А. С. Макаренко была защищена 21 июня 1941 г. в учёном совете пединститута им. К. Либкнехта на тему «Педагогический опыт А. С. Макаренко и основные положения его педагогического учения» Иваном Фёдоровичем Козловым (1903–1951).

Несмотря на то, что И. Ф. Козлов был, по существу, первым макаренковедом, сведений о его жизни почти не сохранилось. Причиной тому послужила его ранняя смерть. Некоторые биографические данные удалось собрать С. А. Пуйману [87].

И. Ф. Козлов родился 3 августа 1903 г. в д. Никульской Пунемской волости Новгородской губернии (ныне Вожегодский район Вологодской обл.) в семье крестьянина-бедняка Федора Леонтьевича, человека уважаемого в округе, организатора сельскохозяйственной коммуны и кооператива в 1920-е гг. Вместе с женой Екатериной Филипповной они воспитали пятерых детей. Иван был старшими первым помощником родителей.

В 1919 г. он отправляется в соседнюю Устьянскую волость учиться на педагогических курсах, и через год возвращается учителем школы I ступени, становится секретарём комсомольской ячейки.

В сентябре 1923 г. он поступает в Вологодскую совпартшколу, и одновременно работает на заводе «Красный пахарь». В октябре 1925 г. И. Ф. Козлов призывается на срочную службу в Красную Армию, служит в 31-м стрелковом полку XI-й стрелковой дивизии. С сентября 1926 г. он учится на курсах политпросветработников в Ленинградском политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской. Затем работает инспектором губоно сначала в Вологде, затем в г. Няндом, а также учителем школы 2-й ступени.

В 1930 г. Козлов становится слушателем первого набора научно-педагогических курсов при 2-м МГУ. Это была, по существу, первая аспирантура по педагогике в СССР. Дальнейшая его педагогическая деятельность продолжалась в Яснополянской школе им. Л. Н. Толстого и в вузах Москвы.

И. Ф. Козлов был главным организатором и самым активным участником первой дискуссии об использовании педагогического наследия А. С. Макаренко в практике массовой школы, развернувшейся на страницах «Учительской газеты» в 1940 г. Именно он подготовил к изданию первый сборник избранных педагогических сочинений А. С. Макаренко [50]. В книге «Имена вологжан в науке и технике», вышедшей в Вологде в 1968 г., помещён краткий очерк, посвящённый Козлову

Значителен вклад И. Ф. Козлова в разработку методологических проблем советской педагогической науки, таких как воспитание как объективно-закономерное, социально-детерминированное явление; методологическое разделение воспитания как общественного явления и практической педагогической деятельности; проблемы соотношения воспитания и развития детей; законы и закономерности воспитания. Много лет спустя после его смерти была издана его монография «Единство воспитания и жизни детей» и «Педагогическая система А. С. Макаренко» [31; 32].

Ведущее место в зарубежном макаренковедении занимает основанная в 1968 г. в ФРГ лаборатория по изучению наследия А. С. Макаренко «Макаренко-Referat». Там была предпринята успешная попытка издания трудов А. С. Макаренко на немецком и русском языках с восстановлением цензурных купюр.

Среди отечественных исследователей, не являвшихся непосредственно воспитанниками Антона Семёновича, следует также назвать

Валентина Васильевича Кумарина. Он родился 25 апреля 1928 г. в деревне Княжеверятино Тамбовской губернии. После школы поступил в военно-морское училище.

Он ещё застал на Балтике последние месяцы войны, и старшим лейтенантом уволился в запас. Экстерном окончил факультет иностранных языков Орехово-Зуевского пединститута. Собирался стать переводчиком, но попавшая в руки «Педагогическая поэма» круто изменила его судьбу.

В. В. Кумарин работал учителем в сельской школе-интернате в селе Уварово Владимирской области, а затем директором детского дома. Работа детдома уже через полгода, после того как его возглавил Кумарин, стала настолько успешной, что о нём в январе 1959 г. в эфире всесоюзного радио прошла передача, которую услышала Г. С. Макаренко. Она пожелала встретиться с молодым педагогом. Убедившись в том, что молодой педагог увлечён идеями А. С. Макаренко, она предложила Валентину Васильевичу переехать на дачу Макаренко в подмосковное Болшево, (известное также как место одной из первых трудовых коммун в СССР под рук. М. С. Погребинского), для совместного разбора огромного личного архива педагога.

Работа Валентином выполнялась, разумеется, на общественных началах, и чтобы молодому исследователю было на что жить, Галина Стахиевна подыскала ему место учителя немецкого языка в одной из близлежащих школ. В 1961 г. он стал аспирантом НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР (1961). В 1962–1965 гг. был редактором в журнале «Народное образование».

В разные годы работал научным сотрудником, заведующим отделами, лабораториями в системе АПН-РАО (1965–1998). Руководил группой референтов, и был учёным секретарём президиума АПН СССР (1969–1972). В 1975–1980 гг. В. В. Кумарин заведовал отделом нравственного воспитания в НИИ педагогики Украинской ССР.

В 1980-е гг. автор данной монографии общался с В. В. Кумариным. Подкупала страстность, которую он «обрушивал» на собеседника, в чём-то сомневавшегося в его идеях. У нас сложилось впечатление, что Валентин Васильевич был ортодоксальным последователем А. С. Макаренко. Идеи своего кумира он понимал буквально, не всегда учитывая при этом современные реалии жизни. Так, он предлагал организовывать *всех* детей и подростков в разновозрастные сводные отряды, организуемые... по месту жительства. В середине 1980-х гг. это было уже не только анахронизмом, но и сильно «отдавало» схоластикой, то есть разрывом с реальной жизненной практикой.

В соответствии с идеями А. С. Макаренко В. В. Кумариным был предложен проект школы-комплекса, который бы в полной мере учитывал природосообразные особенности обучения детей. Идея проекта Кумарина состояла в том, что воспитание в школе становится крайне затруднительным, если размер коллектива превышает 600 человек. Вместо увеличения школьного здания, когда в нём старались уместить 800, 1000, 1300 учащихся, В. В. Кумарин предложил проект школы-комплекса, разделённой на несколько корпусов с общей столовой и актовым залом. Замысел был поддержан академическим руководством, но министр просвещения СССР отказал в его реализации. Тогда В. В. Кумарин по представлению президента АПН СССР В. М. Хвостова был командирован в Центральный институт педагогики ГДР. Учёные ГДР отнеслись к предложению положительно. Дважды в 1970 г. Кумарин был принят по этому вопросу министром образования ГДР Маргот Хонеккер (1927-2016).

Через год первая школа-комплекс была построена в г. Котбус. В 1972 г., изучив сведения с мест о достоинствах предложенного изобретения, М. Хонеккер издала приказ, предписывавший во всех округах рассчитывать школьное здание не больше, чем на 600 человек, а если детей больше, то строить школу-комплекс.

Самый большой комплекс из 4-х автономных школ В. В. Кумарину показали в 1977 г. в новом микрорайоне Лихтенсхаген г. Росток.

Кандидатская диссертация на тему «Теория А. С. Макаренко и пути её эффективного применения в современной школе» была защищена в 1968 г. Защита В. В. Кумариным докторской диссертации (1986) на тему «Методологические проблемы теории воспитания в трудах А. С. Макаренко» вызвала большую полемику в научной среде.

Весной 2002 г. В. В. Кумарин продолжает общение с зарубежными коллегами из лаборатории в Марбурге, где его хорошо знали как сотрудника, оппонента и лектора, свободно владеющего немецким языком. 14 июля 2002 г. у Валентина Васильевича случился сердечный приступ, и в тот же день он умер.

Одним из верных последователей и исследователей наследия А. С. Макаренко был кандидат педагогических наук Виктор Михайлович Опалихин (16.5.1936, Челябинск–12.2.2017, Челябинск).

Познакомились мы с В. М. Опалихиным при следующих обстоятельствах. Московское издательство «Знание» РСФСР в конце 1980-х гг. издавало мою книжку «Воспитание деловых качеств у школьников». В качестве рецензента мне предложили обратиться к

В. М. Опалихину, который к тому времени опубликовал здесь две свои брошюры. [68; 69]. Он любезно согласился. А когда выяснилось, что мы оба примерно в одно время защищались в совете при НИИ общих проблем воспитания АПН СССР, возникло доброжелательное знакомство. В. М. Опалихин был выпускником Московского госпед-института им. В. И. Ленина.

Затем он с успехом внедрял педагогику Макаренко в школе-интернате в Казахстане, куда был направлен по распределению, а также в челябинской школе № 41. В. М. Опалихин принял активное участие в основании в 1991 г. международной макаренковской ассоциации и её последующей деятельности как член её президиума.

С его именем как автора и редактора связан выход ряда книг о Макаренко и его учениках. Автору данной монографии было особенно приятно получить книгу Л. В. Конисевича «Нас воспитал Макаренко» из рук Виктора Михайловича. Для выпуска этой книги он сделал всё возможное, как редактор, и всё невозможное, – нашёл спонсора в лице Челябинского областного института повышения квалификации и переподготовки работников народного образования.

В последние годы жизни В. М. Опалихин спешил выпустить свою оказавшуюся последней книгу «Иван Токарев» [67]. Виктору Михайловичу хотелось, чтобы она вышла ещё при жизни её героя, И. М. Токарева, и ему удалось осуществить свой благородный замысел.

Ведущий отечественный макаренковед Анатолий Аркадьевич Фролов родился 31 октября 1927 г. в селе Ермия, ныне Пермского края. Трудовую деятельность Анатолий начал в 1943 г. военруком Ермиевской школы. В 1944–1945 гг. служил рядовым в армии.

После войны работал инспектором детской комнаты милиции в г. Киров Калужской области, учился в вечерней школе. В 1953–1958 гг. учился на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Затем в течение двух лет – воспитатель-учитель школы-интерната № 12 г. Москвы.

В 1960–1964 гг. – учитель, завуч по производственному обучению, директор Донской школы Ставропольского края, и одновременно аспирант-заочник.

В 1960-е гг. А. А. Фролов увлёкся макаренковской тематикой. Исследованию наследия Макаренко посвящены обе диссертации Анатолия Аркадьевича; кандидатская защищена в 1964 г. на философском факультете МГУ, докторская – в 1987 г. в Академии МВД. Название докторской работы – «Становление педагогической систе-

мы А. С. Макаренко в процессе развития теории коммунистического воспитания». А. А. Фролов работал в педагогических институтах Ставрополя, Липецка, Арзамаса, Горького (Нижнего Новгорода). По его предложению в Горьковском педуниверситете была создана и многие годы им возглавлялась исследовательская лаборатория «Воспитательная педагогика А. С. Макаренко». Была проведена большая исследовательская работа по изучению его педагогического наследия [101].

Итогом многолетней работы стал выпуск энциклопедического издательского проекта «А. С. Макаренко. Школа жизни, труда и воспитания» в 9-ми томах, удостоенного в 2017 г. премии правительства РФ в области образования. С 2003 г. А. А. Фролов является научным консультантом данной лаборатории, а возглавляет её его ученица, доктор педагогических наук Е. Ю. Илалтдинова.

А. А. Фролов – глава международной научной школы в области макаренковедения, почётный президент Международной Макаренковской ассоциации. Важным направлением исследований А. А. Фролова и его коллег является изучение опыта последователей педагогики А. С. Макаренко за рубежом. Коллективом лаборатории выпущен целый ряд книг по сравнительному изучению педагогики Макаренко и ряда известных социально-педагогических движений и практик в Бразилии, Израиле, Италии, Японии, Германии, США и других странах [103].

Лаборатория регулярно проводит международные конференции. Так, к 125-летию со дня рождения А. С. Макаренко в 2013 г. Была проведена международная научно-практическая конференция «Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы)», в которой принял участие более 100 специалистов из 20 городов и районов России и из 5 зарубежных стран, в том числе и автор данной монографии.

Из записной книжки А. С. Макаренко

Из разговора: «Надо сравнивать не что есть сейчас и что было, а что есть и что было бы». – «Но мы не знаем, что было бы». – «Ну вот, значит невозможно никакое сравнение».

Любить – значит чужать запах бессмертия.

Эволюция темы. В начале революции: «Жизнь свое возьмет. Это значило: рано или поздно уйдут большевики и вместо них будет какая-то жизнь, бюрократия, что ли.

Бюрократам бумагу надо выдавать с ограничением.

Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома.

Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени.

Если с человека не потребовать многого, то от него и не получишь многого.

Коллектив – не толпа. Опыт коллективной жизни есть не только опыт соседства с другими людьми; через коллектив каждый член его входит в общество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время всё острее проявляется интерес к педагогическому творчеству А. С. Макаренко в нашей стране. Обращение к его произведениям и его личности во многом вызвано обострением проблем в воспитании детей и молодёжи, необходимостью решения проблемы их активного включения в жизнь и трудовую деятельность. Представляется достаточно очевидным, что необходимо расширять подростковые и юношеские объединения.

Но как это делать? Принятия действенных срочных мер требуют такие проблемы как детская беспризорность и безнадзорность, преступность несовершеннолетних, асоциальное поведение матерей.

Это и есть главные проблемы педагогики, а вовсе не «уточнение сущности...» никому не нужного понятия, как это принято в современных никому не нужных диссертационных опусах по педагогике. Постепенно, после тяжёлого угара девяностых восстанавливается воспитательная функция общеобразовательной школы.

Развивается разрушенное было начальное и среднее профессиональное образование. По идее должна усиливаться практическая направленность высшего образования, (чего не происходит!).

Стремительно растёт значимость человеческого фактора; это мы видим на примере роста количества техногенных катастроф. Нуждается в оздоровлении социально-правовое, морально-психологическое и физическое состояние общества. Великий педагог стремился учесть, развить и в определённой системе представить воспитательно-образовательные факторы, действующие во всех сферах жизни общества. Поэтому наследие Макаренко содержит большие возможности в решении всех этих проблем. Это не только педагогика школы, это по настоящему *социальная педагогика*.

В заключение несколько слов о том, почему всё-таки Макаренко постоянно чинили препятствия. Антон Семёнович Макаренко в своей педагогической работе давал исключительно высокий результат. Если бы его система при жизни «Антон» получила всеобщее распространение, не исключено, что история нашей страны была бы в определённой степени иной.

В макаренковских сводных отрядах росли пламенные патриоты, готовые положить жизнь за Родину. Это были люди честные, бескомпромиссные, самостоятельно думающие.

Чиновников республиканских наркомпросов пугало именно это обстоятельство, а не «военная педагогика». Мы согласны с мнением о

том, что примерно такая же ситуация имела место в начале XIX в. в Царскосельском лицее, куда собрали лучших педагогов и одарённых детей. Первый же выпуск дал такое количество Личностей, что его программа была срочно переработана, а сам он был с целью лучшего надзора перемещён в столицу и стал фактически рядовым учебным заведением. Так и колония им. М. Горького, лишившись своего руководителя, практически сразу перестала быть инновационным учебно-воспитательным заведением.

Данная монография является *десятым, заключительным* томом авторской серии доктора педагогических наук, профессора из г. Кирова Владимира Борисовича Помелова.

В 2018–2021 гг. в издательстве Вятского государственного университета были изданы десять монографий автора, посвящённых различным проблемам истории педагогики и образования.

Напомним названия этих десяти монографий и их краткие выходные данные:

1. Просвещение нерусских народов Вятского края (XIX – начало XX вв.). Киров : Изд-во ВятГУ, 2018. 219 с.

2. Просвещение в Вятском крае (XIV – начало XX в.). Киров : Изд-во ВятГУ, 2019. 254 с.

3. Просветители и педагоги-методисты Вятского края. Киров : Изд-во ВятГУ, 2019. 174 с.

4. У истоков высшего образования на Вятке. Киров : Изд-во ВятГУ, 2019. 215 с.

5. Вятские педагоги и психологи. Киров : Изд-во ВятГУ, 2019. 173 с.

6. Традиция гуманизма в истории зарубежного образования. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 251 с.

7. Тенденции развития российского образования первой половины XX в. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 187 с.

8. Российская прогрессивная педагогика второй половины XX в. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 260 с.

9. Историко-педагогическая регионология. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 195 с.

10. А. С. Макаренко и его педагогическое наследие. Киров : Изд-во ВятГУ, 2021. 182 с.

Первые пять монографий, а также, в значительной степени, седьмая, объединены общей темой, – «Просвещение на Вятке». Остальные монографии раскрывают другие актуальные проблемы истории педагогики и образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети! М. : Просвещение, 1988. 176 с.

2. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи, 1921–1928 гг. / сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2007. 361 с.

3. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 2. Письма, разработки, книги, очерки, статьи. 1928–1932 гг. / сост. и коммент. : А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. 409 с.

4. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 3. Статьи, выступления, письма, материалы книги, пьесы, «Педагогическая поэма». 1932–1934 гг. / сост. и коммент. : А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. 365 с.

5. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 4. Деловые и личные письма, «Педагогическая поэма», «Методика организации воспитательного процесса», статьи, выступления, подготовительные материалы. 1935–1936 гг. / сост. и коммен. : А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. 352 с.

6. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 5. Статьи, выступления, письма, подготовительные материалы, «Книга для родителей». 1936–1937 гг. / сост. и коммент. : А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксёнов. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. 384 с.

7. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания: Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 6. Статьи, литературные рецензии, «Лекции о воспитании детей», «Честь», «Проблемы школьного советского воспитания», письма, рассказы, выступления. 1937–1938 гг. / Сост. и коммент. : А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксёнов. Н.Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2013. 350 с.

8. Б/а. Интерес к Макаренко будет расти // Народное образование. 1990, № 5. С. 118–128.
9. Барбаров П. И. Кто был организатором производства в коммуне им. Ф. Э Дзержинского? (Из воспоминаний о работе с А. С. Макаренко) / послесл. В. М. Опалихина // Школа и производство. 1993, № 2. С. 6–7.
10. Бердяев Н. А. Итоги и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 326 с.
11. Второе рождение : сб. материалов. Харьков, 1932. 67 с.
12. Волков И. П. Учим творчеству. М. : Просвещение, 1982. 86 с.
13. Воспоминания о коммуне им. Ф. Э Дзержинского. Интервью с И. Д. Токаревым // Горьковский рабочий. 24.02.1978.
14. Гладыш С. Д. Дети большой беды. М. : Изд-во Звонница-МГ, 2004. 432 с.
15. Гмурман В. Е. Комментарии и примечания // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 4. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 527–541.
16. Гончарова Т. И. Уроки истории – уроки жизни, М. : Педагогика, 1986. 162 с.
17. Гнединская А. Макаренко перевоспитал Явлинского // Московский комсомолец. 2009, 14 мая.
18. Горький А. М. Письмо А. С. Макаренко от 17 дек. 1932 г. // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 353.
19. Горький А. М. По Союзу Советов // А. М. Горький. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М. : Правда, 1988. С. 287–376.
20. Гузик Н. П. Учить учиться. М. : Педагогика, 1981. 96 с.
21. Долгий В. Г. Поэма продолжается : О заслуженном учителе РСФСР В. Н. Терском. Калининград : Кн. изд-во, 1960. 21 с.
22. Иванов А. Ф. Сельская школа. М. : Педагогика. М., 1987. 116 с.
23. Ильин Е. Н., Мертенс С. В. Давайте соберёмся... Новые возможности урока общения. М. : Просвещение, 1994. 128 с.
24. Ильин Е. Н. Путь к ученику. М. : Просвещение, 1988. 222 с.
25. Каиров И. А. Незабываемое // Учительская газета. 1978, 28 марта.
26. Католиков А. А. Дом моих детей : сборник / сост. Л. В. Плаксина. 2-е изд., доп. М. : Дом, 1997. 320 с.

27. Католиков А.А. Моя семья: записки директора Сыктывкарской школы-интерната №1 для детей-сирот. М. : Педагогика, 1990. 224 с.
28. Католиков А. А. Наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым : сб. статей и выступлений / сост.: Л. В. Плаксина, В. А. Католиков. Сыктывкар : КРИРОиПК, МО и ВШ РК , 2001. 287 с.
29. Кель О. С. Виктор Николаевич Терский (1898–1965) // Народное образование, 2004, № 6. С. 163–168.
30. Кель О. С. В. Н. Терский: великий мастер клубных дел // Воспитательная работа в школе. 2004. № 5. С. 131–134.
31. Козлов И. Ф. Единство воспитания и жизни детей / Сост. А. М. Козлова / под ред. Л. Ю. Гордина и В. М. Коротова. М. : Просвещение, 1964. 230 с.
32. Козлов И. Ф. Педагогическая система А. С. Макаренко / сост. и авт. вступит. статья. В. М. Коротов. М. : Просвещение, 1987 г. 159 с.
33. Козлова Г. Н. Воспитание в отечественной общеобразовательной средней школе: цели, сфера действия, результаты (с начала XIX в. до середины XX в.). Н. Новгород, 1999. 294 с.
34. Козлова Г. Н. Воспитание в системе деятельности отечественной общеобразовательной школы (первая половина XX в.) М.-Чебоксары : Изд-во НАНИ ЧР, 2001. 302 с.
35. Козлова Г. Н. Две коренные проблемы государственной воспитательной политики (социально-исторический аспект). СПб. : Изд-во МИНПИ, 2004. 236 с.
36. Конисевич Л. В. Большая семья. Отдельные очерки о коммуне им. Дзержинского. М. : Изд-во «Пограничник», 1972. 94 с.
37. Конисевич Л. В. Нас воспитал Макаренко / под науч. ред. к.п.н. В. М. Опалихина. Челябинск : Изд-во ЧелОИПКиПРНО, 1993. 330 с.
38. Кострова В. Уроки Макаренко. Педагогическая поэма Ивана Токарева // Учительская газета. 2010, 4 мая. №18.
39. Кочурина С. А. Из истории Новониколаевского учительского института (1917–1920) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2011. С. 19–29.
40. Крупская Н. К. Выступление на VIII съезде ВЛКСМ // Крупская Н. К. Собр. соч в XI т. / под ред. И. А. Каирова. Т. 5. М., 1959. С. 269–270.

41. Кумарин В. В. Двое из трёх тысяч (о воспитанниках Макаренко Н. Чудной и Л. Конисевиче) // Учительская газета. 2002. № 14.
42. Кумарин В. В. «Фальсификаторы. Как в Марбурге создают «новый образ» А. С. Макаренко» // Учительская газета. 1973, 27 сент.
43. Лукин Ю. Б. Рыцарь коммунизма. // А. С. Макаренко. Марш 30 года. М. : Просвещение, 1988. С. 256–263.
44. Луначарский, А. В. Воспитание нового человека // А. В. Луначарский. О воспитании и образовании / под ред. А. М. Арсеньева М. : Педагогика, 1976. С. 269–299.
45. Лысенкова С. Н. Когда легко учиться. М. : Педагогика, 1990. 160 с.
46. Макаренко А. С. Воспитание гражданина. М. : Просвещение, 1988. 304 с.
47. Макаренко А. С. Детство и литература // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. И. А. Каирова. Т. 2. М. : Педагогика, 1977. С. 235-239.
48. Макаренко А. С. Докладная записка члену правления коммуны имени Ф. Э. Дзержинского // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 416–438.
49. Макаренко А. С. Заявление в центральный институт организаторов народного просвещения // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. с. 399-402.
50. Макаренко А. С. Избранные педагогические произведения. Ст., лекции, выступления. / сост. И. Ф. Козлов / под общ. ред. Е. Н. Медынского, И. Ф. Свядковского. М. : Учпедгиз, 1946. 320 с.
51. Макаренко А. С. Максим Горький в моей жизни // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 294–306.
52. Макаренко А. С. Марш 30 года. М. : Просвещение, 1988. 287 с.
53. Макаренко А. С. О воспитании. М. : ИПЛ, 1988. 256 с.
54. Макаренко А. С. Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии имени М. Горького» // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 375–380.

55. Макаренко А. С. Письмо А. М. Горькому от 3 августа 1925 г. // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 318–319.

56. Макаренко А. С. Письмо А. М. Горькому от 8 мая 1926 г. // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 333–334.

57. Макаренко А. С. Письмо А. М. Горькому от 25 февраля 1928 г. // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 341–344.

58. Макаренко А. С. Письмо А. М. Горькому от 18 сентября 1934 г. // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 361–363 с.

59. Макаренко А. С. Речь на юбилее школы №1 Ярославской железной дороги // Макаренко А. С. Сочинения в семи томах / Ред. кол. : И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. Т. 7. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 468–470.

60. Макаренко А. С. «Ты научила меня плакать...». (Переписка А. С. Макаренко с женой (1927–1939): в 2 т. / сост. Г. Хиллиг, С. С. Невская. М., 1994., т. 1. 280 с.

61. Макаренко В. С. Мой брат Антон Семёнович // Советская педагогика. 1991, № 6. С. 99–112.

62. Макаренко В. С. Мой брат Антон Семёнович // Советская педагогика. 1991, № 7. С. 91–104.

63. Медынский Е. Н. Просвещение в СССР. М. : Учпедгиз, 1955. 380 с.

64. Морозов В. В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Москва-Егорьевск : М. : МГГУ им. М. А. Шолохова. Егорьевский филиал, 2008. 230 с.

65. Н. Ф. и А. М. На велетенському фронті (На гигантском фронте. Опыт совхоза № 2). Харьков, 1930 г. (укр.). 76 с.

66. Н. Э. Мой учитель. М. : Правда, 1953. 103 с.

67. Опалихин В. М. Воспитанники А. С. Макаренко. Иван Токарев / Челябинск : Изд-во Чел. ин-та разв. проф. обр., 2013. 313 с.

68. Опалихин В. М. Пути повышения эффективности пропаганды педагогических знаний : В помощь организаторам лекционной пропаганды. Москва : о-во «Знание» РСФСР, 1983. 41 с.

69. Опалихин В. М. Развитие ученического самоуправления в школе : актуальные проблемы. М. : о-во «Знание» РСФСР, 1987. 39 с.
70. Остроменцкая Н. Ф. Навстречу жизни. Колония имени Горького // Народный учитель. 1928, № 1–2. С. 12–77.
71. Очерки по истории педагогики / под ред. Н. А. Константинова. М. : Учпедгиз, 1952. 490 с.
72. Павлова Н. В. Физическое воспитание в педагогическом опыте А. С. Макаренко // Известия АПН РСФСР, 1949, вып. 23. С. 51–118.
73. Полвека в пути / под ред. Ю. М. Рябова. Киров, Изд-во КГПИ, 1970. 440 с.
74. Помелов В. Б. А. С. Макаренко – современник всех поколений // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013, 1(1). С. 157–166.
75. Помелов В. Б. «Как хорошо, что мы сегодня юны!» (Творчество вятских беспризорников) // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (41). С. 271–283.
76. Помелов В. Б. Опыт-показательные образовательные учреждения в РСФСР в 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2019, № 3 (15). С. 94–101.
77. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, Изд-во «Информцентр», 1993. 84 с.
78. Помелов В. Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. 2018, № 4. С. 95–105.
79. Помелов В. Б. Путь в педагогику начинался на Вятке // Герценка : Вятские записки : научно-популярный альманах : вып. 14 / ред. кол. : Н. П. Гурьянова (отв. ред.). Киров: ИД «Герценка», 2009. С. 100–112.
80. Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – 1917 г. Киров : Изд-во ВятГПУ, 1998. 292 с.
81. Помелов В. Б. Российские педагоги: XIX–XX вв. Киров : Изд-во «РАДУГА-пресс», 2012. 620 с.
82. Помелов В. Б. Сердце, отданное детям. К 95-летию со дня рождения В. А. Сухомлинского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013, № 3 (1). С. 151–159.
83. Помелов В. Б. 100 великих педагогов. М. : Изд-во «Вече», 2018. 416 с.

84. Помелов В. Б. Тенденции развития российского образования первой половины XX в. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 187 с.
85. Помелов В. Б. Учитель В. Н. Сорока-Росинский и его педагогическое наследие // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Том 4. Выпуск 3. С. 17–22.
86. Помелов В. Б. Школьная коммуна как инновационная форма организации педагогической деятельности (1918–1925) // Ярославский педагогический вестник. 2017, № 6. С. 72–76.
87. Пуйман С. А. Начало педагогической деятельности И. Ф. Козлова. // Развитие школы и педагогической мысли на Вологодчине: межвуз. сб. научн. трудов / ред. кол.: Бондарь Ф. Т. (отв. ред.), Коркина Г. И., Макарова М. В., Твардовская Н. Ю., Тихонова А. В. Вологда, 1993. 234 с.
88. Поталак П. В. Институт трудового воспитания «Новая жизнь» Наркомпроса РСФСР. М. : Учпедгиз, 1940. 120 с.
89. Селихов Н., Вельтман С. Путёвка в жизнь // Смена. 1957, № 9. С. 17–21.
90. Соколова Н. А. Педагог-новатор А. А. Католиков // Дополнительное образование. 2003, № 1. С. 61.
91. Сухова Н. Ю. Волнин Александр Константинович // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 239–240.
92. Тартаковский Б. С. Повесть об учителе Сухомлинском. М. Просвещение, 1972. 210 с.
93. Терский В. Н. Вожатый, ты – педагог! / 3-е изд., испр. и доп. М. : Мол. гвардия, 1984. 78 с.
94. Терский В. Н., Кель О. С. Игра «Конкурс смекалки» в школе. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. 88 с.
95. Терский В. Н., Кель О. С. Игра. Творчество. Жизнь. М.: Просвещение, 1966 . 303 с.
96. Фере Н. Э., Бубнов В. З., Еленев А. В., Пильщиков Л. М. Пособие по эксплуатации машинно-тракторного парка. М. : Колос, 1978. 218 с.
97. Фере Н. Э. Мой учитель. М.: Правда, 1953. 103 с.
98. Фере Н. Э. Мой учитель. // Воспоминания о Макаренко (Сборник материалов) / Сост. Н. А. Лялин, Н.А. Морозова. Л., 1960. 346 с.
99. Фере Н. Э. Сельскохозяйственный труд в колонии им. М. Горького // Воспоминания о Макаренко (Сборник материалов) / Сост. Н. А. Лялин, Н. А. Морозова. Л., 1960. 346 с. С. 213–235.

100. Фере Н. Э., Усов П. В., Шмелёв Б. М. Сельскохозяйственное машиноведение. Пособие для учащихся 8 класса. М. : Учпедгиз, 1961. 208 с.
101. Фролов А. А. А. С. Макаренко в СССР, России и мире. 1939–2005 гг. Н.Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. 417 с.
102. Фролов А. А. А. С. Макаренко: московский период творчества. Хроника дел и мыслей. Н.Новгород : Изд-во НГПУ, 1997. 125 с.
103. Фролов А. А., Неживенко В. Н. Рикардо Семлер и Антон Макаренко: свободный труд – основа новой жизни и всестороннего развития человека. Н. Новгород : Изд-во Мининского ун-та, 2016. 40 с.
104. Хиллиг, Гётц. А. С. Макаренко и В. А. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ // В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976–2014). Полтава: ПНПУ им. В. Г. Короленко. Издатель Шевченко Р. В., 2014 г. 778 с.
105. Шаповал Ю. И., Золотарев В. А. «Гильотина Украины»: нарком Всеволод Балицкий и его судьба. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 406 с.
106. Шаталов В. Ф. Педагогическая проза. М. : Педагогика, 1980. 94 с.
107. Шаталов В. Ф. Точка опоры. М. : Педагогика, 1987. 164 с.
108. Шевчук Микола. Олександр Костянтинович Волнін – перший директор Полтавського вчительського інституту // Науковий вісник Мелітопольського державного педагогічного університету. 2016. № 2 (17). С. 292–296.
109. Шестерова Т. Макаренко гордился бы / Нижегородская правда. 2009, 26 февр. № 20.
110. Щетинин М. П. Объять необъятное. М. : Педагогика, 1986. 180 с.
111. Aleksandr Abarinov, Götz Hillig. Die Versuchung der Macht. Makarenkos Kiever Jahre (1935–1937). Marburg, 2000.
112. Wiktor Terski. Klubarbeit und Spiele bei A. S. Makarenko / Deutsch. von Dieter Pommerenke. Berlin : Volk und Wissen, 1962. 145 S.
113. V. Tyerszkij. A klubmunka és a játék Makarenko közösegében / Ford. Horváth György. Budapest : Tankönyvkiadó, 1964. 244 s.
114. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А2306 Оп.76. Д. 2723. Л. 76.
115. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-2304. Оп. 6. Д. 736.

116. ЦГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 126. Л. 158–160.

117. ЦГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 6. Д. 733.

119. Архив Вятского государственного университета. Личное дело А. К. Волнина.

120. Абаринов А. Антон Семёнович Макаренко. Чекист или романтик? Малоизвестные страницы биографии // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://belopolye.narod.ru/known_people/march/makarenko_abarinov.htm {дата обращения: 30.10.2020}.

121. Балицкий, Всеволод Аполлонович. URL: <https://wiki2.org/ru/> {дата обращения: 25.08.2017}.

122. Кубраков Григорий Максимович. По заветам Макаренко. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01001372424> {дата обращения: 31.11.2019}.

123. Рашковский А.Л. Выдающийся педагог, богослов и читатель Герценки. К юбилею библиотеки // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://maxpark.com/user/sacha652970/content/1079/> {дата обращения: 04.07.2017}.

124. URL: http://makarenkomuseum.ru/alm/n09/ASM_alm_2012_1_Hillig_G_Legend_about_ASM_diplom_work.htm Hillig G. The myth of «diploma work» of a graduate from Poltava Teachers' Institute A. S. Makarenko {дата обращения: 23.07.2016}.

125. URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/3712> {дата обращения: 04.07.2017}.

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

**А. С. МАКАРЕНКО
И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 05.03.2021 г.

Выход в свет 22.03.2021 г.

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 10,4.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6759.

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru
Тел. (8332) 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36